0
9
30

О 9/30.

В. А. БИЛЬБАСОВЪ.

ПЕРВЫЯ

ПОЛИТИЧЕСКІЯ ПИСЬМА

ЕКАТЕРИНЫ II.

Елизавета Петровна и Фридрихъ II.—Вестминстерскій договоръ.—Подложное письмо.—Графъ Станиславъ Понятовскій.—Арестъ Канцлера.—Допросы великой княгини.—Слѣдствіе и приговоръ.—Ссылка.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева, Екатерининскій кан., № 78.
1887.

0 9/30

В. А. БИЛЬБАСОВЪ.

ПЕРВЫЯ

ПОЛИТИЧЕСКІЯ ПИСЬМА

ЕКАТЕРИНЫ II.

Елизавета Петровна и Фридрихъ II.—Вестминстерскій договоръ.—Подложное письмо.—Графъ Станиславъ Понятовскій.—Арестъ Канцлера.—Допросы великой княгини.—Слѣдствіе и приговоръ.—Ссылка.

БИБЛІОТЕКА М.П.М.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева, Екатерининскій кан., № 78.
1887.

Екатерининскій кан., д. № 78.
2788

2007111503

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 3-го Іюня 1887 года.

ПЕРВЫЯ

ПОЛИТИЧЕСКІЯ ПИСЬМА

ЕКАТЕРИНЫ II.

«Какъ огня» боялась Екатерина II обнародованія своихъ писемъ. Вскорѣ по вступленіи на престолъ, она писала г-жѣ Жоффренъ: «Страшно боюсь писать послѣ письма напечатаннаго; боюсь, чтобы не приняли этого за желаніе мазать бумагу вкривь и вкось для того только, чтобы вымолить похвалы и заставить восхищаться своими произведеніями». Этотъ же припѣвъ, въ той или другой формѣ, повторяла она во многихъ позднѣйшихъ письмахъ, почти до самой своей смерти. Современники хорошо понимали эту «боязнь», и многія письма Екатерины были обнародованы еще при ея жизни. Вслѣдъ за ея смертью начали появляться цѣлые уже томы писемъ, и всевозможныя «переписки россійской императрицы» сдѣлались довольно ходкимъ товаромъ на книжномъ рынкѣ. Особенно посчастливилось «перепискѣ» съ Вольтеромъ, выдержавшей нѣсколько изданій и переведенной почти на всѣ европейскіе языки. Россія не отставала въ этомъ отношеніи отъ Европы, и письма Екатерины II предлагались публикѣ, какъ любимое чтеніе, въ различныхъ изданіяхъ. Уже въ 1803 году появилась «Переписка россійской императрицы Екатерины II и господина Вольтера» [1]); нѣсколько позже, въ 1807 году—«Переписка императрицы Екатерины II съ разными особами» и др., до смирдинскаго изданія «Сочиненій императрицы Екатерины II» включительно, гдѣ, въ

---

[1]) Перевелъ съ Французскаго Иванъ Фабіянъ. 2 тома. Москва. 1803.

третьемъ томѣ, помѣщено нѣсколько сотень ея писемъ къ разнымъ лицамъ.

Только въ послѣднее время письма Екатерины обратили на себя серьезное вниманіе и стали появляться въ изданіяхъ болѣе удовлетворяющихъ научнымъ цѣлямъ. Наибольшая заслуга въ этомъ отношеніи принадлежитъ, безспорно, русскому историческому обществу: его трудами изданы уже пять томовъ писемъ Екатерины, хранящихся въ государственномъ архивѣ, и начато изданіе ея «Политической переписки», наполнившей уже три тома «Сборника» только за первые четыре года царствованія. Эта «Политическая переписка» открывается указомъ графу З. Г. Чернышеву, отъ 28-го іюня 1762 года. Но Екатерина писала политическія письма будучи еще великою княгинею; ея переписка, напримѣръ, съ Уильямсомъ, англійскимъ посланникомъ въ Петербургѣ, признается важнымъ историческимъ матеріаломъ. Эти первыя политическія письма Екатерины разбросаны въ различныхъ иностранныхъ изданіяхъ и ни разу еще не были изданы въ Россіи; до настоящаго времени они не подвергались серьезной критикѣ, и даже такія чисто ученыя изданія, какъ «Politische Correspondenz Friedrichs des Grossen», помѣщали несомнѣнно подложныя письма, которыхъ Екатерина никогда не писала и писать не могла.

Первыя политическія письма Екатерины имѣли чрезвычайно важное значеніе какъ для нее, такъ и для близкихъ ей лицъ. По поводу этихъ писемъ производилось формальное слѣдствіе, при чемъ не избѣгла допросовъ и сама великая княгиня, лица высокопоставленныя подверглись аресту, нѣкоторые изъ нихъ умерли на глазахъ слѣдователей и рѣшительно всѣ, за исключеніемъ Екатерины, поплатились ссылкой.

Въ государственномъ архивѣ хранятся «Допросные пункты и вины канцлера Бестужева-Рюмина, фельдмаршала Апраксина и барона Штамбке» (II, 385). По существу вопросныхъ пунктовъ и «винъ», это есть слѣдственное дѣло о первыхъ поли-

тическихъ письмахъ великой княгини Екатерины Алексѣевны. Дѣло это сохранилось не вполнѣ. Въ немъ нѣтъ многихъ вопросовъ и отвѣтовъ; нѣтъ первыхъ показаній ни Бестужева, ни Апраксина; вовсе нѣтъ показаній Бернарди, Елагина, Ададурова, Владиславлевой, Измайлова. Изъ слѣдственнаго дѣла, продолжавшагося полтора года, уцѣлѣло только девятнадцать бумагъ, по которымъ не трудно, однако, представить себѣ какъ ходъ слѣдствія, такъ и цѣли, имѣвшіяся при этомъ въ виду.

Эти бумаги были извѣстны въ отрывкахъ, но никогда еще не были изданы вполнѣ. Здѣсь они печатаются съ сохраненіемъ всѣхъ особенностей подлинника, при чемъ слова и выраженія зачеркнутыя помѣщаются въ скобкахъ.

I.

Екатерина II писала много, легко и охотно. Далеко не всѣ еще ея письма, указы, резолюціи и записочки изданы, а между тѣмъ число обнародованныхъ уже превышаетъ десять тысячъ листковъ, ею писанныхъ, исправленныхъ или подписанныхъ. Къ числу не изданныхъ относятся и ея первыя политическія письма, которыя были писаны ею еще въ качествѣ великой княгини Екатерины Алексѣевны и имѣли такое рѣшительное вліяніе какъ на судьбу многихъ лицъ въ Россіи и за ея предѣлами, такъ и на политическія соображенія даже такого „просвѣщеннаго деспота“, какъ Фридрихъ II. Подлинники этихъ писемъ еще не отысканы; они сохранились или въ копіяхъ, всегда лишь болѣе или менѣе достовѣрныхъ, или въ пересказѣ, рѣдко достигающемъ точности подлинника. Не подлежитъ сомнѣнію только время ихъ написанія—первыя политическія письма Екатерины относятся къ началу Семилѣтней войны.

Семья европейскихъ государствъ пополнилась въ началѣ XVIII столѣтія двумя новымъ членами—Прусскимъ королевствомъ, создавшимся изъ курфюршества Бранденбургскаго, и Россійскою имперіею, выросшею изъ Московскаго царства. И Прусское королевство, и Русская имперія народились совершенно естественнымъ ростомъ, который обусловливался ихъ географическимъ положеніемъ и экономическими условіями. Современники этого роста не сознавали его естественнаго хода; будучи творцами его, они преслѣдовали только ближайшія цѣли, упуская изъ вида наиболѣе глубокія причины и не обращая вниманія на отдаленнѣйшія послѣдствія. Первый король Прусскій, называвшій перваго Русскаго императора своимъ лучшимъ другомъ (mon meilleur ami), съ безпокойствомъ взиралъ на усиленіе

Россіи: „j'aime les amis forts", говорилъ Фридрихъ Вильгельмъ I,—„mais non les voisins puissants". Едва сошли въ могилу оба эти „лучшія друзья", какъ ихъ дѣти, Фридрихъ II и Елизавета Петровна, помѣнялись ролями, и уже русская императрица съ тревогою смотритъ на усиленіе Пруссіи: дочь Петра I признаетъ Пруссію „наисильнѣйшимъ сосѣдомъ, а потому натурально и наиопаснѣйшимъ". Это взаимное недовѣріе, весьма понятное и естественное, скоро привело оба государства къ кровавому столкновенію.

Исторія Семилѣтней войны еще не написана. Старательно собраны и тщательно разработаны только матеріалы, касающіеся участія германскаго элемента—преимущественно прусскіе, австрійскіе, саксонскіе; матеріалы французскіе и англійскіе изданы еще не вполнѣ; что же касается русскихъ, то обработка ихъ только что началась, благодаря трудамъ полковника генеральнаго штаба Масловскаго, издавшаго въ прошломъ году первый томъ своего обширнаго изслѣдованія объ участіи русской арміи въ Семилѣтнюю войну [1]). Судя по первому тому, можно предположить, не опасаясь впасть въ грубую ошибку, что русскіе матеріалы представятъ въ совершенно новомъ свѣтѣ какъ многіе факты самой войны, такъ и отношенія Россіи къ другимъ державамъ, преимущественно же къ Пруссіи. Въ такомъ новомъ свѣтѣ представляются теперь, между прочимъ, и первыя политическія письма Екатерины [2]), вытекавшія изъ особыхъ отношеній Елизаветы Петровны къ Фридриху II.

Трудно себѣ представить двухъ современныхъ государей болѣе противоположныхъ, чѣмъ императрица Елизавета Петровна и король Фридрихъ II.

Дочь Екатерины Скавронскихъ, Елизавета Петровна унаслѣдовала отъ своихъ родителей чрезвычайно красивую внѣшность. Стройная, съ густою каштановою косою и темными бровями, оттѣнявшими большіе голубые глаза, съ привлекательною улыбкою, легко переходившею въ шаловливый смѣхъ, выказывавшій строй бѣлыхъ зубовъ, всегда привѣтливая съ чужими, ласковая съ близкими, живая, любезная, веселая, Елизавета Петровна производила чарующее впечатлѣніе на мужчинъ. Враждебно относившійся къ царевнѣ

---

[1]) Русская армія въ Семилѣтнюю войну. I. Походъ Апраксина въ Восточную Пруссію. Москва. 1886.

[2]) „Новые русскіе матеріалы по исторіи Семилѣтней войны" въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1887, январь.

Елизаветѣ Петровнѣ испанскій посланникъ герцогъ де-Лиріа называлъ ея красоту сверхестественною (maravilla). Во всей фигурѣ Фридриха II было что-то отталкивающее; острый носъ и впалые глаза съ ихъ пронизывающимъ взглядомъ производили хищническое впечатлѣніе; его высокомѣріе, граничившее съ презрѣніемъ ко всѣмъ окружающимъ, не вселяло довѣрія къ нему, и не смотря на то, его свѣтлый умъ, легко разбиравшійся въ самыхъ запутанныхъ вопросахъ, его проницательный взглядъ, предусматривавшій отдаленнѣйшія послѣдствія всѣхъ дѣйствій, и его настойчивый характеръ, преслѣдовавшій до конца разъ поставленную цѣль, невольно приковывали къ нему и подчиняли его сильной волѣ. Трудно пересчитать всѣ проекты брачныхъ союзовъ, составлявшіеся ради Елизаветы Петровны, всѣхъ искателей ея руки и счастливцевъ, ею избранныхъ. Еще ребенкомъ, она была уже предметомъ брачнаго проекта съ Французскимъ королемъ Людовикомъ XV, потомъ съ герцогомъ Шартрскимъ и съ Кондѣ, герцогомъ Бурбонскимъ; за женихами-французами выступаютъ претенденты нѣмцы—принцъ Карлъ Августъ, епископъ Любскій, Курляндскій герцогъ Фердинандъ, принцъ Морицъ Саксонскій, принцъ Фридрихъ Зульбахскій, маркграфъ Карлъ Бранденбургъ-Байрейтскій и даже принцъ Петръ Бирона; просилъ руки Елизаветы Петровны и донъ Мануэль, инфантъ Португальскій. Отъ иностранцевъ не отставали русскіе: императоръ Петръ II, влюбленный въ свою красавицу-тетку, близкій къ императору князь П. А. Долгоруковъ, не говоря уже о князѣ А. А. Меншиковѣ. Счастливѣе всѣхъ этихъ претендентовъ и искателей оказались избранники самой Елизаветы Петровны—первый „рабъ ея сердца“ гвардеецъ А. Б. Бутурлинъ, красавецъ А. Я. Шубинъ, конюхъ Адреянъ Вожжинскій, пажъ Лялинъ, пѣвчій А. Г. Разумовскій, камергеръ П. И. Шуваловъ и, можетъ быть, другіе. Какъ все это не похоже на бракъ Фридриха II, противъ его воли, единственно по приказанію отца, съ несимпатичною принцессой Христиной Брауншвейгъ-Бевернской! Все образованіе Елизаветы Петровны ограничивалось разговоромъ на французскомъ и нѣмецкомъ языкѣ, при чемъ она, видя примѣры циническаго разврата и полнаго разгула, скоро пристрастилась къ „бархатному пивцу, да сладкому медку, да праздничной бражкѣ“; Фридрихъ II же, пройдя суровую школу деспота-отца, любилъ ученую бесѣду Шазо и Фуке, Бильфельда и Кнобельздорфа, Іордана, Зума и др., переписывался съ Вольтеромъ и, кромѣ зейделя пива, не переносилъ никакихъ горячительныхъ напитковъ. Какъ и Фридрихъ II,

Елизавета Петровна много терпѣла отъ предержащей власти — отъ Анны Ивановны и Анны Леопольдовны, отъ Меншикова и Долгорукова, отъ Бирона и Остермана; но какая разница: Елизавету Петровну хотѣли только заточить въ монастырь и она, избѣгая непріятности, удалилась въ свою Александровскую Слободу, гдѣ, въ мужскомъ костюмѣ, который такъ шелъ къ ней, полевала въ обществѣ любимца Шубина или водила хороводы съ сельскими дѣвками; то „безъ стыда продѣлывала вещи, которыя заставляли краснѣть даже наименѣе скромныхъ“, то „горячо молилась передъ образомъ Знаменія Пресвятыя Богородицы“. Фридрихъ II, послѣ заточенія въ Кюстринской крѣпости и въ тюрьмахъ Кепеника и Берлина, уединился въ свой Рейнсбергъ, гдѣ окружилъ себя учеными, обложился книгами, задумывался надъ „Système du gouvernement“, писалъ „Anti-Macchiavel“ и изрѣдка, подражая модѣ, изощрялся въ богохульствѣ. Когда отецъ потребовалъ, чтобъ онъ отрекся отъ правъ на престолъ въ пользу своего брата, Фридрихъ, зная взглядъ отца на супружескую вѣрность, отвѣчалъ: „Согласенъ, если отецъ объявитъ публично, что я не его законный сынъ“. Когда же Елизаветѣ Петровнѣ предлагали корону, ради которой Анна Ивановна поспѣшила изъ Митавы въ Москву, цесаревна не захотѣла сдѣлать и одного шага, чтобы поддержать свои права, и нужно было десять лѣтъ несносныхъ преслѣдованій и мелочныхъ непріятностей отъ двухъ женщинъ, мстившихъ ей за красоту, чтобъ она рѣшилась идти въ казармы и возмущать солдатъ противъ властей, которымъ сама же присягала [1]).

Два раза, въ самые рѣшительные для Фридриха II моменты, и оба раза совершенно невольно, Россія благопріятствовала успѣхамъ прусской политики: въ 1740 году, когда вѣсть о смерти Анны Ивановны дала Фридриху II, по его собственному сознанію, послѣдній толчекъ къ занятію Силезіи, и въ 1761 году, когда смерть Елизаветы Петровны избавила Фридриха II отъ всѣхъ злосчастныхъ для него послѣдствій Семилѣтней войны. Въ промежутокъ этихъ двадцати лѣтъ, во все время царствованія Елизаветы Петровны, Фридрихъ II постоянно и зорко слѣдилъ за Россіею, безуспѣшно стараясь склонить ее въ пользу прусскихъ интересовъ.

Въ своихъ мемуарахъ, писанныхъ въ 1746 году, Фридрихъ II совѣтовалъ своимъ преемникамъ „дружбу“ съ Россіей, такъ какъ

---

[1]) Государственный архивъ, II, №№ 38 и 51.

„Россія, по своему положенію и могуществу—опаснѣйшій изъ всѣхъ сосѣдей", при чемъ онъ высказывалъ въ то же время желаніе, чтобы „Россія никогда не вмѣшивалась въ нѣмецкія дѣла: самое лучшее—оставить медвѣдя въ его берлогѣ и не давать ему даже замѣтить, что въ немъ нуждаются или его боятся" [1]). Вскорѣ, однако, онъ убѣдился, что Россія можетъ вмѣшаться не только въ нѣмецкія, но даже въ прусскія дѣла: въ ночь на 4-е октября 1746 года, въ Берлинѣ былъ арестованъ „русскій шпіонъ", бумаги котораго раскрыли „тактику русскаго двора" относительно Пруссіи и Прусскаго короля.

Иванъ Ферберъ, изъ старой данцигской фамиліи, дезертировалъ изъ датской военной службы, женился на извѣстной всему Гамбургу комедіанткѣ, былъ прусскимъ резидентомъ въ Данцигѣ и съ 1740 года проживалъ въ Берлинѣ, въ собственномъ домѣ. Вслѣдствіе доноса, онъ былъ арестованъ, въ домѣ его произведенъ обыскъ, и изъ захваченныхъ бумагъ выяснилось, что онъ велъ переписку съ „русскими дипломатами и эмиссарами". Въ числѣ бумагъ оказались, между прочимъ, „ein scandaleuses Epigramm gegen Seine Königlichen Majestät" и двѣ рукописи преступнаго содержанія; въ одной, писанной еще въ 1744 году — Schreiben eines Freundes an einen Russischen Biedermann—Россіи совѣтуется „занять Восточную Пруссію и тѣмъ не только обрѣзать крылья слишкомъ ужь воспарившему сосѣду, но и усугубить свою славу, честь и уваженіе во всемъ мірѣ"; въ другой, позднѣйшей, указываются даже способы войны съ Пруссіею: „утомлять и обезпокоивать прусскія войска иррегулярною русскою конницею, главное же, избѣгать генеральнаго сраженія". 22-го октября, въ 9 часовъ утра, въ Спандау, Ферберъ былъ обезглавленъ [2]).

Въ 1747 году была заключена англо-русская субсидная конвенція, угрожавшая Пруссіи; въ 1750 году, русскій представитель Гроссъ поспѣшно (brusquement) покинулъ Берлинъ и дипломатическія сношенія Россіи съ Пруссіею были прерваны.

Для Фридриха II стало очевиднымъ, что медвѣдя въ берлогѣ не удержать, и онъ началъ изыскивать мѣры къ возможно большему

---

[1]) Polit. Corresp. Friedrichs, V, 11.

[2]) Preussische Staatsschriften aus der Regierungszeit König Friedrichs II, 194. Этотъ эпизодъ впервые теперь обнародованъ исключительно по прусскимъ бумагамъ; къ нему должно относиться крайне осторожно. Для насъ онъ имѣетъ значеніе потому только, что самъ Фридрихъ II придавалъ ему особенную важность, что̀ видно какъ изъ быстроты слѣдствія и суда, оконченныхъ съ 4-го по 22-е октября, такъ и изъ строгости приговора.

ослабленію, если не къ полному устраненію надвигавшагося съ востока удара. Въ числѣ такихъ мѣръ, на первомъ планѣ, стоялъ союзъ съ Англіею.

Дорого заплатилъ Фридрихъ II за Вестминстерскій договоръ 5-го января 1756 года. Это былъ капитальный промахъ [1]), подобнаго кото-

---

[1]) Нѣмецкіе историки, долгое время видѣвшіе въ Вестминстерскомъ договорѣ „мастерской маневръ" Фридриха II, начинаютъ уже сознавать, что это „великое намѣреніе" (das grosse Dessein) было довольно грубою ошибкою; но все еще стараются такъ или иначе свалить съ больной головы на здоровую, лишь бы оправдать „великаго короля". Такъ, Bernhardt, въ своемъ сочиненіи „Friedrich II und der Beginn des siebenjährigen Krieges", говоритъ: „Einer der vornehmlichsten Gesichtspunkte Friedrichs bei dem Vertrage mit England bestand gerade darin, sich durch denselben gegen das mit dieser Macht befreundete Russland zu sichern. Man wird selbst bei Friedrichs Scharfblick diesen Irrthum wohl begreifen können, indem es ohne Zweifel zu den schwierigsten Aufgaben eines Staatsmannes gehört, eine Politik richtig zu schätzen, deren Mittelpunkt die Laune und Reizbarkeit eines Weibes bilden, und deren Organe sich vor allem von der Rücksicht auf die Höhe der zu ihrer Bestechung verwendeten Geldsumme leiten lassen" (Hist. Zeitschr., XII, 50). О „капризахъ" Елизаветы Петровны въ данномъ случаѣ не можетъ быть и рѣчи—можно только, зная ея характеръ, удивляться, напротивъ, выдержкѣ; что же касается подкуповъ, то они въ то время лишь облегчали дипломатическіе ходы—самъ же Фридрихъ II находилъ, что для успѣха нужно только „faire entrer un âne chargé d'or à Petersbourg" (Polit. Corr., I, 91). Иначе смотритъ на этотъ договоръ *Max Duncker*, „Der siebenjährige Krieg": „Der Entschluss des Königs war richtig, insoweit es darauf ankam, den Weg zu betreten, der möglicherweise den Frieden in Deutschland erhalten konnte, insoweit es die vornehmste Aufgabe war, wenigstens einen der Gegner (England) zu entwaffnen. Falsch hatte der König gerechnet, soweit er glaubte durch die Verbindung mit England auch Russland und Oesterreich, mindestens aber Russland, entwaffnen zu können. Er überschätzte die finanziellen Verlegenheiten Russlands und noch mehr die Oesterreichs; er überschätzte den Einfluss Englands in Wien und noch mehr dessen Einfluss in Petersburg. Er wusste nicht, wie eng, wie solidarisch Oesterreich und Russland verbunden waren, noch weniger, in welchem Masse Kaunitz den Hof von Paris gewonnen hatte" (*Hist. Zeitschr.*, XIX, 157). Удивительная логика: если Вестминстерскимъ договоромъ „обезоруживался одинъ противникъ, Англія", то имъ же вооружался новый — Франція. Вѣдь договоръ былъ подписанъ въ январѣ 1756 г., а еще въ 1754 г. французскіе колонисты Канады и Луизіаны своими фортами по оксану, Огіо и Миссисипи возбуждали англійскихъ колонистовъ, и 28-го мая маіоръ Георгъ Вашингтонъ одержалъ первую побѣду; послѣ столкновенія въ водахъ Ньюфоундлэнда, 8-го іюня 1755 г., англійскаго и французскаго флотовъ не могло быть уже сомнѣнія, что союзники Англіи будутъ признаны Франціей за своихъ враговъ, и на оборотъ. Если, наконецъ, ошибочный взглядъ на русскій дворъ и можетъ быть объясненъ отсутствіемъ прусскаго представителя (Preussen hatte zu jener Zeit keinen Gesandten an dem Petersburger

рому Фридрихъ II никогда не дѣлалъ ни прежде, ни послѣ: этимъ договоромъ число враговъ его не уменьшилось, такъ какъ мѣсто Англіи заняла теперь Франція, врагъ, къ тому же, болѣе опасный, и не увеличилось число друзей—Россія, какъ была, такъ и осталась союзницей Австріи, а не Пруссіи; но злѣйшій врагъ Фридриха, Австрія, послѣ Версальскаго договора, бывшаго роковымъ, неизбѣжнымъ послѣдствіемъ договора Вестминстерскаго, получила новую силу и значеніе. Извѣстіе о Вестминстерскомъ договорѣ произвело въ Петербургѣ крайне неблагопріятное для Фридриха впечатлѣніе, между тѣмъ какъ онъ разсчитывалъ именно на Россію: Фридрихъ разчитывалъ, что при помощи англо-русскаго субсиднаго договора Англія не только удержитъ Россію отъ союза съ Австріею, но вовлечетъ ее вполнѣ въ сферу прусскихъ интересовъ, и просчиталъ—результатъ получился прямо противоположный. Именно: извѣстіе о Вестминстерскомъ договорѣ пришло въ Петербургъ нѣсколько дней спустя послѣ ратификаціи русско-англійскаго субсиднаго договора и вызвало знаменитую секретнѣйшую декларацію, déclaration secretissime, въ которой Елизавета Петровна категорически заявила, что субсидный договоръ заключенъ ею именно противъ Пруссіи [1]). Когда Митчель, англійскій посланникъ, представилъ Фридриху эту декларацію, король „молча прочелъ ее и совершенно спокойно замѣтилъ, что эта декларація дѣлаетъ субсидный договоръ съ Россіею безполезнымъ“ [2]), а вѣдь на субсидномъ-то договорѣ покоился, между прочимъ, и Вестминстерскій договоръ!

Сравнительно удачнѣе была вторая мѣра Фридриха II относительно Россіи—пріобрѣтеніе сочувствія молодого русскаго двора, великаго князя Петра Ѳеодоровича и великой княгини Екатерины Алексѣевны. Эта мѣра привела, въ концѣ концовъ, къ желанной цѣли, но помимо

Поле), если прусскій посланникъ въ Вѣнѣ „не дорось“ до Кауница (Keith in Wien Kaunitz in keiner Weise gewachsen war), то, вѣдь, Книгаузенъ въ Парижѣ былъ цѣлою головою выше современныхъ ему дипломатовъ.

[1]) Sa Majesté Impériale déclare par ces présentes et se tient à ces termes précis, savoir que le cas de la diversion à faire, à laquelle Sa Majesté Impériale s'est engagé par la convention qui vient d'être ratifiée, ne peut et ne doit exister que lorsque *le roi de Prusse* attaquera les états de Sa Majesté le roi de la Grande Bretagne ou ceux de ses alliés (British Museum in London).

[2]) I put the Russian declaration into His Majesty's hands, which he read over unmoved and observed with great calmness that it made our treaty with Russia quite useless. Polit. Corr. XIII, 35.

воли Фридриха II, вслѣдствіе дружбы англійскаго посла въ Петербургѣ, сэра Чарльза Гэнбури Уильямса, съ польскимъ графомъ Станиславомъ Понятовскимъ, близкимъ человѣкомъ къ молодому двору, особенно къ великой княгинѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ.

По словамъ Фридриха II, онъ „всячески старался пріобрѣсть дружбу Россіи“. Однимъ изъ самыхъ раннихъ поводовъ къ этому послужилъ выборъ невѣсты для великаго князя Петра Ѳеодоровича. Вотъ какъ самъ Фридрихъ II разказываетъ объ этомъ въ своихъ мемуарахъ:

„Для обезпеченія престолонаслѣдія, императрица Елизавета задумала женить великаго князя, своего племянника. Болѣе другихъ невѣстъ императрицѣ нравилась сестра Прусскаго короля принцесса Ульрика; саксонскій же дворъ домогался, чтобъ выборъ палъ на дочь Саксонскаго короля принцессу Маріанну. Въ интересахъ Пруссіи слѣдовало во что бы ни стало воспрепятствовать такому союзу Россіи съ Саксоніей, не жертвуя, однако, для этого прусскою принцессою. Выходъ изъ этого положенія былъ найденъ. Изъ всѣхъ нѣмецкихъ принцессъ, достигшихъ къ этому времени брачнаго возраста, принцесса Софія Ангальтъ-Цербстская представлялась наиболѣе пригодною какъ для Россіи, такъ и для интересовъ Пруссіи: отецъ ея былъ фельдмаршаломъ въ арміи Прусскаго короля; мать ея, изъ Голштинскаго рода, приходилась теткою русскому великому князю. Для устройства этого брака потрачено такъ много хлопотъ, какъ будто это было дѣло величайшей важности. Этимъ бракомъ утверждалась безопасность Пруссіи: русская великая княгиня, вскормленная и воспитанная въ прусскихъ земляхъ, обязанная своимъ счастіемъ Прусскому королю, должна, изъ чувства благодарности, держать его сторону“ [1]).

Хлопотъ, дѣйствительно, было много. Саксонская партія при петербургскомъ дворѣ была сильна; за принцессу Маріанну былъ гр. Бестужевъ-Рюминъ, близкій совѣтникъ Елизаветы Петровны; противъ принцессы Софіи были и Бестужевъ-Рюминъ, и православное духовенство. Бестужевъ внушалъ, между прочимъ, Елизаветѣ Петровнѣ, что принцесса Софія, перемѣнивъ вѣру, „никогда не будетъ истинно православною“ [2])—доводъ довольно слабый, именно потому, что былъ пригоденъ и для жениха, уже объявленнаго наслѣдникомъ престола. Важнѣе былъ вопросъ о кровосмѣшеніи (la proximité du sang) и по-

---

[1]) *Herrmann*, Geschichte des Russischen Staates, V, 76.

[2]) La princesse ne serait jamais bien grecque. Polit. Corr. III, 191.

тому уже, что противникомъ Софіи выступилъ архіепископъ Новгородскій. Фридрихъ II устранилъ и это затрудненіе: его посланникъ въ Петербургѣ, баронъ Мардефельдъ, посовѣтовалъ „предложить архіепископу тысячу рублей съ обѣщаніемъ въ случаѣ успѣха, утроить взятку (tripler la dose), если архіепископъ заявитъ императрицѣ, какъ бы по собственному побужденію, что онъ, старательно перелистовавъ всѣхъ греческихъ отцовъ церкви и взвѣсивъ всѣ ихъ доводы, ясно увидѣлъ, что этотъ бракъ не противорѣчитъ канонамъ греческой церкви“ [1]). Улаживая столь серьезные вопросы, Фридрихъ II въ то же время настаиваетъ, чтобъ принцессу Софію заранѣе пріучали къ придворнымъ манерамъ [2]). Все шло хорошо, и принцесса Софія жила уже съ матерью въ Москвѣ, обласканная Елизаветою Петровною, въ качествѣ невѣсты наслѣдника престола, какъ вдругъ невѣста захворала, и на столько опасно, что сторонники саксонской принцессы возрадовались, а гр. Бестужевъ-Рюминъ „открыто“ ликовалъ, увѣренный, что принцесса Софія умретъ [3]). Все, однако, уладилось къ полному удовольствію Фридриха II и 21-го августа 1745 года Цербстская принцесса Софія стала великою княгиней Екатериной Алексѣевной.

Пятнадцатилѣтней дѣвочкѣ, хотя и „toute faite“, могли остаться неизвѣстны всѣ эти „хлопоты“ Фридриха II; въ Москвѣ же, на глазахъ противной партіи, отъ нея, конечно, тщательно скрывали всѣ эти услуги Прусскаго короля. Но при ней ея мать, княгиня Елизавета Цербстская, вся преданная интересамъ Фридриха II, вѣрный другъ „своего благодѣтеля“ [4])—она все раскроетъ дочкѣ, и, выросшая въ интригахъ, пронырливая до назойливости, вселитъ русской великой княгинѣ тѣ чувства къ Фридриху II, которыхъ онъ домогался.

Въ началѣ, не имѣя еще точныхъ свѣдѣній о великомъ князѣ Петрѣ Ѳедоровичѣ, Фридрихъ II поручалъ своему представителю въ Петербургѣ „приласкивать по возможности великаго князя, чтобъ добиться его дружбы“ [5]); но вскорѣ увидѣлъ, кому принадлежитъ выдающаяся роль при русскомъ молодомъ дворѣ. Уже въ 1747 году, въ депешѣ отъ 12-го августа, прусскій посланникъ Финкенштейнъ сообщалъ своему королю: „Можно биться объ закладъ, что великій

[1]) Polit. Corresp. II, 488.

[2]) J'ai fait quelques insinuations à la mère de la princesse d'Anhalt Zerbst pour que celle-ci apprenne la danse haute. II, 481.

[3]) III, 94, 95, 191.

[4]) III, 10, 11.

[5]) III, 28.

князь никогда не будетъ царствовать въ Россіи; не говоря уже о слабомъ здоровьи, угрожающемъ преждевременною смертью, русскій народъ такъ ненавидитъ великаго князя, что онъ рискуетъ лишиться короны даже и въ томъ случаѣ, еслибъ она естественно перешла къ нему по смерти императрицы“ [1]). Въ началѣ же 1752 года, самъ Фридрихъ II такъ уже отзывается о немъ: „Великій князь чрезвычайно неосторожень въ своихъ рѣчахъ, по большей части въ ссорѣ съ императрицей, мало уважаемъ, чтобъ не сказать презираемъ, народомъ, и слишкомъ ужъ занятъ своею Голштиніею“ [2]). Фридрихъ II менѣе интересуется уже великимъ княземъ и занятъ только великою княгинею: въ раздорахъ русскаго молодого двора его печалятъ только „непріятности, испытываемыя великою княгинею“ [3]); только ей въ угоду назначаетъ онъ пенсію графу Брюммеру [4]).

Фридрихъ II не имѣлъ ни повода, ни возможности переписываться непосредственно съ русскою великою княгиней. До вступленія своего на престолъ Екатерина написала ему счетомъ три письма: въ первомъ, не сохранившемся или, по крайней мѣрѣ, еще не обнародованномъ, принцесса Софія извѣстила Фридриха II о своемъ обрученіи съ наслѣдникомъ русскаго престола [5]); во второмъ отъ 21-го

---

[1]) V, 472.

[2]) IX, 33.

[3]) VI, 255.

[4]) VII, 213; V, 66.

[5]) Въ „Перепискѣ императрицы Екатерины II съ королемъ Фридрихомъ“, изданной Русскимъ Историческимъ Обществомъ, помѣщены далеко не всѣ письма, не смотря на предувѣдомленіе, что „письма императрицы Екатерины II сообщены изъ государственнаго архива въ Берлинѣ имперскимъ канцлеромъ княземъ Бисмаркомъ, а письма короля Фридриха II сообщены изъ государственнаго архива въ Петербургѣ государственнымъ канцлеромъ княземъ Горчаковымъ“. Здѣсь не помѣщено, между прочимъ, письмо Фридриха II къ великой княгинѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ отъ 5-го августа (25-го іюля) 1744 г., напечатанное въ „Politische Correspondenz“, III, 237. Оно было переслано чрезъ барона Мардефельда, которому король писалъ: „Je vous adresse ci-clos ma réponse à la lettre que la grande duchesse des Russies m'a fait le plaisir de m'écrire“ (III, 239). Этого письма великой княгини тоже нѣтъ въ „Перепискѣ“ (*Сборникъ Русск. Истор. Общества*, XX, 149). Судя по отвѣту, именно по встрѣчающемуся въ немъ выраженію: „l'élévation de Votre Altesse Impériale à cette dignité“, надо полагать, что принцесса Софія извѣщала Фридриха II о своемъ переходѣ въ православіе, нареченіи великою княжною Екатериною Алексѣевною и обрученіи съ великимъ княземъ Петромъ Ѳедоровичемъ. Письмо Фридриха II отъ 5-го августа (25-го іюля) 1744 не могло быть отвѣтомъ на то письмо Екатерины, которое помѣщено въ

іюля (1-го августа) 1744 года, благодарила его за участіе „въ созданіи того новаго положенія, въ которое она поставлена", и въ третьемъ, отъ 12-го марта 1762 г.—за поздравленіе „съ восшествіемъ на престолъ императора, ея супруга". Всѣ эти письма, составленныя, по обычаю того времени, въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, не представляютъ интереса и никоимъ образомъ не могутъ служить ни характеристикой Екатерины, ни указателемъ ея отношеній къ Фридриху II. До 1750 г., когда были прерваны всякія дипломатическія сношенія между Петербургомъ и Берлиномъ, Фридрихъ II имѣлъ свѣдѣніе о русскомъ молодомъ дворѣ отъ своихъ представителей; съ 1750 же года до него доходили только случайныя извѣстія, нерѣдко отъ лицъ, проѣзжавшихъ чрезъ Берлинъ. Такъ, напримѣръ, приведенный выше отзывъ его о великомъ князѣ Петрѣ Ѳедоровичѣ, отъ 1752 года, былъ основанъ на сообщеніи „проѣзжавшаго чрезъ Берлинъ изъ Петербурга" графа Линара. Только съ 1756 г., послѣ заключенія Вестминстерскаго договора, Фридрихъ II сталъ получать болѣе частыя извѣстія отъ Уильямса, англійскаго посланника въ Петербургѣ.

Въ началѣ 1755 года, англійскій посланникъ при русскомъ дворѣ, Гюи-Диккенсъ сталъ просить о своемъ отозваніи. Онъ слишкомъ старъ, онъ усталъ: „Англійскій король долженъ имѣть при этомъ дворѣ посломъ человѣка во цвѣтѣ лѣтъ, крѣпкаго и здороваго. По здѣшнимъ понятіямъ, посолъ не долженъ пропускать ни одного куртага и бала, ни одного маскарада и спектакля, вообще ни одного общественнаго увеселенія. Въ этомъ здѣсь видятъ главную задачу всякаго посольства, къ чему я уже по старости лѣтъ неспособенъ какъ бы это ни признавалось здѣсь необходимымъ" [1]). Диккенсъ видитъ, что переговоры затягиваются, дѣла залеживаются, и не находитъ въ себѣ достаточныхъ силъ ни ускорить рѣшеніе важныхъ для правительства вопросовъ, ни противодѣйствовать всѣмъ интригамъ и кознямъ, разыгрывающимся при русскомъ дворѣ: „Ничто здѣсь не двигается впередъ; можетъ быть, потому, что падаетъ вліяніе великаго канцлера Бестужева, можетъ быть, потому, что увеличивается отвращеніе императрицы къ государственнымъ заботамъ, или, что̀ всего вѣроятнѣе, отъ обѣихъ этихъ причинъ. Великій канцлеръ никогда не видитъ и

„Перепискѣ" первымъ: отправленное изъ Москвы 1-го августа (21-го іюля) оно не могло прибыть въ Берлинъ ранѣе 6-го (17-го) августа, считая три дня пути изъ Москвы до Петербурга и тринадцать — отъ Петербурга до Берлина, что̀ видно изъ письма Екатерины II отъ 9-го (20-го) октября 1763 г. (*Сборн.*, XX, 179).

[1]) *Raumer*, Beiträge zur neueren Geschichte, II, 281.

не говоритъ съ императрицей; всякая мелочь излагается на бумагѣ, которую Бестужевъ пересылаетъ молодому фавориту Ивану Шувалову, а этотъ уже представляетъ бумагу императрицѣ, и то лишь въ томъ случаѣ, если подмѣтитъ въ ней охоту заняться дѣлами. Всюду наталкиваешься здѣсь на мелкія грязныя козни“ (little dirty intrigues). Въ апрѣлѣ 1755 г. Диккенсъ былъ отозванъ; мѣсто его занялъ сэръ Чальзъ Гэнбури Уильямсъ.

Эта смѣна лицъ была довольно неудачна. Уильямсъ былъ уже нѣсколько лѣтъ представителемъ Англіи при саксонскомъ дворѣ и въ Лондонѣ имѣли время оцѣнить по достоинству его донесенія. Правда, Уильямсъ былъ хорошо образованъ, сравнительно молодъ, веселъ, остроуменъ; но это былъ фантазеръ, человѣкъ первый и на столько предубѣжденный, что онъ видѣлъ только то, что̀ предполагалъ видѣть; слушая рѣчь, онъ понималъ ее въ томъ именно смыслѣ, въ какомъ она ему казалась желательною. Нельзя, конечно, сказать, что въ своихъ донесеніяхъ онъ завѣдомо обманывалъ свое правительство; онъ искренно вѣрилъ въ то, о чемъ доносилъ; но онъ самъ составлялъ себѣ невѣрныя представленія о томъ, что̀ видѣлъ и слышалъ. Иногда просто удивляешься, какимъ образомъ могли довѣрять его донесеніямъ и современные ему дѣятели, и позднѣйшіе историки. Его донесенія нерѣдко такъ наивны, что не представляется даже затруднительнымъ разоблачить ихъ вымыселъ. Онъ пріѣхалъ въ Петербургъ въ іюнѣ, и уже въ депешѣ отъ 2-го октября сообщаетъ: „Состояніе здоровья императрицы не хорошо: она страдаетъ кровотеченіемъ, одышкой, постоянно кашляетъ, у нея опухоль въ колѣнахъ и водянка въ животѣ — однако, она танцовала со мною минуетъ“ [1]). Что-нибудь изъ двухъ: или Елизавета Петровна не была до такой степени больна, или она не танцовала съ „опухолью въ колѣнахъ и водянкой въ животѣ“. Но Уильямсъ присланъ на смѣну человѣка, который жаловался, что не въ силахъ принимать участія въ придворныхъ увеселеніяхъ, и желаетъ убѣдить и себя, и пославшихъ его, что онъ даже больную Елизавету Петровну можетъ увлечь въ минуетъ.

Довѣрять сообщеніямъ Уильямса не возможно—ихъ нужно принимать лишь послѣ тщательной провѣрки, только убѣдившись, что они подтверждаются свѣдѣніями изъ другихъ источниковъ или, покрайней мѣрѣ, не противорѣчатъ имъ. Особенно подозрительны извѣстія Уильямса объ отношеніяхъ Екатерины къ Фридриху II. Въ инструк-

[1]) *Rautter*, II, 295.

ціи, данной Уильямсу, отправлявшемуся посломъ въ Петербургъ, когда еще не было и рѣчи о сближеніи Англіи съ Пруссіею, было сказано: „Крайне невѣроятно, чтобъ споръ Англіи съ Франціею могъ быть улаженъ мирнымъ путемъ; изъ этого спора возникнетъ война. Вслѣдствіе этого, и такъ какъ срокъ заключеннаго въ 1742 году субсиднаго договора съ Россіею истекаетъ въ 1757 году, необходимо заключить возможно скорѣе новый трактатъ. При этомъ русскихъ нужно убѣдить, что они останутся азіатскою ордою, если будутъ сидѣть сложа руки и тѣмъ дадутъ Прусскому королю возможность привести въ исполненіе свои честолюбивые, опасные и давно уже задуманные имъ планы увеличенія своего королевства. Его величество король (Англіи) уполномочиваетъ васъ принять всѣ зависящія отъ васъ мѣры къ предотвращенію такого бѣдствія“ (for preventing such a calamity). Другими словами: Уильямсу ставилось въ обязанность возбудить Россію противъ Пруссіи, и въ одномъ изъ первыхъ же своихъ донесеній, онъ сообщаетъ: „Великая княгиня высказала мнѣ на дняхъ чистосердечно свое мнѣніе о Прусскомъ королѣ — она не только убѣждена, что Фридрихъ II естественный и опасный врагъ Россіи, но даже лично ненавидитъ его. Прусскій принцъ, сказала она мнѣ, не обладаетъ такимъ умомъ, какъ король, но его сердце не такое дурное, какъ у короля, сердце котораго, конечно, худшее во всемъ мірѣ“ [1]). Такъ характеризовалъ Уильямсъ взглядъ Екатерины на Фридриха въ октябрѣ 1755 г.; черезъ три мѣсяца, въ январѣ 1756 г., былъ заключенъ Вестминстерскій договоръ, въ силу котораго Уильямсу предписывалось ратовать при русскомъ дворѣ уже не противъ, а въ пользу Прусскаго короля, какъ союзника Англіи, и Уильямсъ тотчасъ же сообщаетъ, что „великая княгиня полагаетъ, что только союзъ Россіи, Пруссіи и Англіи можетъ спасти Европу“ [2]), шлетъ депешу за депешой, убѣждая всѣхъ, что „la Grande Duchesse est parfaitement bien disposée envers le roi de Prusse“, называетъ великую княгиню „ma grande amie“, увѣряетъ, что великая княгиня очень высоко цѣнитъ „l'amitié du roi de Prusse“ [3]) и т. п.

---

[1]) Издатель извлеченій изъ депешъ Уильямса вполнѣ довѣряетъ его извѣстіямъ о „склонности“ Екатерины къ Прусскому королю; онъ не сомнѣвается, что и въ данномъ случаѣ Уильямсъ точно передалъ слова великой княгини, но заподозриваетъ ихъ искренность: Man darf zweifeln ob Katharina ganz aufrichtig sprach. *Raumer*, II, 296.

[2]) *Raumer*, II, 401.

[3]) Pol. Corr. XIV, 79, 149, 164, 188, 224.

Не прошло и полугода послѣ прибытія Уильямса въ Петербургъ, какъ стали обнаруживаться всѣ качества новаго англійскаго посла. Уже въ концѣ 1755 года, многіе признавали, что „донесеніямъ Уильямса можно довѣрять лишь по мѣрѣ того, какъ событія оправдываютъ ихъ; онъ не разъ уже высказывалъ такія увѣренія, которыя потомъ опровергались“ [1]). Въ маѣ 1756 года Фридрихъ пишетъ въ Лондонъ своему повѣренному въ дѣлахъ Мишелю: „Мнѣ хотѣлось бы передать вамъ, но единственно только для вашего свѣдѣнія и съ тѣмъ, чтобъ вы не сообщали этого англійскимъ министрамъ, что Уильямсъ вовсе не любъ русскому двору своимъ слишкомъ живымъ характеромъ, такъ что онъ имѣлъ уже нѣсколько непріятностей. Извѣщаю васъ объ этомъ только для того, чтобъ вы старались разузнать подъ рукою, извѣстно ли англійскимъ министрамъ это обстоятельство, не подлежащее сомнѣнію“ [2]). Въ то время, когда Уильямсъ увѣрялъ себя, что сдержитъ верхъ надъ австро-французскими происками въ Петербургѣ, говорилъ, что „вынырнетъ именно тогда, когда этого менѣе всего ожидаютъ“ [3]), люди посторонніе сообщали Фридриху II, изъ Петербурга, что „Англія и ея представитель испортили здѣсь свое дѣло“. Когда же, наконецъ, англійское правительство рѣшилось отозвать Уильямса, противъ этой мѣры высказался именно Фридрихъ II, считавшій его лицомъ, заслуживающимъ довѣрія (ein glaubwürdiges Person), при чемъ для насъ особенно интересны приводимыя Прусскимъ королемъ основанія: „Что касается отозванія Уильямса изъ Петербурга“, пишетъ Фридрихъ II великобританскому посланнику Митчелю, отъ 5-го февраля 1756 г.—„то признаюсь, рѣшеніе, принятое по этому поводу вашимъ дворомъ, представляется мнѣ невполнѣ справедливымъ; сверхъ тѣхъ причинъ, которыя приведены уже и вами противъ отозванія именно въ настоящее время, я полагаю, это было бы большимъ несчастіемъ относительно молодого русскаго двора, который вдругъ лишился бы его добрыхъ совѣтовъ при обстоятельствахъ наиболѣе критическихъ, такъ какъ новый посланникъ не имѣлъ бы ни связей въ средѣ придворной и министерской, ни знакомства съ молодымъ дворомъ. Вотъ почему я желалъ бы, чтобъ при нынѣшнихъ критическихъ обстоятельствахъ Уильямсъ оставался на своемъ посту“ [4]).

---

[1]) XII, 86.
[2]) XII, 362.
[3]) XIII, 41.
[4]) XIV, 247.

Фридрихъ былъ въ этомъ случаѣ заинтересованъ не только тѣми сообщеніями, которыя получалъ онъ отъ Уильямса изъ Петербурга. Онъ не могъ жаловаться на недостатокъ свѣдѣній изъ Россіи. И въ то время, какъ и въ наши дни, шпіонство было на столько развито, что ни государственныя, ни чисто военныя тайны не могли долго укрываться, а придворныя всегда являлись только secrets de Polichinelle. Кромѣ Уильямса, Фридрихъ II получалъ свѣдѣнія о Россіи отъ своей сестры, принцессы Анны Оранской, регентши Голландской [1]), отъ саксонскаго резидента въ Петербургѣ фонъ-Функе [2]), отъ голландскаго посланника въ Петербургѣ Ванъ-Сварта [3]), отъ своего друга и поклонника графа А. Головкина, русскаго посла въ Гаагѣ, и его супруги [4]), отъ шведскаго полковника Горна и курляндскаго камергера фонъ-Мирбаха [5]), не считая такихъ профессіональныхъ прусскихъ шпіоновъ, какъ фонъ-Баль изъ Риги, англійскій капитанъ Ламбертъ, маіоръ фонъ-Ромеръ [6]) и др. Не для свѣдѣній, въ которыхъ Фридрихъ II не нуждался, нуженъ былъ ему Уильямсъ въ Петербургѣ. Для чего же?

Въ то время въ Петербургѣ, какъ и въ Вѣнѣ, Лондонѣ, Парижѣ и Берлинѣ, шелъ серьезный пересмотръ международныхъ союзовъ, поводъ къ чему далъ самъ же Фридрихъ II, заключивъ Вестминстерскій договоръ съ Англіей. Какъ въ другихъ европейскихъ центрахъ, такъ и Петербургѣ, этотъ пересмотръ, касавшійся самыхъ существенныхъ интересовъ государства, затрогивалъ въ то же время вопросы личнаго самолюбія, придворнаго вліянія, матеріальной выгоды. Перемѣна системы союзовъ влекла за собою перемѣну въ распредѣленіи ролей, если не въ положеніи дѣйствующихъ лицъ. Старая система, практиковавшаяся уже многіе годы, была для всѣхъ ясна — съ нею освоились, къ ней привыкли, съ нею сжились. Легко ли вообще мѣнять свои симпатіи, свои привычки? А въ то время приходилось если не отказываться отъ своихъ убѣжденій, то во всякомъ случаѣ скрывать ихъ, по крайней мѣрѣ не выставлять на показъ. Жить въ переходное время, когда недавняя еще заслуга вызываетъ только порицаніе, укоризна становится похвалой, вчерашняя

---

[1]) XIV, 244, 312, 417, 426.
[2]) XII, 305.
[3]) XII, 173; XIII, 202, 229; XIV, 297, 303.
[4]) XIV, 192, 228.
[5]) XIII, 448; XIV, 449.
[6]) XIV, 42, 166; XIII, 141, 160, 170, 197, 254; XIV, 83.

кривда сегодняшнею правдой—очень тяжело. Петербургъ, вмѣстѣ съ остальною Европой переживалъ тогда именно такое тяжелое время. Для Петербурга это было легче, чѣмъ для Парижа или Лондона, но все же трудно.

Послѣдній писецъ въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ хорошо зналъ, что Англія и Австрія „наши“ союзники, что Пруссія и Франція „наши“ враги, и вдругъ приходятъ непонятныя извѣстія, одно невѣроятнѣе другого: то Пруссія заключила союзъ съ Англіей, то Австрія съ Франціей. Кто же чей союзникъ, кто кому врагъ? Для Петербурга вопросъ упрощался тѣмъ обстоятельствомъ, что изъ прежнихъ двухъ союзниковъ мы сохраняли одного—Австрію, изъ прежнихъ двухъ враговъ—Пруссію; но какъ объяснить себѣ смѣну дружественной Англіи враждебною Франціей? Почему Англія изъ друга становилась врагомъ, Франція же изъ врага другомъ? Для большинства современниковъ, всѣ вопросы, какъ они не были бы сложны, сводятся къ личнымъ отношеніямъ: новый фаворитъ императрицы, П. И. Шуваловъ, „хорошо говоритъ по французски, любитъ французовъ и ихъ моды, очень желаетъ, чтобъ въ Петербургъ явился французскій посолъ съ блестящею свитою“ [1])—вотъ причина нашего союза съ Франціею; враждебныя отношенія къ Англіи, недавней союзницѣ, объяснялись интригою враговъ и завистниковъ великаго канцлера графа А. П. Бестужева-Рюмина, англомана, получающаго подачки отъ англійскаго правительства. Приливъ англійскихъ фунтовъ замѣнить приливомъ французскихъ ливровъ для многихъ очень интересно уже и потому, что этотъ новый приливъ золота потечетъ уже въ иныя руки. Если несомнѣнно, что не боги горшки лѣпятъ, то такія или подобныя личныя соображенія въ вопросахъ даже государственныхъ не должны быть упускаемы изъ вида.

Этотъ Петербургскій пересмотръ союзныхъ договоровъ имѣлъ для Фридриха II огромное значеніе. На чьей сторонѣ будетъ Россія? Если, какъ прежде, какъ уже много лѣтъ, за одно съ Англіей, то Пруссія, только что обезпечившая себѣ Вестминстерскимъ договоромъ содѣйствіе Англіи, можетъ спокойно приводить въ исполненіе „честолюбивые, опасные и давно уже задуманные“ планы своего территоріальнаго увеличенія; если же Россія приметъ мѣры „for preventing such a calamity“, какъ еще недавно выражались англійскіе министры, то Пруссіи не устоять противъ натиска австрійцевъ съ юга и русскихъ

---

[1]) *Raumer*, II, 346.

съ сѣвера. Фридрихъ II такъ именно и понималъ дѣло. Въ письмахъ того времени, онъ откровенно сознается, что въ рѣшеніи Россіи идетъ вопросъ о существованіи его династіи (existance de ma maison), о разрушеніи его родины (ruine de ma patrie); онъ не скрываетъ даже отъ сестры своей, принцессы Амаліи, что пораженіе будетъ равняться окончательной его погибели: „Il n'y a que la mort ou la victoire pour nous; il faut ou l'un ou l'autre“ [1]). Наканунѣ подписанія Россіей Версальскаго договора, 30-го декабря 1756 г., слѣдовательно, послѣ уже того, какъ Фридрихъ II началъ войну, и началъ успѣшно, занявъ и обезпечивъ за собою Саксонію, онъ собственноручно написалъ прусскому государственному министру особую инструкцію [2]), вѣрнѣе, свое „духовное завѣщаніе“, изъ котораго лучше всего видно, на сколько серьезнымъ представлялось Фридриху II положеніе дѣлъ въ то время:

„Секретная инструкція графу Финкенштейну.

„Берлинъ, 10-го января 1757 г.

„Въ томъ критическомъ положеніи, въ которомъ находятся наши дѣла, я долженъ отдать вамъ мои приказанія, чтобы, при всѣхъ несчастныхъ случайностяхъ, которыя всегда возможны въ подобныхъ событіяхъ, вы были уполномочены принять надлежащія мѣры.

„1-е. Еслибъ случилось — чего Боже упаси—что одинъ изъ моихъ корпусовъ въ Саксоніи былъ бы на голову разбитъ или французы вытѣснили бы ганноверцевъ изъ ихъ страны, укрѣпились бы въ ней и угрожали бы намъ вторженіемъ въ Альтмаркъ, или русскіе проникли бы въ Нейморкъ—необходимо спасти королевскую фамилію, главнѣйшія юрис-консульства (dicasterium), министровъ и главное управленіе. Если насъ разобьютъ въ Саксоніи со стороны Лейпцига, наиболѣе удобное мѣсто для сохраненія королевской фамиліи и государственной казны—Кюстринъ; въ этомъ случаѣ необходимо, чтобъ королевская фамилія и всѣ вышеупомянутыя лица отправились, подъ эскортой всего гарнизона, въ Кюстринъ. Если же русскіе вошли бы въ Нейморкъ или съ нами случилось бы несчастіе въ Лузаціи, то необходимо, чтобъ все было отослано въ Магдебургъ. Наконецъ, послѣднее убѣжище — Штетинъ; но въ Штетинъ должно отправляться только при послѣдней крайности. Гарнизонъ, королевская фамилія и государственная казна должны быть неразлучны и всегда вмѣстѣ; къ нимъ нужно присоединить коронные брильянты и серебро большого двора, которое, въ этомъ случаѣ, равно какъ и золотая посуда, должно быть немедленно переплито въ монету.

„Еслибъ случилось, что я былъ бы убитъ, необходимо, чтобъ дѣла шли своимъ обычнымъ ходомъ, безъ малѣйшаго измѣненія, такъ чтобъ не замѣча-

---

[1]) Pol. Corr., XIV, 118; *Raumer*, II, 439; Pol. Corr., XIV, 412.

[2]) Pol. Corr. XIV, 197.

лось, что они въ другихъ уже рукахъ; въ этомъ случаѣ необходимо поторопиться присягою какъ здѣсь, такъ и въ Пруссіи, особенно же въ Силезіи.

„Если мнѣ предопредѣлено быть взятымъ въ плѣнъ, то я симъ воспрещаю обращать какое-либо вниманіе на мою личность или руководствоваться тѣмъ, что я могъ бы написать изъ заточенія. Если подобное несчастіе случится со мною, я хочу принести себя въ жертву государству, и требую, чтобъ повиновались моему брату, который, какъ равно мои министры и генералы, отвѣчаетъ своею головою, что за меня не будетъ предложено ни земли, ни выкупа, и что война будетъ продолжаться съ цѣлью достичь возможныхъ выгодъ, какъ будто меня и на свѣтѣ никогда не существовало.

„Я надѣюсь и долженъ быть увѣренъ, что вамъ, графъ Финкенштейнъ, не будетъ надобности приводить въ исполненіе эту инструкцію; но, въ случаѣ несчастія, я уполномочиваю васъ исполнить ее, и, въ знакъ того, что это, по зрѣломъ и здравомъ обсужденіи, моя твердая и непремѣнная воля, я подписываю инструкцію моею рукою и прикладываю мою печать.

„Фридрихъ, к.“.

М. П.

При такомъ взглядѣ на свое „критическое положеніе“ Фридрихъ II, конечно, не упуститъ ничего, чтобъ наклонить чашку русскихъ вѣсовъ въ свою пользу при пересмотрѣ союзныхъ договоровъ. На кого же онъ могъ опереться въ Петербургѣ?

Менѣе всего на императрицу. Со времени воцаренія, Елизавета Петровна постоянно была вѣрна Австріи; даже прикосновеніе австрійскаго посланника маркиза Ботто д'Адорно къ Лопухинскому дѣлу не охладило дружескихъ ея отношеній къ Маріи Терезіи. Елизавета Петровна имѣла зубъ противъ Фридриха II, но не столько за Силезію, сколько за „сѣверный вопросъ“, въ которомъ Россія и Пруссія заняли непримиримыя положенія относительно Швеціи [1]). Всѣ усилія Прусскаго короля сблизиться съ Елизаветой Петровной разбивались объ этотъ сѣверный вопросъ. Фридрихъ II хорошо зналъ это, и если, напримѣръ, въ 1755 году, когда графъ М. П. Бестужевъ-Рюминъ, братъ великаго канцлера, былъ проѣздомъ во Франкфуртѣ, онъ высказывалъ желаніе достичь „сердечнаго примиренія съ императрицей“ [2]), или, въ 1756 г., разговаривая съ Митчелемъ, „онъ удивлялся, почему Русская императрица питаетъ къ нему такое отвращеніе“ [3]), то былъ лишь неискренъ, обманывая

---

[1]) Preuss. Staatschr. II, 232.

[2]) Une réconciliation sincère entre moi et l'Impératrice. Pol. Corr. X\, 147.

[3]) He wondered why the Empress of Russia had so strong an aversion to him. XIII, 35.

и русскаго фельдмаршала, и англійскаго посланника. Только смерть Елизаветы Петровны могла въ этомъ случаѣ помочь Фридриху II. „Съ русскими ничего не подѣлаешь“, пишетъ онъ Мишелю въ Лондонъ.— „Меня извѣщаютъ, что императрица опасно больна; еслибъ она умерла, это могло бы повести къ перемѣнѣ воззрѣній русскаго двора, но помимо такой случайности нельзя ни на что надѣяться“ [1]). Зная это, услужливые друзья шлютъ Фридриху II со всѣхъ сторонъ извѣстія, что императрица „очень плоха“, что „ей не прожить и двухъ мѣсяцевъ“, что она „въ агоніи“, что она, наконецъ, „умерла“... [2]).

Русскій великій канцлеръ, графъ А. П. Бестужевъ-Рюминъ — заклятой врагъ Пруссіи, но съ этою враждой возможна была борьба и, какъ полагалъ Фридрихъ II, борьба довольно легкая: стоило только условиться въ числѣ дукатовъ. Винить Фридриха II за выборъ такого средства было бы несправедливо; XVIII столѣтіе должно быть оцѣниваемо по взглядамъ того времени. Подкупъ всегда существовалъ и, вѣроятно, всегда будетъ существовать, но въ XVIII вѣкѣ на него смотрѣли и къ нему относились иначе, чѣмъ въ XIX вѣкѣ. Отецъ Фридриха II сказалъ по этому поводу князю Лихтенштейну: „Я знаю, что мои министры и лица моего двора получаютъ деньги отъ французскаго правительства; но я не гнѣваюсь на нихъ за это, потому что они вводятъ такимъ образомъ въ мое королевство французскія деньги“. Не извѣстно, какъ смотрѣла Елизавета Петровна на полученіе ея министрами денегъ отъ иностранныхъ правительствъ; но не подлежитъ сомнѣнію, что не только великій канцлеръ и вице-канцлеръ, но и ихъ секретари, Олсуфьевъ и Волковъ, получали извѣстныя пенсіи отъ англійскаго посланника. Въ депешахъ Уильямса нерѣдко можно встрѣтить выраженіе, что такая-то сумма сдѣлаетъ такого-то „моимъ“—will make this person my own. Что разумѣть здѣсь подъ „моимъ“? Политика Россіи не зависѣла ни отъ Олсуфьева, ни отъ Волкова; рѣшеніе вопроса о войнѣ и мирѣ не было предоставлено ни Бестужеву, ни Воронцову. Для англійскаго посланника „его“ люди облегчали ему сношенія, ускоряли ходъ дѣла, высказывали себя сторонниками Англіи—и только; Фридрихъ II же полагалъ, что русскіе „мои“ Уильямса непремѣнно измѣнники Россіи. Это большая съ

---

[1]) XIV, 230.

[2]) XIII, 518; XIV, 15, 79, 82, 149, 170, 224, 230, 301, 347, 352, 390. *Rainer*, 295, 321. Всѣ эти извѣстія относятся ко времени за полугодіе отъ октября 1756 по мартъ 1757 года.

его стороны ошибка. Онъ хотѣлъ сдѣлать „своимъ“ Бестужева и оборвался: онъ опредѣлялъ на подкупъ Бестужева то 10,000 дукатовъ, то 100,000 экю, то, наконецъ, готовъ былъ выплатить ту сумму, какая потребуется [1])—ничто не удалось, и Бестужевъ не взялъ ни гроша. Почему? Онъ, безъ сомнѣнія, взялъ бы, еслибъ могъ что-либо сдѣлать въ пользу Прусскаго короля; но онъ ничего не могъ, ничего и не взялъ. Екатерина II въ этомъ смыслѣ была совершенно права въ своей замѣткѣ о Бестужевѣ: jamais on ne le gagna par argent [2]). Уильямсъ въ своихъ депешахъ постоянно извѣщалъ, что Бестужевъ „мѣняется“, что Бестужевъ „готовъ служить Прусскому королю“ [3]) и т. п., и Фридрихъ II, который еще въ 1746 г. справедливо находилъ, что съ Россіею никакое соглашеніе не возможно, „пока дѣлами управляетъ графъ Бестужевъ“ [4]), въ концѣ 1756 г. повѣрилъ словамъ англійскаго посланника [5]). Это опять ошибка: конечно, „Бестужевъ ни предъ кѣмъ не скрывалъ своей вражды къ Прусскому королю“ [6]), и Фридрихъ II могъ имѣть по этому поводу самыя точныя свѣдѣнія, но только не отъ англійскаго посланника, съ которымъ умный Бестужевъ, зная Уильямса, долженъ былъ быть крайне остороженъ.

Кромѣ императрицы и великаго канцлера, Фридрихъ II особенно хлопоталъ о расположеніи молодого двора. Онъ хорошо зналъ, что ни великій князь Петръ Ѳедоровичъ, ни великая княгиня Екатерина Алексѣевна не имѣютъ никакого вліянія на дѣла и не пользуются въ данную минуту никакимъ значеніемъ; но ему сообщали о смертельной болѣзни Елизаветы Петровны, и онъ былъ убѣжденъ, что „ihr Tod würde die Face der Affairen allda ganz verändern“ [7]), такъ какъ наслѣдникъ русскаго престола „ist vor Preussen gut gesinnet“, а великая княгиня его супруга „est parfaitement bien disposée envers le roi de Prusse“ [8]). Вѣрно ли это?

Извѣстія о русскомъ большомъ дворѣ, не только собственно при-

---

[1]) Pol. Corr. XIII, 340, 546, 562.

[2]) Замѣтка Екатерины II на „Essai sur la vie et le règne de Frédéric II“ par *Denina*, въ Запискахъ Храповицкаго (изд. *Барсукова*), стр. 480.

[3]) Pol. Corr. XIII, 546; *Raumer*, II, 400.

[4]) Tant que le comte Bestushew sera au timon des affaires. Pol. Corr. V, 34.

[5]) XIV, 83.

[6]) Bestouchef, ennemi du roi de Prusse, soutenait son avis haut à la main. Записки Храповицкаго, 480.

[7]) Pol. Corr. XIV, 82.

[8]) XIV, 79.

дворныя, но даже и чисто военныя, Фридрихъ II получалъ изъ разныхъ источниковъ, и нерѣдко извѣстія вполнѣ точныя [1]); о маломъ же дворѣ—только отъ Уильямса. Вотъ почему Фридрихъ II желалъ, чтобъ Уильямсъ не былъ отозванъ изъ Петербурга. Можно ли, однако, довѣрять донесеніямъ Уильямса о маломъ дворѣ? Уже самое положеніе Уильямса при петербургскомъ дворѣ должно было предостеречь Фридриха II: Уильямсъ пріѣхалъ въ Петербургъ съ спеціальною цѣлью возбудить русскій дворъ противъ Фридриха II; спустя же полгода его миссія получила прямо противоположное назначеніе—расположить петербургскій дворъ въ пользу прусскаго короля. Человѣкъ, принимавшій на себя такія исключающія одна другую обязанности, не внушалъ къ себѣ никакого довѣрія, хотя и носилъ званіе дипломата. Могъ ли Фридрихъ II довѣрять донесеніямъ англійскаго посланника, который своими депешами вводилъ въ заблужденіе [2]) даже своего короля?

Нѣмецкіе историки, подобострастно относящіеся къ Фридриху II, стараются и въ этомъ случаѣ „главную вину“ отнести къ союзницѣ короля, Англіи, которая, по ихъ мнѣнію, была обязана сообщать Прусскому королю всѣ получаемыя ею отъ Уильямса извѣстія о томъ, что творится при петербургскомъ дворѣ, гдѣ Фридрихъ II не имѣлъ своего представителя [3]). Фридрихъ II никогда не высказалъ бы по-

---

[1]) Самыя важныя и самыя точныя извѣстія изъ Петербурга шли отъ голландскаго посланника ванъ-Сварта. Изъ всѣхъ иностранныхъ представителей, Свартъ (Mynheer van Swart) пользовался въ Петербургѣ наибольшимъ довѣріемъ русскаго двора; „le Grand-Chancellier le consulte sur tout et l'informe le plus confidemment du monde de tout ce qui se passe“ (Pol. Corr., XIII, 116). Его депеши вскрывались въ берлинскомъ почтамтѣ и копіи съ нихъ доставлялись Фридриху II; шифрованныя же мѣста получались позже, изъ Гаги, отъ прусскаго повѣреннаго въ дѣлахъ Геллена, при посредствѣ англійскаго посланника въ Гагѣ, Порка. Такимъ путемъ была получена и чрезвычайно важная депеша Сварта отъ 19-го іюня 1756 года.

[2]) Графъ Робертъ Гольдернесъ, англійскій государственный секретарь по дѣламъ Сѣвера, пишетъ Уильямсу, отъ 30-го марта 1756 года: „Король былъ крайне удивленъ тѣмъ, что послѣ вашихъ сообщеній о добрыхъ намѣреніяхъ обоихъ канцлеровъ, Бестужева и Воронцова, и объ ихъ рѣшеніи представить императрицѣ Вестминстерскій договоръ въ благопріятномъ для насъ смыслѣ, русскій посланникъ кн. Голицынъ получилъ приказанія, прямо противорѣчащія тому, чего король, согласно вашимъ донесеніямъ, въ правѣ былъ ожидать“. *Raumer*, II, 316.

[3]) „Die lange Verkennung der Situation in Petersburg fällt allerdings *theilweise* dem Könige selbst zur Last... Dennoch aber trifft die *Hauptschuld* für die lange

добнаго обвиненія лондонскому министерству: самъ нерѣдко вводившій другихъ въ заблужденіе и завѣдомо лгавшій въ своихъ бумагахъ [1]), даже приказывавшій другимъ обманывать и лгать [2]), онъ зналъ, что въ свою очередь и его обманываютъ, и ему лгутъ; онъ посылалъ шпіоновъ въ Россію и вѣшалъ русскихъ шпіоновъ, которые попадались въ его руки. Но онъ не жаловался, а находилъ, какъ обманъ, такъ и шпіонство совершенно естественными явленіями. Эта мѣрка Фридриха II и должна быть приложена къ нему самому. Вся вина, безраздѣльно и всецѣло, а не „отчасти", должна въ этомъ случаѣ падать на Фридриха II и только на него. Относительно донесеній англійскаго посланника въ Петербургѣ, Фридрихъ II подвергался тройному обману: Уильямсъ, по своему характеру, обманывалъ, прежде всего, самого себя, составляя свои сообщенія слишкомъ субъективно [3]); затѣмъ, лондонскій кабинетъ пересылалъ своему представителю въ Берлинѣ, Митчелю, не всѣ депеши Уильямса, а лишь тѣ, которыя признавалъ необходимымъ [4]); наконецъ, Митчель сообщалъ Фридриху II во французскомъ переводѣ только тѣ мѣста депешъ, которыя считалъ умѣстными [5]). Фридрихъ II даже и не подозрѣвалъ ни одного изъ этихъ обмановъ; онъ все продолжалъ до-

Täuschung Friedriech's seine englischen Bundesgenossen... Englands Pflicht wäre es gewesen, den König, der keinen Vertreter in Petersburg besass, über die von dem dortigen englischen Gesandten einkommenden Meldungen jederzeit getreue Mittheilung zu machen". *Naudé*, Friedrich der Grosse vor dem Ausbruch des Siebenjährigen Krieges, *Hist. Zeitschr.*, LV, 448.

[1]) Pol. Corr. XIII, 163, 470.

[2]) XIII, 247.

[3]) Въ депешѣ отъ 7-го августа 1756 года Уильямсъ сообщаетъ: „Soyez assuré que les actions de M. Douglas baissent de jour en jour" (XIII, 270), между тѣмъ какъ они, напротивъ, все повышались и вскорѣ совершенно вытѣснили акціи самого Уильямса, которому уже въ декабрѣ сообщали, „qu'il est devenu odieux à la cour" (XIV, 164).

[4]) Депеша Уильямса отъ 29-го марта 1756 года не была переслана Митчелю. *Raumer*, II, 339.

[5]) Въ донесеніи Митчеля графу Гольдернесу, отъ 27-го мая 1756 года, сказано: „I acquainted His Majesty with such parts of Sir Charles Hanbury Williams dispatches as I thought the most proper to make an impression upon him and to convince him that affairs at the court of Petersburg were in a very good situation" (Pol. Corr. XII, 356). Еще откровеннѣе въ донесеніи отъ 22-го іюня того же года: „Я старательно скрылъ отъ Прусскаго короля многое изъ депеши Уильямса отъ 5-го и постарался, на сколько было возможно, не обнаружить дурное положеніе нашихъ дѣлъ въ Россіи" *Hist.* (*Zeitschr.*, LV, 449).

вѣрять донесеніямъ Уильямса, хотя его извѣщали изъ Петербурга уже весною 1756 года, что „кредитъ Уильямса падаетъ съ каждымъ днемъ“ [1]), то-есть, по положенію дѣла, съ каждымъ днемъ должно увеличиваться недовѣріе къ донесеніямъ англійскаго посланника.

Вопросъ о степени достовѣрности извѣстій, сообщенныхъ въ депешахъ Уильямса изъ Петербурга представляется особенно важнымъ потому именно, что первыя политическія письма Екатерины связаны съ именемъ Уильямса. Этимъ донесеніямъ довѣрялъ Фридрихъ II. Перепискѣ англійскаго посланника съ великою княгинею придается большое значеніе новѣйшими историками, особенно русскими [2]). Что же сообщалъ Уильямсъ о маломъ русскомъ дворѣ? О чемъ переписывался онъ съ Екатериною? Каковы были ея первыя политическія письма?

---

[1]) Pol. Corr. XII, 419.

[2]) *Соловьевъ*, XXIV, 62, 63, 64, 65, 98.

II.

Англійскій посланникъ Уильямсъ, прибывшій въ Петербургъ въ началѣ іюня 1755 года, представлялся молодому двору въ день свв. Петра и Павла, 29-го іюня, въ Ораніенбаумѣ, и произвелъ на великую княгиню Екатерину Алексѣевну самое благопріятное впечатлѣніе. Ей врѣзалось въ память это первое свиданіе съ Уильямсомъ, и вотъ какъ, лѣтъ тридцать спустя, императрица Екатерина II сама вспоминала о немъ:

„Около Троицына дня прибылъ въ Россію англійскій посланникъ кавалеръ Уильямсъ. Въ свитѣ его находился графъ Понятовскій, сынъ того графа Понятовскаго, который держалъ сторону Карла XII, Шведскаго короля. Императрица приказала отпраздновать день св. Петра въ Ораніенбаумѣ. Къ намъ съѣхалось много народу; танцовали въ той залѣ, которая при входѣ въ мой садъ, и потомъ въ ней же ужинали; посланники и иностранные министры тоже явились. Помню, что за ужиномъ англійскій посланникъ кавалеръ Уильямсъ былъ моимъ сосѣдомъ и что мы вели съ нимъ столь же пріятную, какъ и веселую бесѣду; такъ какъ онъ былъ умепъ, свѣдущъ и объѣздилъ всю Европу, то съ нимъ не трудно было разговаривать. Помню еще, что, увидавъ танцующаго графа Понятовскаго, я заговорила съ кавалеромъ Уильямсомъ объ отцѣ Понятовскаго и о томъ вредѣ, который отецъ его причинилъ Петру I. Англійскій посланникъ наговорилъ мнѣ много хорошаго о сынѣ и подтвердилъ то, что я уже знала, именно, что отецъ его и семья его матери, Чарторижскіе, составляли въ то время русскую партію въ Польшѣ, что отецъ послалъ сына въ Россію и поручилъ его ему съ тѣмъ, чтобы воспитать въ

немъ ихъ же чувства къ Россіи, и что они надѣются, что этотъ молодой человѣкъ будетъ имѣть успѣхъ въ Россіи. Графу Понятовскому могло быть тогда 22 или 23 года“ [1]).

Этого мало: графъ Станиславъ Понятовскій былъ не только молодъ, но красивъ и ловокъ. Свѣтлый умъ Понятовскихъ, всестороннее образованіе Чарторижскихъ и природная живость поляка замѣтно выдѣляли графа Станислава изъ всей придворной jeunesse dorée того времени. По внѣшности съ нимъ могъ бы поспорить развѣ Сергѣй Васильевичъ Салтыковъ, но его поведеніе, вслѣдъ за рожденіемъ великаго князя Павла Петровича, только „оскорбляло“ Екатерину: „Я узнала въ это время, до какой степени Сергѣй Салтыковъ велъ неумѣренную жизнь и какъ онъ волочился за всѣми дамами, которыя ему попадались“ [2]). Послѣ этого Сергѣй Салтыковъ, еслибъ и хотѣлъ, не могъ бы болѣе удержаться въ милости у великой княгини. Какое же сравненіе съ графомъ Понятовскимъ: едва лишь увидѣвъ Екатерину, онъ только и жилъ мыслью о ней. Присылаетъ ли Левъ Нарышкинъ великой княгинѣ шутливыя записочки, „всегда прелестно составленныя и остроумныя“, писанныя секретаремъ Нарышкина, оказывается, что этотъ секретарь — графъ Понятовскій [3]); устраивается ли какая-нибудь partie de plaisir, первое лицо, которое видитъ великая княгиня—графъ Понятовскій [4]); вездѣ и всегда глазъ Екатерины встрѣчается со взглядомъ красиваго поляка графа Станислава. За то, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, комнатная болонка великой княгини, бросавшаяся на чужихъ, ласкалась къ графу Понятовскому, вскакивала къ нему на колѣни, лизала его [5]).

Частыя свиданія съ графомъ Понятовскимъ, долгіе разговоры съ нимъ и о немъ познакомили Екатерину съ положеніемъ партій и дѣлъ въ Польшѣ, которою умный собесѣдникъ скоро заинтересовалъ великую княгиню. Онъ принадлежалъ къ русской партіи, во главѣ которой стояли родственники его по матери, князья Чарторижскіе, и Екатерина начинаетъ заботиться о положеніи этой партіи. Въ небольшой запискѣ къ великому канцлеру графу Бестужеву она извѣ-

---

[1]) Mémoires de l'impératrice Cathérine II. Londres, 1859, pp. 238. 239.
[2]) Mémoires, pp. 229, 240.
[3]) Mémoires, 241.
[4]) Mémoires, 245.
[5]) Mémoires, 254.

щаетъ его, что „составленъ проектъ выступить въ дѣлахъ Польши противъ графа Брюля и для этого послать маршала Бестужева посланникомъ въ Польшу, чтобы разгромить всѣхъ, кто желалъ бы уничтожить сторонниковъ Россіи“, что „поводомъ къ составленію этого проекта послужило то обстоятельство, будто великій канцлеръ Бестужевъ пренебрегаетъ интересами Россіи, для которой весьма важно имѣть свою партію въ сосѣднемъ королевствѣ, какова Польша, чтобы стараться смѣнить министерство“, что, наконецъ, „графъ Брюль похваляется, будто великій канцлеръ Бестужевъ на его сторонѣ“ [1]).

Исполнилась, слѣдовательно, надежда Уильямса, что графъ Понятовскій „будетъ имѣть успѣхъ въ Россіи“—онъ имѣлъ успѣхъ у ве-

---

[1]) Объ этой запискѣ впервые упомянуто въ Polit. Corr. XII, 305. Подлинникъ ея не сохранился, и она издана по копіи, которую саксонскій резидентъ въ Петербургѣ, Функе, прислалъ графу Брюлю въ Дрезденъ; графъ Брюль передалъ ее совѣтнику прусскаго посольства Мальцану, а Мальцанъ переслалъ Фридриху II. Изъ Петербурга копія была отправлена при депешѣ 1-го марта 1756 года и изложена въ слѣдующемъ видѣ: „Le billet de la Grande-Duchesse au grand-chancelier Bestushew, pour l'avertir qu'il y avait un projet d'agir vigoureusement dans les affaires de Pologne contre le comte Brühl et d'envoyer pour cela le grand-maréchal Bestushew comme ambassadeur en Pologne, pour foudroyer tous ceux qui voudraient y détruire les partisans de la Russie; que les auteurs (de ce projet) se servaient du prétexte que le grand-chancelier Bestushew négligeait les intérets de la Russie, à laquelle il importait d'avoir un parti dans un royaume voisin comme la Pologne, pour tâcher de changer le ministère; que le comte Brühl se vantait d'être sûr du Grand-Chancelier“. Достовѣрность этого „billet“ не подлежитъ сомнѣнію. Изъ бумагъ конференціи видно, что „нужнымъ и удобнымъ пунктомъ“ признавалось „Польшу исподоволь пріуготовлять, чтобы она проходу здѣшнихъ войскъ для атакованія Пруссіи не только не препятствовала, но паче охотно на то смотрѣла“ (Архивъ кн. Воронцова, III, 397), а для этого представлялось, что „надобность отправленія въ Польшу знатнаго министра нынѣ паче нежели когда настоитъ» (Архивъ, III, 430). Не смотря, однако, на давнія интриги маршала графа М. П. Бестужева-Рюмина противъ своего брата великаго канцлера графа А. П. Бестужева-Рюмина (Polit. Corr. XI, 248), въ Варшаву былъ отправленъ не маршалъ Бестужевъ, а генералъ-квартирмейстеръ Веймарнъ. Въ это время графъ Брюль дѣйствовалъ за одно съ французскимъ посланникомъ Дюраномъ и секретаремъ прусскаго посольства Бенуа, то-есть, противъ русскихъ интересовъ, и могъ, конечно, только похваляться, что „Бестужевъ въ его рукахъ“. Великая княгиня Екатерина Алексѣевна, узнавъ эти подробности отъ графа Понятовскаго, спѣшитъ предупредить канцлера Бестужева, въ то время ей вполнѣ преданнаго, который еще въ 1755 году угождалъ ей извѣстіями о путешествіи Сергѣя Салтыкова: „Pendant son absence le grand-chancelier comte Bestoujeff m'envoya toutes les nouvelles qu'il recevait de lui“ (Mémoires, 227).

ликой княгини, личный и политическій; а Уильямсъ, называвшій его „своимъ сыномъ"? Уже приведенная выше записка Екатерины, писанная въ февралѣ 1756 года, когда вопросъ о войнѣ съ Пруссіею былъ, въ принципѣ, рѣшенъ и предстояло озаботиться о свободномъ проходѣ русскихъ войскъ чрезъ земли Польской Республики [1]), свидѣтельствуетъ о неуспѣхѣ Уильямса: Екатерина высказывается за усиленіе русской партіи въ Польшѣ, которая готова пропустить чрезъ свою землю русскія войска, направляющіяся въ восточную Пруссію для войны съ Фридрихомъ II, между тѣмъ какъ задача Уильямса заключалась именно въ томъ, чтобы затруднить, если не окончательно устранить участіе Россіи въ предстоящей войнѣ.

Не смотря на такую неудачу, о которой англійскій посланникъ могъ, конечно, и не знать, Уильямсъ продолжалъ употреблять всевозможныя старанія для сближенія съ великою княгинею. Въ этомъ стараніи онъ, какъ человѣкъ нервный, переступилъ даже должную границу, пошелъ дальше, чѣмъ бы слѣдовало, и, во всякомъ случаѣ, дѣйствовалъ такъ неосторожно, что своимъ ухаживаньемъ за великою княгинею возбудилъ подозрѣнія и неудовольствіе императрицы. Объ этомъ извѣстили Фридриха II, и онъ, въ разговорѣ съ Митчелемъ, выразилъ справедливое опасеніе, что такое поведеніе Уильямса можетъ повредить англійскимъ интересамъ въ Петербургѣ [2]). По этому же поводу прусскій государственный министръ

---

[1]) Это былъ, по времени, весьма серьезный вопросъ, отъ котораго отчасти зависѣло участіе Россіи въ Семилѣтней войнѣ. Разрѣшеніе на „свободный проходъ" русскихъ войскъ зависѣло, конечно, отъ сейма; но многіе вліятельные члены сейма заранѣе заявили, что они „только будутъ рады проходу русскихъ", въ томъ числѣ: коронный гетманъ графъ Браницкій, литовскій канцлеръ князь Чарторижскій, великій маршалъ графъ Бѣлинскій, литовскій маршалъ графъ Огинскій, краковскій каштелянъ графъ Понятовскій, воеводы: русскій — князь Чарторижскій, люблинскій—князь Любомирскій и мазовецкій—Рудзинскій; епископы: кіевскій Солтыкъ и краковскій Залусскій. Въ виду этого, любопытно безпристрастіе нѣмецкихъ историковъ: Фридрихъ II не только прошелъ, но даже занялъ Саксонію—это ничего, такъ какъ въ войнѣ Пруссіи съ Австріею „Sachsen unmöglich verschont bleiben kann"; русскіе же только прошли черезъ Польшу—это ужасно, такъ какъ они прошли „ohne alle Rücksicht auf Gegenvorstellungen" (*Raumer*, II, 396, 462).

[2]) J am informed that by making court to the Grand-Duchess he has given calousy and uneasiness to the Czarina; J wish your affairs may not suffer by it. Pol. Cor. II, 385.

графъ Финкенштейнъ объяснялся съ англійскимъ посланникомъ Митчелемъ, и оба пришли къ убѣжденію, что Уильямсъ дурно ведетъ свои дѣла, что его необходимо отозвать изъ Петербурга [1]). Одинъ только Фридрихъ II все еще надѣялся, что дѣла Уильямса примутъ „eine bessere Tournure“ [2]). Уильямсъ же, съ своей стороны, не переставалъ извѣщать Митчеля, а Митчель Фридриха, что „la Grande-Duchesse est parfaitement bien disposée envers le roi de Prusse“ [3]). Относясь съ нѣкоторымъ недовѣріемъ къ извѣстіямъ Уйльямся, трудно сказать, на чемъ онъ основывалъ подобныя увѣренія, и на сколько его личныя усилія способствовали тому, что великая княгиня „ganz englisch gesinnet sei“ [4]), какъ извѣщали Фридриха II. Очень возможно, что въ этомъ случаѣ бо́льшую роль играли займы Екатерины у англійскаго резидента Вольфа [5]), чѣмъ всѣ хлопоты англійскаго посланника Уильямса.

Въ депешѣ отъ 2-го ноября 1756 года Уильямсъ впервые связываетъ имя перваго русскаго главнокомандующаго въ Семилѣтнюю войну, фельдмаршала С. Ѳ. Апраксина, съ именемъ великой княгини Екатерины Алексѣевны. По словамъ Уильямса, „Апраксинъ, откланиваясь великой княгинѣ, сказалъ ея высочеству, что отправляется въ Ригу принять начальство надъ арміей, лишенной офицеровъ и кавалеріи“. Что Апраксинъ откланивался великой княгинѣ передъ отъѣздомъ въ Ригу—это болѣе чѣмъ вѣроятно [6]); что въ собранной подъ Ригою арміи чувствовался недостатокъ въ конницѣ — тоже не подлежитъ сомнѣнію [7]); но чтобъ Апраксинъ могъ назвать армію ли-

---

[1]) Pol. Corr., XII. 427.

[2]) Pol. Corr. XII, 13.

[3]) XIV, 79.

[4]) XII, 448,

[5]) До настоящаго времени извѣстны два займа, сдѣланные Екатериною у англійскаго резидента Вольфа и относящіеся къ этому именно времени: отъ 21-го іюля 1756 года, въ тысячу червонныхъ, и отъ 11-го ноября 1756 года, въ сорокъ четыре тысячи рублей (*Сборникъ Русск. Истор. Общества*, VII, 72). Не извѣстно, однако, когда начались эти займы — быть можетъ, еще до прибытія Уильямса въ Петербургъ. Въ запискѣ отъ 21-го іюля 1756 г. Екатерина пишетъ барону Вольфу: „c'est avec peine que je m'adresse *de nouveau* à vous“.

[6]) Въ запискахъ Екатерины объ этомъ не упомянуто; сказано только: „La maréchale vint chez nous pour prendre congé de nous avec sa fille“. Mémoires, 247.

[7]) Недостатокъ въ лошадяхъ былъ на столько великъ, что, по приказу Апраксина, бо́льшая часть ингерманландскихъ драгунъ была спѣшена; даже въ гросъ-егердорфскій періодъ конница составляла едва 6% пѣхоты. *Масловскій*, 29—36.

шенною офицеровъ, когда въ этой арміи на 72,000 штыковъ было болѣе 2,500 офицеровъ [1])—это не возможно [2]): или Екатерина неточно передала Уильямсу слова Апраксина, или Уильямсъ невѣрно сообщилъ слова великой княгини, или, что всего вѣроятнѣе, Уильямсъ сообщилъ въ данномъ случаѣ свой личный взглядъ, желая лишь подкрѣпить именемъ русскаго фельдмаршала свое прежнее мнѣніе, высказанное болѣе мѣсяца назадъ, что „во всемъ русскомъ войскѣ нѣтъ и десяти хорошихъ офицеровъ“ [3]). Этотъ отзывъ Апраксина о неготовности русской арміи, въ общемъ вполнѣ подтверждаемый новѣйшими изслѣдованіями г. Масловскаго, представляется, въ сообщеніи Уильямса, весьма подозрительнымъ: въ депешѣ отъ 2-го ноября онъ отнесенъ къ великой княгинѣ; спустя полтора мѣсяца, въ депешѣ отъ 18-го декабря, этотъ же отзывъ Апраксина, повторенный слово въ слово (une armée dépourvue de cavalerie et d'officiers), отнесенъ уже къ императрицѣ [4]). Конечно, Апраксинъ могъ жаловаться на неготовность арміи и императрицѣ, и великой княгинѣ, но Уильямсъ не могъ же не знать источника полученнаго имъ извѣстія.

Наконецъ, сопоставленіе двухъ только-что указанныхъ депешъ Уильямса, отъ 2-го ноября и 18-го декабря, представляетъ возможность высказать довольно рѣшительное мнѣніе какъ о достовѣрности подобныхъ извѣстій, такъ и объ источникѣ ихъ. По тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя заключались въ депешѣ отъ 18-го декабря, она была чрезвычайно важна для Прусскаго короля и, тотчасъ по полученіи этихъ „секретныхъ новостей“, Митчель сообщилъ ее Фридриху въ французскомъ переводѣ. Вотъ главная ея часть [5]), касающаяся великой княгини и фельдмаршала Апраксина:

„Посылаю вамъ самыя вѣрныя извѣстія, которыя только удалось мнѣ получить относительно плановъ, касающихся русской арміи. Они были сооб-

---

[1]) *Масловскій*, 25.

[2]) Въ прусской арміи, справедливо считавшейся образцовою, на одинъ батальонъ, въ составѣ отъ 800 до 1,000 человѣкъ, полагалось всего 17 офицеровъ: одинъ батальонный командиръ, четыре ротныхъ командира и 12 субалтернъ-офицеровъ, считая по три на роту. Среднимъ числомъ, въ арміи Фридриха II приходился одинъ офицеръ на 50 солдатъ; въ арміи же Апраксина, одинъ офицеръ на 29 солдатъ. Слѣдовательно, Апраксинъ никоимъ образомъ не могъ сказать, будто его армія „лишена офицеровъ“.

[3]) Pol. Corr. XIII, 547; *Raumer*, II, 400.

[4]) Il se plaignait à l'Impératrice. Pol. Cor. XIV, 188.

[5]) Pol. Corr. XIV, 188.

щены мнѣ здѣшнимъ лучшимъ моимъ другомъ (ma grande amie), великою княгиней. Она имѣла весьма продолжительный разговоръ съ фельдмаршаломъ Апраксинымъ, въ ночь наканунѣ его отъѣзда въ Ригу, и то, что я пишу вамъ теперь, есть только точный списокъ того письма, которымъ ея высочество почтила меня на другой же день.

„Фельдмаршалъ Апраксинъ сильно жаловался императрицѣ, что его отправляютъ начальствовать надъ арміей, лишенной кавалеріи и офицеровъ. На это великая княгиня спросила его, зачѣмъ же онъ принялъ на себя такое командованіе; Апраксинъ отвѣчалъ, что онъ долженъ былъ подчиниться повелѣнію императрицы. Затѣмъ великая княгиня спросила его, что онъ предполагаетъ дѣлать и думаетъ ли онъ идти прямо на Мемель. Онъ отвѣчалъ: Что же толку въ такой крѣпостишкѣ, какъ Мемель? что вовсе не имѣется въ виду атаковать его прусское величество, но рѣшено идти прямо чрезъ Польшу въ Силезію. Она возразила, что, быть можетъ, король Прусскій атакуетъ васъ во время вашего марша. Онъ отвѣчалъ, что въ такомъ случаѣ я сдѣлаю все, что будетъ возможно для своей защиты; но у меня нѣтъ намѣренія атаковать Пруссію.

„Весь этотъ разговоръ я считаю достовѣрнымъ (véritable), потому что Апраксинъ всегда угождаетъ моему другу великой княгинѣ, и считается чрезвычайно преданнымъ ея интересамъ.

„Я все еще надѣюсь добыть инструкцію, данную Апраксину; мнѣ обѣщали уже два раза, но эти обѣщанія еще не исполнены".

7-го января прочелъ Фридрихъ II эту депешу Уильямса и на другой же день, 8-го января, писалъ своему главнокомандующему въ Восточной Пруссіи, престарѣлому фельдмаршалу Левальду: „Я узналъ изъ вѣрнаго источника, что Апраксину повелѣно, не атакуя ни Мемель, ни Восточную Пруссію, идти чрезъ Польшу въ Силезію. Полагаю, поэтому, что, если такъ, то вы оставите въ Восточной Пруссіи только гарнизонные батальоны Люкскаго полка и земскій батальонъ, а со всѣми остальными войсками двинетесь въ тылъ русскихъ войскъ Апраксина и будете слѣдовать за ними до Силезіи, что, конечно, крайне затруднитъ Апраксина и будетъ держать его въ постоянномъ страхѣ" [1]). Умный Фридрихъ II сообщалъ свои мысли, однако, условно; его осторожное „wenn es dazu kommt" указываетъ, что онъ не вполнѣ довѣрялъ извѣстіямъ депеши Уильямса. Можемъ ли мы довѣрять этой депешѣ?

Апраксинъ выѣхалъ изъ Петербурга 30-го октября; наканунѣ отъѣзда, ночью, слѣдовательно, съ 29-го на 30-е октября, долженъ былъ происходить разговоръ Апраксина съ великою княгиней; на другой же день (le lendemain), то-есть, 30-го же октября, великая

[1]) XIV, 191.

княгиня должна была написать письмо Уильямсу. Что сдѣлалъ бы англійскій посланникъ, еслибъ онъ, дѣйствительно, получилъ 30-го октября письмо отъ великой княжны съ столь важными извѣстіями? Конечно, то, что сдѣлалъ Функе [1]), что сдѣлалъ бы всякій посланникъ, что сдѣлалъ въ другомъ случаѣ самъ же Уильямсъ — послалъ бы немедленно, съ нарочнымъ курьеромъ, въ Берлинъ точную копію съ этого письма. Что же сдѣлалъ теперь Уильямсъ? Онъ получилъ письмо великой княгини 30-го октября и въ теченіи семи недѣль скрывалъ его отъ всѣхъ — отъ своего министерства, отъ Митчеля, отъ Фридриха II. Въ эти семь недѣль онъ отправилъ четыре депеши [2]) и ни въ одной изъ нихъ не упомянулъ даже ни о письмѣ великой княгини, ни объ интересныхъ его подробностяхъ. Наконецъ, продержавъ у себя письмо около двухъ мѣсяцевъ, онъ посылаетъ не точную съ него копію, а какой-то пересказъ своими словами. Вѣроятно ли это?

Такова внѣшняя сторона; посмотримъ на внутреннюю. Могъ ли Апраксинъ, еще до отъѣзда изъ Петербурга, передавать великой княгинѣ тотъ планъ дѣйствій русской арміи, который заключается въ письмѣ ея къ Уильямсу отъ 30-го октября? Апраксинъ не разъ и категорически заявлялъ, что „при сочиненіи военнаго плана операцій не одно только произведеніе принятаго главнаго намѣренія уважается, но отъ большей части состояніе и количество обоюдныхъ войскъ, положеніе земель, времена года, доставленіе нужныхъ къ содержанію войска припасовъ и безчисленныя другія важныя симъ подобныя вещи въ разсмотрѣніе приняты быть должны“. Не только въ Петербургѣ, не только въ октябрѣ 1756 года, но до конца января 1757 года Апраксинъ „ни однимъ словомъ не обмолвился о будущемъ планѣ дѣйствій“. И какой же это планъ? Оставить Восточную Пруссію „въ непріятельскихъ рукахъ“, въ тылу русской арміи, направляющейся въ Силезію, — нелѣпость, которая не только Апраксину, но даже австрійскому генералу Букову не могла придти въ голову. Ни въ октябрѣ 1756 года, ни позже Апраксинъ и не думалъ о движеніи въ Силезію. Объ этомъ думали, но не русскіе, а саксонцы, имѣвшіе въ томъ свой интересъ—они предполагали этимъ движеніемъ заставить Фридриха II очистить Саксонію. Въ донесе-

---

[1]) Pol. Corr. XII, 305.

[2]) Депеши отъ 2-го, 27-го и 30-го ноября и отъ 9-го декабря. Pol. Corr. XIV, 149, 150, 164 и 165.

піяхъ русскаго резидента Гросса и въ просьбахъ саксонскаго министра графа Брюля, полученныхъ въ Петербургѣ въ концѣ ноября, высказывается необходимость, чтобъ „диверсія была произведена въ такихъ мѣстахъ, кои королю Прусскому наипаче при сердцѣ лежатъ, какъ въ Силезіи... что съ лучшею пользою воспринято быть можетъ, нежели со стороны Мемеля". Никогда, наконецъ, Апраксинъ не думалъ уклоняться отъ боя съ врагомъ; напротивъ, русская главная квартира находила, что „чѣмъ скорѣе, безъ дальнихъ околичностей, непріятеля атаковать, тѣмъ лучше" [1]). Такимъ образомъ, по существу „секретныхъ новостей" онѣ являются не чѣмъ инымъ, какъ слухами о тѣхъ планахъ военныхъ дѣйствій, которые разсматривались конференціею въ началѣ декабря, о которыхъ говорили въ петербургскомъ обществѣ и которые дошли до Уильямса. Вотъ почему они и сообщались въ депешѣ отъ 18-го декабря. Желая придать имъ большій вѣсъ, Уильямсъ облекаетъ ихъ въ форму разговора русскаго главнокомандующаго съ великою княгиней; желая же усилить въ глазахъ Митчеля и Фридриха II свое значеніе при маломъ дворѣ, онъ говоритъ, что почерпаетъ эти новости изъ письма къ нему великой княгини!

Упоминаемое въ депешѣ Уильямса отъ 18-го декабря письмо великой княгини представляется намъ чистымъ вымысломъ и должно быть отвергнуто, какъ фальшивое [2]). Это не письмо великой княгини Екатерины Алексѣевны, а одинъ изъ видовъ обмана Фридриха II англійскимъ посланникомъ Уильямсомъ.

---

[1]) Подробности о планахъ войны впервые обнародованы *Масловскимъ*, 162—176 и прим. 24-е, стр. 243—266.

[2]) Мы должны были подробно остановиться на депешѣ отъ 18-го декабря, такъ какъ въ ней прямо сказано, что Екатерина писала Уильямсу письмо (la *lettre* qu'elle me fit l'honneur d'écrire), и тѣмъ не менѣе оказывается, что такого письма не было и быть не могло. Что же думать о тѣхъ „письмахъ", которыя приводятся безъ указанія даже, откуда они взяты, гдѣ изданы или гдѣ хранятся? Обыкновенно сылаются на 2-й томъ „Beiträge zur neueren Geschichte". Печатая выдержки изъ депешъ англійскихъ посланниковъ, Раумеръ приводитъ, между прочимъ, слѣдующее мѣсто изъ депеши Уильямса: „Den 9 November *schrieb* mir die Grossfürstin: Ich erhielt heute etc. (*Raumer*, II, 408). Казалось бы, не подлежитъ сомнѣнію, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ копію съ письма великой княгини къ Уильямсу отъ 9-го ноября; между тѣмъ, въ настоящее время издана вся депеша, и оказывается, что въ ней Уильямсъ передаетъ дѣйствительно то же, но не въ формѣ письма, а какъ слышанное отъ великой княгини—la Grande-Duchesse m'a fait confiance de ceci (Pol. Corr., XIV, 79).

Во всей депешѣ отъ 18-го декабря вѣрно подмѣченъ одинъ только фактъ—добрыя отношенія, существовавшія между великою княгиней и главнокомандующимъ. Изъ всѣхъ видныхъ дѣятелей того времени, Апраксинъ занималъ совершенно особое положеніе, не принадлежа ни къ одной изъ боровшихся при дворѣ партій: онъ былъ друженъ съ канцлеромъ Бестужевымъ и близокъ съ его врагами, Шуваловыми; въ случаѣ надобности, „онъ могъ быть полезнымъ посредникомъ между обѣими враждовавшими партіями“ [1]). Посѣщая малый дворъ, Апраксинъ нерѣдко бесѣдовалъ съ великою княгиней и откровенно высказывалъ ей свое мнѣніе о неготовности арміи, о невозможности зимняго похода въ Пруссію, о необходимости отложить начало военныхъ дѣйствій до весны будущаго года. Это онъ говорилъ императрицѣ, членамъ конференціи, въ коллегіяхъ, всѣмъ, ни отъ кого не скрывая своего мнѣнія. Доводы Апраксина были на столько убѣдительны, что не только Екатерина, мало, конечно, понимавшая еще въ военныхъ дѣлахъ, но даже канцлеръ Бестужевъ, хорошо помнившій движеніе русскихъ войскъ въ шведскую войну, не говоря уже о сборахъ къ русскому походу въ 1745 г., вполнѣ соглашались съ нимъ, и признавали невозможность зимняго похода. Добрыя отношенія Екатерины къ Апраксину были извѣстны и Елизаветѣ Петровнѣ, которая не видѣла въ этомъ ничего преступнаго, и Фридриху II, который возлагалъ на эту дружбу большія надежды, уже вполнѣ преступныя относительно государственныхъ интересовъ Россіи. Въ разчетахъ именно на дружбу Екатерины ошибались и Уильямсъ, и Фридрихъ II: оба они полагали, что великая княгиня способна, ради дружбы, имѣть свою политику, политику малаго двора, противоположную политикѣ императрицы, проводить свои сепаратныя цѣли, несогласныя съ задачами большаго двора Уильямсъ нерѣдко упоминаетъ въ своихъ депешахъ, что такое-то секретное извѣстіе получено имъ отъ великой княгини, что такое-то распоряженіе сообщено ему Екатериною ранѣе его обнародованія [2]) и т. п.; Фридрихъ II,

[1]) Mémoires, 247.

[2]) Сообщая, со словъ канцлера Бестужева, чрезвычайно важныя извѣстія о рѣшеніи петербургскаго двора приступить къ Версальскому договору, Уильямсъ прибавляетъ: „La Grande-Duchesse m'a informé de tout ce qui s'est passé, avant même que le Chancelier m'en a parlé“ (Pol. Corr., XIV, 164). Если это вѣрно, почему же Уильямсъ медлилъ сообщить эту новость Фридриху II, до тѣхъ поръ пока не узналъ ее отъ Бестужева? Уильямсъ просто клевещетъ на Екатерину: онъ узналъ эту новость офиціально, отъ канцлера Бестужева, и лишь похваляется, что зналъ ее раньше, отъ великой княгини.

обманутый донесеніями изъ Петербурга, считалъ даже возможнымъ подкупить Апраксина при помощи именно Екатерины! Англійскій посланникъ при берлинскомъ дворѣ, Митчель, писалъ своему товарищу въ Петербургъ, Уильямсу, отъ 8-го января 1757 года: „Генералъ Апраксинъ вполнѣ преданъ великой княгинѣ или, по крайней мѣрѣ, выдаетъ себя за преданнаго ей. Онъ вовсе не воинъ и дурного мнѣнія о своемъ войскѣ. Поэтому, можно полагать, что онъ вовсе не желаетъ схватиться съ пруссаками въ открытомъ бою. Сверхъ того, Апраксинъ — человѣкъ расточительный и всегда нуждающійся, не смотря на богатые подарки, которые дѣлаетъ ему императрица. На этомъ основаніи Прусскій король полагаетъ, что Апраксину можно предложить извѣстную сумму денегъ, лишь бы онъ задержалъ движеніе русскихъ войскъ, поводъ къ чему всегда легко найдется у главнокомандующаго. Слѣдовало бы при этомъ случаѣ воспользоваться великою княгиней, если она согласится взять на себя это“ [1]).

Всѣ инсинуаціи Ульямса относительно великой княгини не выдерживаютъ ни малѣйшей критики. Навязываемая ей англійскимъ посланникомъ роль политическаго интригана и даже шпіона является въ данномъ случаѣ просто немыслимою: Екатерина не могла быть шпіономъ, еслибъ даже и желала. Какъ въ то время, такъ и значительно позже, Екатерина „была глубоко убѣждена, что относительно правительства не могла ни въ чемъ упрекнуть себя“ [2]). Самое положеніе великой княгини того времени заставляетъ относиться съ полнымъ довѣріемъ къ этому признанію Екатерины. Какіе секреты были извѣстны великой княгинѣ? Какимъ значеніемъ при рѣшеніи важныхъ вопросовъ она пользовалась? Что могла она открыть Уильямсу, въ чемъ помочь? До малаго двора доходили лишь городскіе слухи, бывшіе достояніемъ всѣхъ. Великій князь, правда, засѣдалъ иногда въ конференціи; но вѣдь великимъ княземъ-то былъ Петръ Ѳедоровичъ [3]). Вотъ почему Уильямсъ не сообщилъ своему правительству ни одной сколько-нибудь важной новости [4]), которая ранѣе того не была бы извѣстна изъ другихъ источниковъ. Его донесенія только

---

[1]) *Raumer*, II, 420.

[2]) Mémoires, 318.

[3]) *Соловьевъ*, XXIV, 63; *Raumer*, II, 409.

[4]) Въ декабрѣ онъ не имѣлъ еще инструкціи Апраксину отъ 5-го октября, между тѣмъ какъ былъ „друженъ“ съ Екатериною, а Екатерина „дружна“ съ Апраксинымъ!

вводили въ заблужденіе великобританское министерство. Не смотря на свои „близкія“, какъ онъ писалъ, отношенія къ великой княгинѣ, къ своему „лучшему другу“, какъ онъ ее называлъ, Уильямсъ рѣшительно ни въ чемъ не успѣлъ и былъ отозванъ изъ Петербурга, какъ дипломатъ, не оправдавшій того довѣрія, которымъ онъ былъ облеченъ. Ему вѣрилъ только Фридрихъ II, вѣрилъ на столько, что полагалъ, будто Екатерина способна участвовать въ подкупѣ Апраксина лишь бы задержать движеніе русской арміи противъ Пруссіи! Лучшимъ отвѣтомъ на подобное предположеніе, выраженное въ письмѣ отъ 8-го января, служитъ слѣдующее собственоручное письмо Екатерины къ канцлеру Бестужеву, отъ 30-го января:

„Я съ удовольствіемъ узнала изъ городскихъ слуховъ, что наша армія вскорѣ начнетъ приводить въ исполненіе наши декларації, которыя покрыли бы насъ позоромъ, еслибъ остались не исполненными. Я поручила поздравить по этому поводу фельдмаршала Апраксина и выразить ему мои пожеланія возможно быстрыхъ успѣховъ, и поздравляю также и васъ, такъ какъ вы принимали наибольшее участіе въ тѣхъ рѣшеніяхъ, которыя, какъ я надѣюсь, послужатъ на пользу и къ славѣ Россіи и которыя, самымъ ослабленіемъ короля Прусскаго, могутъ привести къ возстановленію старой системы, которая есть ваше дѣтище... Я прошу васъ рекомендовать нашему общему другу, фельдмаршалу Апраксину, чтобъ онъ, побивъ короля Прусскаго, ограничилъ его старыми предѣлами, такъ чтобъ мы сами не были вынуждены быть вѣчно на сторожѣ и въ страхѣ. Въ этомъ состоитъ ваша система, и я ничего противъ нея не имѣю, потому что я усвоила ее себѣ“ [1]).

Кажется, ясно на чьей сторонѣ симпатіи Екатерины: Фридрихъ II

---

[1]) Письмо это сохранилось въ копіи, приложенной къ депешѣ саксонскаго резидента Прассе, отъ 2-го (13-го) февраля 1757 года. Прассе сообщаетъ, что первая половина письма была составлена по французски, вторая—по русски; онъ даже называетъ ихъ двумя записками великой княгини, писанными въ одинъ и тотъ же день (*Preussische Jahrbücher*, XXVII, 576). Чтобъ вполнѣ оцѣнить всѣ догадки и подозрѣнія, высказываемыя саксонскимъ резидентомъ по поводу этого письма, необходимо принять во вниманіе, между прочимъ, слѣдующее воспоминаніе Екатерины о немъ: „Ce m. Prasse paraissait souvent instruit de quantité de particularités dont on était étonné d'où il les savait. Plusieurs années après le canal se découvrit: il était l'amant fort secret et fort discret de la femme du vice-chancelier, la comtesse Anna Karlovna, née Scavronsky; celle-ci était très liée avec la femme du maitre des cérémonies Samarine, et c'était chez cette femme que la comtesse voyait m. Prasse“. Mémoires, 302.

надѣется задержать при ея помощи наступленіе русскихъ войскъ Апраксина, а Екатерина проситъ „recommander à Velt-Maréchal Apraxin, après avoir battu le Roi de Prusse, de le confiner dans ses anciennes bornes!“ Кажущееся въ этомъ случаѣ противорѣчіе Екатерины съ ея прежними взглядами легко объясняется. Пока Апраксинъ былъ въ Петербургѣ и „убѣдительно“ доказывалъ невозможность зимняго похода, не только Екатерина или канцлеръ Бестужевъ, но даже и конференція соглашалась съ нимъ и признавала, что наступленіе не можетъ быть начато ранѣе весны [1]); теперь Апраксинъ, въ Ригѣ, среди войскъ, еще болѣе убѣдился въ неготовности арміи къ походу за границу, въ непріятельскую землю, но, съ отъѣздомъ Апраксина, Екатерина лишена уже свѣдѣній чисто военныхъ; въ Петербургѣ преобладаютъ теперь соображенія чисто политическія, и не только отдѣльныя лица, но и вся конференція находитъ, что „въ виду премѣнившихся обстоятельствъ“ необходимо немедленно открыть компанію, чтобъ „замыслы короля Прусскаго уничтожить“. Письмо Екатерины къ Бестужеву—отголосокъ общаго настроенія, въ которомъ доминирующею нотой звучитъ стремленіе уничтожить Прусскаго короля.

Эта нота слышится и позже, въ томъ участіи, съ которымъ великая княгиня слѣдитъ за дѣйствіями русской арміи. Весною 1757 г., въ апрѣлѣ, Екатерина пишетъ Апраксину собственноручное письмо, въ которомъ проситъ его не медлить наступленіемъ на Пруссію [2]).

---

[1]) „До будущей весны не признается за удобно всею арміею дѣйствовать противъ Пруссіи“. Инструкція генералу Апраксину отъ 5-го октября 1756 года. Архивъ кн. Воронцова, III, 525.

[2]) „Генералъ-квартирмейстеръ Веймарнъ въ допросѣ показалъ, что когда онъ, пріѣхавъ въ Ригу, отдалъ фельдмаршалу письма, то фельдмаршалъ, прочитавъ письмо великой княгини, оному не увѣрился, но осердился и сказалъ: *я знаю канцлеровы финты*, а потомъ вынувъ изъ шкатулки другое письмо сличалъ съ онымъ руку и нашодчи, что сходна, сказалъ, *ну хорошо*, и все то заперъ въ ту же шкатулку“ Прилож. XI). Изъ сличенія Апраксинымъ почерка письма великой княгини, слѣдственная коммиссія справедливо заключила, что апрѣльское письмо не было первымъ письмомъ Екатерины къ Апраксину и постановила, что „надлежитъ фельдмаршалу очистить, съ какимъ письмомъ сличалъ руку, сколько тѣхъ предыдущихъ писемъ было“ (ibid.) Апраксинъ могъ сличать почеркъ съ поздравительнымъ письмомъ великой княгини съ новымъ 1757 годомъ. Если принять это предположеніе, то всѣхъ писемъ великой княгини къ Апраксину все же окажется *четыре*—два политическихъ, весеннее и осеннее, и два поздравительныхъ, съ новымъ годомъ и съ рожденіемъ сына — а не *три*, какъ неоднократно показывала Екатерина на двухъ допросахъ, сдѣланныхъ ей императрицею (Mémoires, 342, 352).

Когда пришло извѣстіе о пораженіи пруссаковъ подъ Гроссъ-Егердорфомъ великая княгиня „дала у себя, въ саду, большой обѣдъ великому князю и всѣмъ знатнымъ лицамъ Ораніенбаума“ [1]). Еще рѣзче раздалась эта нота осенью, когда пришло извѣстіе объ отступленіи Апраксина послѣ одержанной побѣды:

„Вскорѣ мы узнали“, пишетъ Екатерина, — „что фельдмаршалъ Апраксинъ, вмѣсто того, чтобъ, воспользовавшись взятіемъ Мемеля и гроссъ-егердорфскою побѣдой, идти впередъ, отступалъ съ такою поспѣшностью, что это отступленіе походило на бѣгство — онъ бросалъ и жегъ обозныя фуры, заклепывалъ пушки. Никто не понималъ причинъ этого отступленія; даже друзья Апраксина не знали, чѣмъ оправдать его. Графъ Бестужевъ увѣдомилъ меня, чрезъ Штамбке [2]), какой оборотъ принимало движеніе фельдмаршала Апраксина, на которое громко жаловались послы Австріи и Франціи. Онъ просилъ меня написать фельдмаршалу, какъ другу моему, и, присоединяя мои увѣщанія къ доводамъ канцлера, убѣдить его снова двинуться впередъ и положить конецъ этому бѣгству, которое его враги объясняютъ самымъ неблагопріятнымъ и позорнымъ для него образомъ. Дѣйствительно, я написала Апраксину письмо, въ которомъ предупреждала его о дурныхъ о немъ слухахъ въ Петербургѣ и сообщала, что друзья его затрудняются оправдывать поспѣшность его отступленія, при чемъ я просила его двинуться опять впередъ и выполнить повелѣнія, данныя ему императрицей. Бестужевъ послалъ ему это письмо. Фельдмаршалъ Апраксинъ не отвѣчалъ мнѣ“ [3]).

Эти два письма Екатерины къ Апраксину, весеннее и осеннее, несомнѣнно политическаго содержанія. Извѣстны еще два письма великой княгини къ Апраксину, вовсе ужь неполитическія: въ одномъ она поздравляетъ его съ новымъ годомъ, въ другомъ — съ рожденіемъ сына. Конечно, два послѣднія письма могутъ свидѣтельствовать о добрыхъ отношеніяхъ Екатерины къ Апраксину, что она ни отъ кого и не скрывала; но никакая діалектика, никакія заподозрѣванія, основанныя на дипломатическихъ и иныхъ сплетняхъ, не мо-

---

[1]) Mémoires, 281.

[2]) Весной 1756 г. умеръ Пехлинъ, министръ великаго князя по голштинскимъ дѣламъ; по совѣту Бестужева былъ вызванъ изъ Голштиніи Штамбке, который и занялъ его мѣсто. Министръ Штамбке и секретарь Цейцъ докладывали дѣла не великому князю, герцогу Голштиніи, а великой княгинѣ. Mémoires, 269.

[3]) Mémoires, 285.

гутъ прочесть въ двухъ первыхъ письмахъ особой склонности великой княгини къ Прусскому королю.

Въ этомъ отношеніи Уильямсъ обманывалъ и себя, и другихъ. Онъ былъ на столько недальновиденъ, что, проживъ въ Петербургѣ болѣе двухъ лѣтъ, не узналъ ни Бестужева, ни Екатерины и, уѣзжая, увезъ съ собою убѣжденіе, что вѣрно оцѣнилъ политическіе взгляды, по крайней мѣрѣ, великой княгини. По возвращеніи въ Лондонъ, Уильямсъ представилъ въ министерство слѣдующее собственноручное письмо великой княгини, полученное имъ 19-го августа 1757 г., передъ отъѣздомъ изъ Петербурга:

„Я рѣшилась писать вамъ, не будучи въ состояніи видѣть васъ чтобъ проститься съ вами. Самыя искреннія сожалѣнія провожаютъ того, кого я считаю своимъ лучшимъ другомъ, и поведеніе котораго вызвало къ нему все мое уваженіе и мою дружбу. Никогда не забуду, чѣмъ я вамъ обязана. Чтобъ вознаградить васъ сообразно благородству вашихъ чувствованій, вотъ что я сдѣлаю: я воспользуюсь всѣми случаями, какіе можно только себѣ вообразить, чтобъ привести Россію къ тому, въ чемъ я признаю истинный ея интересъ— быть въ дружественномъ союзѣ съ Англіею, оказывать ей повсюду содѣйствіе и предпочтеніе, необходимое для блага всей Европы и особенно Россіи, предъ ихъ общимъ врагомъ Франціею, величіе которой составляетъ позоръ для Россіи. Я научусь практиковать эти чувствованія, на нихъ осную я свою славу и докажу королю, вашему государю, прочность этихъ моихъ чувствованій.

„Будьте увѣрены, что я ничего на свѣтѣ такъ не желаю, какъ увидѣть васъ вновь въ Петербургѣ, но торжествующимъ. Когда-нибудь, какъ я надѣюсь, король, вашъ государь, не откажетъ мнѣ въ просьбѣ, съ которою я обращусь къ нему—вновь увидѣть васъ. Отъ этого онъ можетъ только выиграть“ [1]).

Замѣчательное письмо: ни единаго слова о Пруссіи, ни даже намека на свои чувства къ Фридриху II, о чемъ Уильямсъ только и хлопоталъ въ послѣднее время, о чемъ онъ такъ часто и такъ много сообщалъ въ своихъ депешахъ. Какъ дипломатъ, преслѣдовавшій извѣстныя цѣли при петербургскомъ дворѣ, Уильямсъ не могъ, конечно, придавать особенную цѣну увѣреніямъ великой княгини въ своихъ симпатіяхъ къ его родинѣ, тѣмъ болѣе, что эти увѣренія сопровождались выраженіемъ непріязни къ Франціи—письмо, вѣдь, пи-

[1]) *Raumer*, II, 451.

сано къ англійскому посланнику въ самый разгаръ войны между Англіею и Франціею. Кромѣ самаго обычнаго приличія, Екатериною могъ руководить въ этомъ случаѣ и простой расчетъ: для Россіи было очень важно сохранить, по крайней мѣрѣ, не враждебныя отношенія къ Англіи и тѣмъ затруднить появленіе англійской эскадры въ Балтійскомъ морѣ, о чемъ такъ хлопоталъ Фридрихъ II [1]). Какъ человѣкъ, Уильямсъ имѣлъ полное право гордиться этимъ письмомъ: великая княгиня называетъ его своимъ „лучшимъ другомъ", обѣщаетъ никогда не забыть, чѣмъ ему обязана, и „ничего на свѣтѣ такъ не желаетъ", какъ вновь увидѣть его въ Петербургѣ. Это уже нѣчто бо̀льшее, чѣмъ простая вѣжливость. Чѣмъ же заслужилъ Уильямсъ дружбу Екатерины? Чѣмъ такъ обязалъ русскую великую княгиню?

—Не русскую, и не великую княгиню, а женщину, дѣйствительно, обязалъ Уильямсъ.

Екатеринѣ было 26 лѣтъ, когда Уильямсъ прибылъ въ Петербургъ. Она была женщина красивая, веселая, энергическая, и, по условіямъ придворной жизни того времени, лишенная всякой живой дѣятельности. Уже восьмой мѣсяцъ была она матерью перваго ребенка, но этого ребенка удалили отъ ея материнской ласки, и она по цѣлымъ мѣсяцамъ не видала его; отецъ этого ребенка только что оказался недостойнымъ той любви, которою пользовался. Именно въ это время, въ свитѣ англійскаго посланника прибылъ въ Петербургъ полякъ графъ Понятовскій. Онъ произвелъ на Екатерину большое впечатлѣніе. Въ трудныя минуты жизни, она вспоминала это и подобныя ему впечатлѣнія, и такъ объясняла ихъ:

„Я была одарена очень большою чувствительностью и внѣшностью, по меньшей мѣрѣ, весьма привлекательною—я нравилась съ перваго же взгляда, не употребляя для этого никакого искусства, никакихъ прикрасъ. Я была въ высшей степени общительна и имѣла нравъ скорѣе мужской, чѣмъ женскій; но съ умомъ и характеромъ мущины во мнѣ соединялась привлекательность весьма любезной женщины. Я сказала уже, что нравилась мущинамъ; слѣдовательно, одна половина искушенія была уже готова, другая же, по самой сущности человѣческой природы, является вслѣдъ за первою, потому что искушать и быть искушаему—очень близко одно отъ другаго. Если же къ этому примѣшается еще чувствительность, то какіе бы строгіе прин-

[1]) Pol. Corr., XIII, 35, 124; XIV, 190, 349, 397, 446, 476, 511.

ципы нравственности не были запечатлѣны въ головѣ, непремѣнно очутишься гораздо дальше, чѣмъ предполагалъ, и я до сихъ поръ не знаю, какимъ образомъ можно преодолѣть это. Быть можетъ, въ этомъ случаѣ только бѣгство могло бы помочь; но бываютъ случаи, положенія, обстоятельства, когда никакое бѣгство не возможно—какъ избѣгать, устраняться, отворачиваться среди придворной обстановки? Это тотчасъ обратило бы на себя вниманіе, возбудило бы толки. Да, если бѣжать нельзя, то, по моему, нѣтъ ничего труднѣе, какъ не поддаться тому, что̀ сильно прельщаетъ. Все что ни говорили бы противъ этого, все будетъ только лицемѣріе и незнаніе человѣческаго сердца. Человѣкъ не властенъ въ своемъ сердцѣ; его въ кулакѣ не удержишь и оно никакихъ разсудочныхъ приказаній не слушается“ [1]).

Графъ Понятовскій былъ принятъ при большомъ дворѣ, появлялся въ высшемъ петербургскомъ обществѣ, сблизился съ малымъ дворомъ. Онъ понравился великому князю своими насмѣшками надъ саксонцами, не только надъ графомъ Брюлемъ, но и надъ королемъ Августомъ—Петру Ѳедоровичу нравился всякій, принижавшій враговъ боготворимаго имъ Фридриха II; онъ увлекъ великую княгиню своею непринужденною веселостью, своимъ игривымъ остроуміемъ, красотою, умомъ, ловкостью. Графъ Понятовскій велъ себя въ Петербургѣ крайне неосторожно. Что онъ поддерживалъ здѣсь родственную ему партію Чарторижскихъ, враждовавшихъ съ Польскимъ королемъ, что онъ хлопоталъ объ острожскомъ наслѣдствѣ [2]), приносившемъ Чарторижскимъ мильонные доходы—это было, по крайней мѣрѣ, естественно и понятно со стороны частнаго человѣка, родственника князей Чарторижскихъ; но онъ позволялъ себѣ, сверхъ того, легкомысленныя выходки противъ государственныхъ людей Саксоніи, всяческія интриги и происки противъ саксонскихъ интересовъ, стараясь „раздражить петербургскій дворъ противъ польско-саксонскаго“ [3]). Графъ Понятовскій прожилъ въ Петербургѣ съ небольшимъ годъ и, въ августѣ 1756 года, долженъ былъ покинуть русскую столицу по требованію польско-саксонскаго правительства. Удаленіе графа Понятовскаго было крайне непріятно молодому двору, и великая княгиня употребила все свое вліяніе на великаго канцлера, чтобъ ускорить возвра-

---

[1]) Mémoires, 331.

[2]) *A. de Broglie*, La diplomatie secrète de Louis XV. *Revue de deux mondes*, 1870, mai, 299.

[3]) Депеша саксонскаго резидента Прассе отъ 21-го іюня 1756 г.

щеніе графа Понятовскаго въ Петербургъ. По настоянію Екатерины начались переговоры между графами Бестужевымъ и Брюлемъ. Бестужевъ признавалъ, что для императрицы графъ Понятовскій вовсе не persona grata, но усиленно доказывалъ необходимость исполнить желаніе молодаго двора; Брюль находилъ несвоевременнымъ раздражать великокняжескую чету отказомъ, и 23-го декабря 1756 года графъ Понятовскій возвратился въ Петербургъ, но уже не частнымъ человѣкомъ, а въ качествѣ министра Польской республики. /Положеніе графа Понятовскаго, какъ лица офиціальнаго, стало теперь еще болѣе деликатнымъ, поведеніе же его еще болѣе неосторожнымъ. Тотчасъ по прибытіи въ Петербургъ, онъ передалъ великому канцлеру бумагу, которою ходатайствовалъ, чтобъ русскому резиденту въ Варшавѣ приказано было хлопотать въ пользу Чарторижскихъ въ спорномъ дѣлѣ объ острожскомъ наслѣдствѣ, и канцлеръ Бестужевъ долженъ былъ исполнить эту просьбу, такъ какъ она была поддержана собственноручною записочкой великой княгини [1]). Другими словами: офиціальный представитель Польскаго короля дѣйствуетъ прямо во вредъ (recht zum Nachtheil) интересамъ своего государя [2]). Не удивительно, что графъ Брюль грозилъ немедленно же отозвать графа Понятовскаго изъ Петербурга [3]). Эта угроза смутила Бестужева: если она будетъ приведена въ исполненіе, весь гнѣвъ великой княгини обрушится на него. Увѣдомляя великую княгиню о предстоящей бѣдѣ, графъ Бестужевъ указывалъ и средство избѣжать угрозы. Англійскій посланникъ Уильямсъ крайне враждебенъ польско-саксонскому двору, между тѣмъ графъ Понятовскій, представитель этого двора, сообщаетъ всѣ секреты своему другу, Уильямсу; Уильямсъ передаетъ ихъ Фридриху II, и Фридрихъ II пользуется этими свѣдѣніями для своихъ злостныхъ видовъ противъ Саксоніи. Нельзя, поэтому, и винить графа Брюля за его неудовольствіе на графа Понятовскаго, и крайне необходимо, чтобъ графъ Понятовскій измѣнилъ свои отношенія къ Уильямсу; объ этомъ слѣдуетъ серьезно подумать, если желательно сохранить за графомъ Понятовскимъ занимаемый имъ постъ. Екатерина отвѣчала на это предостереженіе слѣдующимъ письмомъ графу Бестужеву:

---

[1]) Отъ 2-го февраля 1757 года. Записка эта не сохранилась; о ней упоминаетъ Прассе въ депешѣ отъ 13-го февраля.

[2]) *Preuss. Iahrb.* XLVII, 575.

[3]) Письмо гр. Брюля саксонскому резиденту Прассе отъ 21-го марта 1757 г.

„Благодарю васъ за сообщенныя вами извѣстія о злыхъ умыслахъ Прусскаго короля; это даетъ мнѣ новое оружіе для противодѣйствія ему. Но наибольшее доказательство дружбы, какое вы можете представить мнѣ, заключается въ твердой и рѣшительной поддержкѣ и защитѣ графа Понятовскаго отъ его враговъ. Ему столь многимъ обязаны, что, казалось бы, не должны и думать о нанесеніи ему вреда; если же ему повредятъ, то жестоко раскаются. Прощайте. Надѣюсь на васъ“ [1]).

Для Бестужева нѣтъ выбора: если надежды Екатерины на него не оправдаются, если гр. Понятовскій будетъ отозванъ, Бестужевъ потеряетъ послѣднюю свою опору. Противъ него вице-канцлеръ Воронцовъ, противъ него всѣ Шуваловы; они возстановили уже противъ него и императрицу; только великая княгиня за него, только ради ея враги канцлера не высказываются еще открыто, громко. Выбора нѣтъ и воля Екатерины должна быть исполнена. Послѣ недолгихъ переговоровъ, саксонскій резидентъ Прассе заявилъ, что графъ Понятовскій можетъ остаться въ Петербургѣ лишь подъ двумя условіями: прервать всякія сношенія съ Уильямсомъ и не идти противъ интересовъ короля, своего государя, въ спорномъ вопросѣ объ острожскомъ наслѣдствѣ. Узнавъ эти условія, Екатерина требовала отъ Бестужева, чтобъ онъ написалъ графу Брюлю рѣшительное письмо, въ которомъ сообщилъ бы ему, что отношенія графа Понятовскаго къ Уильямсу никоимъ образомъ не вредятъ варшавскому двору и что пребываніе графа Понятовскаго въ Петербургѣ признается безусловно необходимымъ. Великая княгиня писала по этому поводу графу Бестужеву:

„Упрекать графа Понятовскаго за его сношенія съ Уильямсомъ болѣе чѣмъ жестоко, такъ какъ вы сами одобряли эти сношенія и даже требовали ихъ, находя, что только графу Понятовскому можно довѣрять подобную переписку. Теперь, вмѣсто того, чтобъ быть ему благодарнымъ за то, что онъ честно хранитъ тайну (разоблаченіе которой послужило бы лучшимъ его оправданіемъ), вы платите ему недовѣріемъ... Я знаю, что еслибъ вы потребовали отъ графа Брюля, чтобъ онъ не ѣлъ хлѣба, онъ послушается васъ. Лишь бы только вы дѣйствовали такъ, какъ я желаю, то никогда не посмѣютъ поступать противно тому, чего вы искренно желаете. Я до послѣдней крайности послѣдую всѣмъ совѣтамъ, которые вы даете мнѣ отно-

---

[1]) *Preuss. Jahrb.* XLVII, 577.

сительно предосторожностей, и хотя они, быть можетъ, только плодъ воображенія, я все-таки благодарю васъ за нихъ. Все зависитъ отъ васъ и я въ этомъ случаѣ полагаюсь и буду полагаться только на васъ“ [1]).

Екатерина не ошиблась: по совѣту Бестужева, графъ Брюль, дѣйствительно, отказался отъ хлѣба. Саксонскій министръ вполнѣ подчинился въ этомъ случаѣ указаніямъ графа Бестужева и въ письмѣ отъ 11-го іюля 1757 г. писалъ изъ Варшавы: „графомъ Понятовскимъ здѣсь на столько довольны, что вовсе и не думаютъ объ его отозваніи. Хотя и не въ состояніи достойно вознаградить его вѣрную службу деньгами и приличнымъ содержаніемъ, но его королевское величество рѣшился поощрить усердную и полезную службу названнаго графа другимъ способомъ, который ему будетъ, конечно, гораздо пріятнѣе и важнѣе, чѣмъ деньги“.

Этимъ обрывается переписка Екатерины съ канцлеромъ Бестужевымъ. Слѣдующая записочка великой княгини писана уже не къ графу Бестужеву и послѣ ряда серьезныхъ событій, значительно поколебавшихъ почву подъ ногами дѣйствующихъ лицъ: 19-го августа, Апраксинъ разбиваетъ пруссаковъ подъ Гроссъ-Егердорфомъ и, не преслѣдуя врага, поспѣшно отступаетъ; 8-го сентября, императрица валяется на улицѣ въ припадкѣ падучей болѣзни; въ октябрѣ Апраксинъ отрѣшенъ отъ главнокомандованія арміею, арестованъ и подвергнутъ допросу; 14-го февраля 1758 года, арестованъ великій канцлеръ графъ Бестужевъ, а 16-го Екатерина пишетъ Пуговишникову: „Вамъ нечего опасаться; успѣли все сжечь“ [2]).

Что сжечь? Зачѣмъ сжечь? Какой Пуговишниковъ? Чего ему опасаться?

---

[1]) *Preuss. Jahrb.*, XLVII, 578.

[2]) Mémoires, 314.

III.

Графъ Алексѣй Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ былъ головою, двумя, выше всѣхъ Шуваловыхъ, выше Воронцова, выше всѣхъ русскихъ царедворцевъ и иностранныхъ представителей, толпившихся при дворѣ Елизаветы Петровны. Онъ нѣкогда поборолъ князя Черкасскаго, мѣрялся съ Биромъ, побѣдилъ Шетарди, погубилъ Лестока и за испытанное имъ „неповинное претерпѣніе“ былъ вознесенъ, пожалованъ, почтенъ. Бестужеву ли, посѣдѣвшему въ политической интригѣ и придворной кабалѣ, не осилить какого-либо Воронцова или Шувалова? Ни маркизу Лопиталю, ни графу Эстергази не по плечу борьба съ великимъ канцлеромъ. Но Бестужевъ уже старъ—ему 70-й годъ; но онъ одинъ, а враги его тѣсно сплачиваются, они привлекли на свою сторону даже его роднаго брата и, что особенно опасно, за нихъ молодой фаворитъ, И. И. Шуваловъ, всесильный своимъ вліяніемъ на императрицу, которая думаетъ его мыслями, видитъ его глазами. Нервная, легкомысленная Елизавета никогда не любила Бестужева; она его терпитъ за его умъ, за его знанія, за его опытность политическую—трудно ли возбудить императрицу противъ него? Куда не посмотритъ Бестужевъ, всюду видитъ онъ только враговъ, которые съ каждымъ днемъ становятся смѣлѣе, дерзче, и все глубже подкапываются подъ него. Какъ устоять одному противъ всѣхъ; борьба не ровна. Бестужевъ ищетъ опоры, а такою опорой могъ быть только молодой дворъ. Онъ, конечно, теперь ничто; но въ будущемъ, и можетъ быть, очень близкомъ, онъ все, и враги Бестужева, видя близость его къ молодому двору, будутъ осторожнѣе, сдержаннѣе. Но что такое молодой дворъ? Бестужевъ насквозь видитъ великаго князя, считаетъ его ребенкомъ, и ребенкомъ неум-

нымъ, знаетъ его увлеченіе Прусскимъ королемъ, его готовность пожертвовать всѣмъ ради возлюбленной Голштиніи; день восшествія на престолъ Петра Ѳедоровича будетъ днемъ гибели Бестужева, вѣкъ свой ратовавшаго противъ Прусскаго короля, ни въ грошъ не ставившаго Голштинію. Остается только великая княгиня: она умна и поймет ъ его, она честолюбива и поддержитъ его, нужно только заинтересовать ее, привлечь на свою сторону. Но чѣмъ и какъ? Бестужевъ старъ, но надъ такими вопросами не задумывался. Онъ входитъ въ добрыя сношенія съ матерью великой княгини и завязываетъ съ нею переписку [1]), сообщаетъ Екатеринѣ извѣстія о заграничномъ путешествіи Сергѣя Салтыкова, пользуется прибытіемъ въ Петербургъ графа Понятовскаго и дѣлаетъ его довѣреннымъ посредникомъ въ своихъ сношеніяхъ съ великою княгиней. Обязавъ, такимъ образомъ, дочь и женщину, Бестужевъ, стараясь привлечь къ себѣ и будущую властительницу, переслалъ ей, чрезъ того же гр. Понятовскаго, свой проектъ, касающійся престолонаслѣдія. Этотъ проектъ не сохранился; о немъ мы узнаемъ изъ мемуаровъ Екатерины:

„Болѣзненное состояніе и частые припадки императрицы заставляли всѣхъ думать о будущемъ. Графъ Бестужевъ и по мѣсту, имъ занимаемому, и по своимъ умственнымъ способностямъ подумывалъ объ этомъ болѣе другихъ. Онъ зналъ о томъ отвращеніи къ нему, которое давно уже было внушено великому князю. Ему хорошо были извѣстны слабыя способности этого принца, рожденнаго наслѣдникомъ столькихъ коронъ. Естественно, что этотъ государственный человѣкъ, какъ и всякій бы на его мѣстѣ, желалъ удержаться на своемъ посту. Онъ зналъ, что я уже много лѣтъ отношусь къ нему съ съ уваженіемъ. Къ тому же, онъ лично видѣлъ во мнѣ въ это время единственное существо, на которомъ могли сосредоточиваться надежды общества въ моментъ, когда не стало бы императрицы. Эти и подобныя соображенія внушили ему планъ, чтобы, тотчасъ по кончинѣ императрицы, великій князь былъ объявленъ по праву императоромъ и, въ то же время, я была бы объявлена участницею въ управленіи, чтобы всѣ лица остались при своихъ должностяхъ и чтобъ ему былъ предоставленъ чинъ подполковника въ четырехъ гвардейскихъ полкахъ и президентство въ трехъ государственныхъ коллегіяхъ—иностранныхъ дѣлъ, военной и адмиралтейской. Его желанія, такимъ образомъ, были чрезмѣрны. Проектъ такого мани-

[1]) Прилож. IX и X.

феста, писанный рукою Пуговишникова, онъ переслалъ мнѣ чрезъ графа Понятовскаго, посовѣтовавшись съ которымъ, я отвѣчала графу Бестужеву словесно, что благодарю его за добрыя намѣренія относительно меня, но считаю ихъ трудно выполнимыми. Онъ много разъ писалъ и давалъ переписывать свой проектъ, измѣнялъ его, дополнялъ, сокращалъ и, казалось, былъ имъ очень занятъ. Правду сказать, я смотрѣла на этотъ проектъ какъ на бредни, какъ на приманку, которою старикъ хотѣлъ войдти ко мнѣ въ довѣріе; я, однако, не поддавалась на эту приманку, но такъ какъ дѣло было не спѣшное, то я не хотѣла противорѣчить упрямому старику".

Вскорѣ новый припадокъ императрицы доказалъ, что это не спѣшное дѣло должно быть всегда на готовѣ. 8-го сентября 1757 года, въ праздникъ Рождества Богородицы, Елизавета Петровна отправилась изъ своего царскосельскаго дворца въ приходскую церковь, въ двухъ шагахъ отъ дворцовыхъ воротъ. Едва началась служба, императрица почувствовала себя дурно, вышла изъ церкви, сошла по церковному крыльцу и, сдѣлавъ два шага, упала безъ чувствъ на траву. Ее обступила толпа народа, сошедшагося изъ окрестныхъ деревень на праздникъ, къ обѣднѣ. Императрица вышла изъ церкви одна, безъ свиты; извѣщенныя дамы и другія приближенныя лица тотчасъ же прибѣжали на помощь и нашли императрицу все еще на травѣ, безъ сознанія, посреди народа, который смотрѣлъ на нее, но не смѣлъ прикоснуться. Ее покрыли бѣлымъ платкомъ и послали за докторомъ. Первымъ прибылъ хирургъ Фусадье, французскій эмигрантъ. Онъ немедленно, тутъ же, на травѣ, посреди народа, на глазахъ толпы, пустилъ ей кровь, но императрица не приходила въ себя. Долго ждали доктора Кондоиди, грека—онъ былъ болѣнъ и его принесли въ креслѣ. Наконецъ, принесли изъ дворца ширмы и кушетку; подняли императрицу, положили на кушетку, терли мазями, давали нюхать всевозможные спирты—она не приходила въ себя; такою, въ безчувственномъ состояніи, и перенесли ее во дворецъ, послѣ того, что она болѣе двухъ часовъ лежала на улицѣ. Во время этого припадка Елизавета Петровна такъ прикусила себѣ языкъ, что въ теченіи нѣсколькихъ дней не владѣла имъ, и долго потомъ говорила невнятно.

Этотъ припадокъ, породившій всевозможные толки и разоблачившій болѣзненное состояніе императрицы, которое тщательно скрывали даже отъ общества, не только отъ народа, совпалъ съ дурными извѣстіями съ театра войны. Одна за другою приходили вѣсти: Апрак-

синъ не преслѣдуетъ непріятеля, разбитаго подъ Гроссъ-Егердорфомъ, Апраксинъ отступаетъ, Апраксинъ бѣжитъ, никѣмъ не преслѣдуемый....

Бой подъ Гроссъ-Егердорфомъ не былъ боемъ рѣшительнымъ. Потерпѣвшая пораженіе прусская армія Левальда осталась „не добитою“. Пруссаки отступили къ Белау и остановились; русскіе подступили къ Алленбургу и тоже остановились. Эта обоюдная остановка дала возможность осмотрѣться. Что же оказалось? Левальдъ пополнилъ убыль въ рядахъ арміи милиціей и взялъ запасы изъ белаускихъ магазиновъ; Апраксину пополнить убыль нечѣмъ и провіанта взять неоткуда. Оставаясь въ Алленбургѣ, онъ разрывалъ свое сообщеніе съ Россіею на Ковно и для овладѣнія Кенигсбергомъ долженъ былъ предварительно уничтожить всю армію Левальда. Созванному Апраксинымъ 27-го августа военному совѣту взаимное положеніе обѣихъ армій представлялось въ слѣдующемъ видѣ: русская чувствуетъ уже недостатокъ продовольствія, прусская получаетъ провіантъ изъ своихъ запасныхъ магазиновъ; числомъ войскъ русская армія „умалена и умаляется“, непріятель же „на мѣсто потерянной артиллеріи, приведенною вновь изъ Кенигсберга съ излишествомъ себя снабдилъ, всю ландмилицію и старослужащихъ къ себѣ собралъ“. Военный совѣтъ постановилъ: отступить сперва къ Тильзиту и, обезпечивъ тамъ себя продовольствіемъ, затѣмъ уже продолжать прежній планъ наступленія на Лабіаву. 12-го сентября русская армія заняла Тильзитъ, а на другой же день, 13-го, авангардъ прусской арміи Левальда, желавшаго отплатить за гроссъ-егердорфское пораженіе, показался въ ближайшихъ окрестностяхъ Тильзита. Левальдъ поздно созналъ свою ошибку; онъ видѣлъ, какъ разстроенная, ослабленная русская армія уходитъ отъ него и рѣшился дать бой подъ Тильзитомъ. Принять бой было бы грубою ошибкой Апраксина — всѣ шансы успѣха были на сторонѣ пруссаковъ. На военномъ совѣтѣ 13-го сентября было рѣшено: отступить отъ Тильзита. Трудная переправа черезъ Нѣманъ была выполнена къ 16-му сентября. Въ началѣ ноября вся русская армія расположилась на зимнихъ квартирахъ.

Такъ представляется фактъ „отступленія“ Апраксина теперь, спустя 130 лѣтъ [1]); не такъ рисовался онъ современникамъ. Незнакомые съ подробностями дѣла громко обвиняли Апраксина чуть ли не въ

---

[1]) *Масловскій*, 305—331.

измѣнѣ и приводили отступленіе „побѣдоносной“ русской арміи въ связь съ припадкомъ падучей Елизаветы Петровны: Апраксинъ велъ свою армію изъ Пруссіи обратно въ Россію, желая захватить въ свои руки положеніе дѣлъ въ случаѣ смерти императрицы, отчаянное состояніе которой было сообщено главнокомандующему его „другомъ“ графомъ Бестужевымъ [1]). Люди, стоявшіе у дѣла, знали, что „побѣдоносная“ армія умирала съ голоду, что Левальдъ гнался за нею по пятамъ, такъ что уже отъ Инстербурга пришлось жечь всѣ деревни, чтобъ затруднить наступленіе непріятеля, искавшаго боя. Солдаты, вынесшіе на себѣ всю тяжесть похода, гроссъ-егердорфскаго боя и отступленія, негодовали, что русскій Апраксинъ смѣненъ нѣмцемъ Ферморомъ.

Эта смѣна была нужна по политическимъ соображеніямъ—Апраксинъ былъ искупительною жертвой, предназначенною для успокоенія союзниковъ, австрійцевъ и французовъ. 16-го октября конференція постановила дать знать союзникамъ, что рѣшено „команду надъ арміею у фельдмаршала Апраксина взявъ, поручить опую Фермору, а Апраксина сюда къ отвѣту позвать“.

Въ этомъ всѣ члены конференціи были согласны. Конференцъ-секретарь Волковъ объявилъ 7-го октября, что „ея императорское величество имянно указала, чтобъ каждый членъ конференціи мнѣніе свое, особливо запечатавъ, ея императорскому величеству подалъ“. 7-го же октября Елизаветѣ Петровнѣ были поданы пять пакетовъ. Графъ Бестужевъ-Рюминъ, А. Бутурлинъ, графъ А. Шуваловъ, князь Трубецкой и графъ П. Шуваловъ, каждый порознь, находили необходимымъ отрѣшить Апраксина отъ командованія дѣйствующею арміей, вызвать его „для держанія надъ нимъ военнаго суда“, назначить главнокомандующимъ генерала Фермора и о всемъ этомъ „немедленно жъ союзникамъ знать дать“. Представители „союзниковъ“, маркизъ Лопиталь и графъ Эстергази, усиленно поддерживали раздраженіе противъ Апраксина за „безславную ретираду“; при дворѣ стали поговаривать о возможности немедленнаго арестованія Апраксина.

---

[1]) Постановленія объ отступленіи были рѣшены не единолично Апраксинымъ, а всѣмъ „генералитетомъ“, военнымъ совѣтомъ 27-го августа, 13-го и 28-го сентября, въ томъ числѣ и Ферморомъ, смѣнившимъ Апраксина въ главнокомандованіи. Послѣдовательность требовала бы обвинять всѣхъ генераловъ въ „дружбѣ“ съ гр. Бестужевымъ и въ измѣнѣ. *Соловьевъ*, XXIV, 181; *Масловскій*, 311.

Великій канцлеръ, одинъ изъ всѣхъ членовъ конференціи возсталъ противъ этого: „Есть либъ иногда откого либо“—пишетъ Бестужевъ въ своемъ мнѣніи—„ея императорскому величеству представлено было дабы фельдмаршала тотъ часъ и арестовать; то сверхъ того что сие съ природнымъ ея величества великодушіемъ и милосердіемъ несходно было бъ, канцлеръ не потому, что онъ всегда его пріятель былъ, паче же изъ усердія къ славѣ ея императорскаго величества на сіе своего согласованія и для того недалъ бы, ибо то какъ рановремянно еще, такъ и походило бы на обычай азіацкихъ державъ, дѣло самою экзекуціею начинать, и не разсмотря еще вины и не выслушавъ оправдания наказывать, какъ бы онъ между тѣмъ виновнымъ никазался, чемъ толко вящее безславіе навлечено былобъ“.

Вопросъ о степени виновности Апраксина, даже съ намеками на возможность полнаго его оправданія, выраженъ въ замѣчательномъ мнѣніи графа Шувалова въ слѣдующей формѣ:

„Болеежъ всего усердіе мое теперь какъ и надлежитъ ктому простираетца, какъ сие воспоследовавшее зло скорее поправить. Сумнительствъ столко много кпредосуждению ево, что видитца и оправдатца ему трудно, есть правда и доказателства тому, что для сохранения арміи делано, какъ то изъ резултатовъ держанныхъ генералитетомъ совѣтовъ и реляцей ево видно, но какъ одного ко обвинению такъ другова ко оправданию недостаточно... Для собственаго вашего императорскаго величества правосудія и для переду весма важно стонкостию разсмотреть все притчины несостояния арміи и ея ретирады, ибо каковыбъ оплошности ни были, однакожъ худому состоянию армеи другимъ притчинамъ быть надобно; изъ оплошности одной не можно бросать ружие, воинския снаряды и протчее безъ наиважнѣйшихъ ктому резоновъ... Ежели фельдмаршалъ изобличенъ будетъ и оправдатца невозможетъ, то по строгости законовъ впримѣръ другимъ и во удовлетвореніе правосудия вашего величества поступить, ежелижъ оправдитца то ваше величество особливую изъ того получите ползу, ибо откроютца тогда способы къ произведению войны слутчимъ успехомъ... Правда для болшой наружности можно бы и не бравъ ево сюда поручить кому либоже изслѣдовать вриге, но сие показалобъ что ищетца не исследовать токмо и правосудие показать, но единственно дать свой гневъ чювствовать, чемъ и всякий новой командиръ болше встрахъ и робость приведетца, нежели поощтритца, на противужъ того видя что безъ изследыванья внастоящемъ месте никто не осуждаетца, но всякъ защищаетца самими

отъ Бога и отъ вашего величества данными законами, не осуждать ни кого безъ изследывания и не взявъ ево оправдания, получитъ въ свои предприятия надежность, и натурално должностию и самолюбиемъ поощритца сделать лучше своего предместника“ [1]).

Еще до назначенія военнаго суда надъ Апраксинымъ императрица потребовала отъ генерала Фермора, чтобъ онъ представилъ свое мнѣніе о „безславной ретирадѣ“. Покоритель Мемеля, „какъ предъ Богомъ по сущей правдѣ“, показалъ, что причиною отступленія Апраксина изъ Пруссіи былъ „недостатокъ людямъ и лошадямъ субсистенціи“, вслѣдствіе чего они „въ совершенную худобу пришли“, такъ что не возможно было „съ желаемымъ успѣхомъ военныхъ операцій произвесть“. Фермору повѣрили на столько, что Фермора же назначили главнокомандующимъ на мѣсто Апраксина. Послѣ этого не могло быть и рѣчи о военномъ судѣ надъ Апраксинымъ—по вопросу о ретирадѣ онъ былъ обѣленъ вполнѣ. Начался судъ невоенный.

Апраксинъ друженъ съ Бестужевымъ, Шуваловы горой стоятъ за Апраксина; къ тому же Апраксинъ, по мнѣнію „союзниковъ“, человѣкъ недалекій, не имѣющій своего мнѣнія. Онъ, для нихъ, только орудіе въ рукахъ болѣе опытныхъ, и эти руки, водившія Апраксинымъ, будутъ управлять и Ферморомъ, и всякимъ главнокомандующимъ; для союзниковъ важенъ не Апраксинъ; не отъ него зависитъ ходъ дѣла — отъ Бестужева. У Бестужева много враговъ; противъ него и Шуваловы, и Воронцовъ, и всѣ члены конференціи, но за Бестужева еще императрица. Онъ падетъ тогда лишь, когда императрица убѣдится, что онъ измѣняетъ ей, что онъ ведетъ „свою“, помимо ея, политику. Эта „своя“ политика могла быть только политикой малаго двора, и вотъ Елизаветѣ Петровнѣ говорятъ о перепискѣ великой княгини съ Апраксинымъ, затѣянной Бестужевымъ, ее пугаютъ честолюбивыми замыслами великой княгини, поддерживаемой и, быть можетъ, руководимой Бестужевымъ. Враги Бестужева знаютъ, что переписка эта совершенно невиннаго свойства, они читали письма Екатерины къ Апраксину, у нихъ есть копіи этихъ писемъ; но они знали также Елизавету Петровну: довольно возбудить только ея подозрительность, достаточно самаго факта переписки; въ чемъ бы эта переписка ни заключалась, она во всякомъ случаѣ пре-

---

[1]) Московскій архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ; протоколъ конференціи отъ 7-го октября 1757 года.

ступна въ ея глазахъ, и если Бестужевъ зналъ объ этой перепискѣ и не доложилъ императрицѣ—онъ виноватъ.

Елизавета Петровна не сразу повѣрила наговорамъ Эстергази. Въ концѣ января, графъ А. Шуваловъ, „великій инквизиторъ“ и обергофмейстеръ великокняжескаго двора, былъ посланъ въ Нарву, чтобы переговорить съ Апраксинымъ о его перепискѣ съ великою княгиней и взять у него самыя письма Екатерины. Въ началѣ февраля, графъ Шуваловъ возвратился изъ Нарвы: Апраксинъ, правда, подъ присягою показалъ, что не получалъ отъ великой княгини никакихъ увѣщаній. противныхъ воли императрицы, но признался, что переписывался съ нею и выдалъ письма къ нему Екатерины. Въ глазахъ Елизаветы Петровны это былъ уже corpus delicti, но болѣе противъ великой княгини, чѣмъ противъ великаго канцлера; императрица недовольна, но болѣе Екатериной, чѣмъ Бестужевымъ. Для начала и этого было довольно; нужно было только продолжать начатое. Императрицѣ указали, что графъ Понятовскій, вопреки ея волѣ, но по желанію графа Бестужева, остается въ Петербургѣ, что министръ великаго князя по голштинскимъ дѣламъ Штамбке, по волѣ Бестужева, получилъ польскій орденъ Бѣлаго Орла, и, быть можетъ, другіе факты, столь же́ незначительные, но свидѣтельствующіе о какомъ-то особомъ значеніи Бестужева, которое подозрительность легко приводила въ связь съ ущербомъ самодержавія императрицы. Французскій посланникъ Лопиталь, въ это же время, заявилъ вице-канцлеру М. Л. Воронцову, съ которымъ, по личному приказанію императрицы, онъ велъ всѣ переговоры, что получилъ отъ своего государя предписаніе прекратить сношенія съ вице-канцлеромъ и впредь сноситься только съ великимъ канцлеромъ, съ графомъ Бестужевымъ; немного спустя, великій князь явился къ своей августѣйшей теткѣ, каялся въ своемъ дурномъ поведеніи, говорилъ, что оно происходило отъ дурныхъ совѣтовъ и называлъ такимъ совѣтникомъ графа Бестужева. Для подозрительной и нервной императрицы этого было уже вполнѣ довольно; но Елизавету Петровну увѣрили еще, что, по арестованіи Бестужева, въ домѣ его найдутся бумаги, изъ которыхъ раскроется преступная близость Бестужева къ великой княгини, связанная съ вопросомъ о престолонаслѣдіи, и императрица дала свое согласіе на арестъ великаго канцлера графа Бестужева-Рюмина.

1758 года, 14-го февраля, въ субботу вечеромъ, назначено было засѣданіе конференціи. Бестужевъ прислалъ сказать, что болѣнъ и не можетъ явиться въ засѣданіе. Елизаветѣ Петровнѣ представили

это какъ ослушаніе воли ея величества. Императрица разгнѣвалась и приказала Бестужеву явиться. Едва великій канцлеръ вошелъ въ конференцъ-залу, какъ былъ арестованъ и подъ конвоемъ отведенъ въ свой домъ. Бестужевъ былъ арестованъ во дворцѣ, близъ великокняжескихъ покоевъ, и Екатерина ничего не знала объ этомъ. На другой день, поутру, она получила отъ графа Понятовскаго слѣдующую записку: „Вчера, вечеромъ, графъ Бестужевъ арестованъ, лишенъ всѣхъ должностей и чиновъ; арестованы также вашъ брильянщикъ Бернарди, Елагинъ и Ададуровъ".

Екатерину не пугала поѣздка графа Шувалова въ Нарву за ея письмами—ея переписка съ Апраксинымъ была такъ невинна, такъ согласна съ видами правительства. Что ей до ареста Бернарди, Елагина, Ададурова? Италіанецъ Бернарди, торговавшій брильянтами, былъ вхожъ во всѣ дома, всѣмъ оказывалъ мелкія услуги, всѣ были ему должны; отъ умнаго, бывалаго итальянца ничего политическаго не узнаютъ, такъ какъ онъ самъ ничего политическаго не знаетъ. Иванъ Перфильевичъ Елагинъ, бывшій адъютантъ оберъ-егермейстера графа А. Г. Разумовскаго, другъ графа Понятовскаго, честный, правдивый, рыцарски преданный великой княгинѣ, ничего лишняго не скажетъ, хотя ему и было бы что̀ порассказать. Василій Евдокимовичъ Ададуровъ, учившій нѣкогда Екатерину русскому языку, прежде близкое лицо къ князю Н. Ю. Трубецкому, теперь довѣренный человѣкъ графа Бестужева, преданный своей ученицѣ, ея вѣрный слуга. Ни Бернарди, ни Елагинъ, ни Ададуровъ не опасны: что̀, кромѣ семейныхъ дрязгъ и мелкихъ сплетенъ, можно узнать отъ нихъ? Другое дѣло—арестъ Бестужева: у него письма и записочки Екатерины, у него проектъ о престолонаслѣдіи—не она писала его, но онъ составленъ въ ея интересахъ!

Екатерина читала и перечитывала утреннюю записочку графа Понятовскаго, и какъ ни думала, ни гадала, а выходило, что ей „нѣтъ никакой возможности не быть замѣшанною въ это дѣло". И ни откуда никакого извѣстія, не только утѣшенія—ни разъясненія причинъ, ни даже подробностей ареста, ничего. Екатерина одѣлась и пошла, „словно съ кинжаломъ въ сердцѣ", къ обѣднѣ; видѣла многихъ, но всѣ хранятъ молчаніе. Но если всѣ молчатъ—она молчать не можетъ. Вечеромъ, въ воскресенье же, во время бала, бывшаго по случаю свадьбы Льва Нарышкина, Екатерина подошла къ маршалу свадьбы, князю Трубецкому, „какъ будто посмотрѣть ленты на его маршальскомъ жезлѣ", и сказала ему въ полголоса: „Qu'est-ce que c'est donc que ces

belles choses? Avez-vous trouvé plus de crimes que de criminels, ou avez-vous plus de criminels que de crimes?“ [1]) Князь отвѣчалъ: „Мы сдѣлали, что было намъ приказано; преступленій же еще ищутъ. До сихъ поръ всѣ поиски не были удачны“. Съ тѣмъ же вопросомъ обратилась Екатерина къ фельдмаршалу Бутурлину и получила тотъ же отвѣтъ: „Бестужевъ арестованъ; теперь же мы ищемъ причины, за что его арестовали“. Могло ли это успокоить Екатерину? Князь Трубецкой и Бутурлинъ, правда, назначены слѣдователями, они знаютъ положеніе дѣла, но они знаютъ также, что говорятъ съ великою княгиней и отвѣчаютъ на вопросъ о человѣкѣ, которымъ она интересуется. Только въ понедѣльникъ, 16-го февраля, голштинскій министръ Штамбке принесъ Екатеринѣ утѣшительную вѣсточку: онъ получилъ отъ Бестужева записку съ просьбою передать великой княгинѣ, чтобы она „не безпокоилась на счетъ того, что̀ знаетъ“, что онъ имѣлъ время „все бросить въ огонь“. Тотчасъ по уходѣ Штамбке, Екатерина написала извѣстную записочку Пуговишникову: „Вамъ нечего опасаться; успѣли все сжечь“. Только теперь отлегло отъ сердца Екатерины; только теперь могла она стать спокойнѣе.

Спокойнѣе, но не спокойна. Она знала, что Штамбке и графъ Понятовскій ведутъ тайную переписку съ арестантомъ Бестужевымъ—маленькій трубачъ, егерь Бестужева, кладетъ письма въ кирпичи строющагося вблизи дома; она сама, при помощи преданнаго ей Шкурина, завязала сношенія съ Бернарди, находившимся подъ присмотромъ гвардейскаго сержанта Колышкина. Ну что̀ если эта переписка откроется, если эти сношенія узнаются?

27-го февраля былъ обнародованъ манифестъ [2]) о лишеніи канцлера Бестужева всѣхъ чиновъ и достоинствъ. Императрица объявила, что „съ крайнимъ насиліемъ Нашей натуральной къ милосердію и великодушію склонности“ должна была арестовать Бестужева за „преступленія въ оскорбленіи величества“ и предать его суду „чрезъ нарочно учрежденную при Дворѣ Нашемъ Коммиссію“.

Въ тотъ же день, 27-го февраля, въ пятницу, на масляной недѣлѣ, тайная переписка съ арестованнымъ Бестужевымъ была перехвачена. Послѣднее письмо Штамбке къ Бестужеву, какъ и Бестужева къ нему, не дошли по назначенію—они были представлены въ

---

[1]) Что̀ это за прелести? Нашли ли вы больше преступленій, чѣмъ преступниковъ, или у васъ больше преступниковъ, чѣмъ преступленій? Mémoires, 313.

[2]) П. С. З. № 10802.

слѣдственную коммиссію. Въ субботу, 28-го февраля, Штамбке былъ позванъ къ допросу. Ему, какъ иностранному министру, была вручена официальная записка объ арестованіи бывшаго канцлера Бестужева-Рюмина; изъ этой записки онъ „всемерно усмотрелъ“ виновность Бестужева въ оскорбленіи величества и, тѣмъ не менѣе, завелъ съ нимъ переписку! Его спрашивали: „Неизвѣстно ли ему что по аресте такого бывшаго министра не позволено и весьма наказанія достойно имѣть съ нимъ переписку или сношеніе?“ Штамбке отвѣчалъ: „Ежели сія переписка или сношеніе не содержитъ въ себѣ никакого умысла противу государства и не имѣетъ никакого общества съ объявленнымъ преступленіемъ, то онъ думаетъ, что за безгрешное почитаема быть можетъ“. Штамбке при этомъ заявилъ, съ готовностію „въ потребномъ случаѣ присягою утвердить“, что всѣ записки, полученныя имъ отъ арестованнаго Бестужева, онъ сжегъ. При допросѣ Штамбке присутствовалъ великій князь, какъ герцогъ Шлезвигъ-Голштинскій, и подписалъ протоколъ [1]).

Въ это же время, „въ послѣдніе дни масляницы“, довольно ничтожный случай далъ поводъ Екатеринѣ выяснить свое положеніе, дѣйствительно, крайне тяжелое. Ея друзья признаны государственными преступниками, люди близкіе арестованы, преданные — вызываются къ допросу, великій князь, ея супругъ, отворачивается отъ нея, никто не говоритъ, всякій избѣгаетъ встрѣчаться съ нею. Положеніе невыносимое; необходимо выйдти изъ него, и Екатерина воспользовалась первымъ же представившимся случаемъ, повторяемъ, довольно ничтожнымъ—въ ея положеніи всякій случай былъ пригоденъ.

На придворномъ театрѣ назначена русская комедія, и графъ Понятовскій проситъ Екатерину быть на представленіи. Великій князь не любитъ русской комедіи и не желаетъ, чтобъ великая княгиня ѣхала въ театръ — если она поѣдетъ, съ нею поѣдутъ фрейлины и, въ числѣ ихъ, графиня Елизавета Романовна Воронцова, съ которою онъ такъ любитъ играть въ карты по вечерамъ. Екатерина не обращаетъ вниманія на карточную игру подобнаго рода, но въ этотъ вечеръ не было выбора: она дала слово графу Понятовскому быть въ театрѣ, и она будетъ. Великая княгиня послала сказать своему оберъ-гофмейстеру графу А. Шувалову, чтобъ онъ приказалъ приготовить для нея экипажи. Когда уже пришло время отправляться въ театръ,

---

[1]) Прилож. III.

является графъ Шуваловъ и говоритъ, что „великій князь запретилъ давать ей экипажи“. Это ее взорвало, и она сказала графу Шувалову, что если ей не дадутъ экипажа, она пойдетъ пѣшкомъ; если дамамъ запретятъ сопровождать ее—пойдетъ одна, но напишетъ императрицѣ и будетъ жаловаться ея величеству на великаго князя и на него, на графа Шувалова.

„Что же вы напишите ея величеству?“

„Напишу, какъ обращаются здѣсь со мною; напишу, что, въ угоду великому князю, вы устраиваете ему свиданія съ моими фрейлинами, и вмѣстѣ съ ними не пускаете меня въ театръ, гдѣ я могла бы имѣть счастіе видѣть ея императорское величество. Мало того: я попрошу императрицу отправить меня къ моей матушкѣ—мнѣ надоѣла и опротивѣла роль, которую я играю, оставленная всѣми, одна въ своей комнатѣ, ненавидимая великимъ княземъ и нелюбимая императрицею. Я ничего не желаю, кромѣ спокойствія и не хочу болѣе никому быть въ тягость, не хочу дѣлать несчастными моихъ приближенныхъ, особенно же моихъ бѣдныхъ людей, которыхъ столько уже сослано за то, что я любила ихъ или дѣлала имъ добро. Знайте же, что я сейчасъ напишу ея императорскому величеству и мы посмотримъ какъ-то вы посмѣете не отнести императрицѣ мое письмо“.

Шуваловъ испугался рѣшительнаго тона этой рѣчи, заморгалъ глазами, „какъ это онъ всегда дѣлалъ, когда что-нибудь волновало его“, и ушелъ. Екатерина сѣла писать императрицѣ и написала письмо по русски, „въ самыхъ трогательныхъ выраженіяхъ, какъ умѣла“. Она начала письмо благодарностью императрицѣ за всѣ милости и благодѣянія, оказанныя ей со дня пріѣзда въ Россію. „По несчастью“, продолжала она,—„оказалось, что я не заслужила этихъ милостей, потому что навлекла на себя только ненависть великаго князя и явную немилость ея императорскаго величества. Видя свое несчастіе и оставаясь одна въ своей комнатѣ, гдѣ меня лишаютъ самыхъ невинныхъ развлеченій, я настоятельно просила ее прекратить мои невзгоды, отправивъ меня къ моимъ родителямъ, подъ тѣмъ предлогомъ, какой она признаетъ болѣе приличнымъ. Что же до дѣтей моихъ, то хотя я живу съ ними подъ одною кровлею, но вовсе не вижу ихъ, и поэтому мнѣ все равно, быть ли въ томъ же мѣстѣ, гдѣ и они, или въ нѣсколькихъ сотняхъ верстъ отъ нихъ; я знаю что ея величество печется о нихъ несравненно болѣе, нежели сколько позволяли бы мнѣ мои слабыя способности. Дерзаю просить о продолженіи этихъ попеченій и, убѣжденная въ этомъ, проведу остатокъ дней у своихъ родныхъ, моля Бога

за ея величество, за великаго князя, за моихъ дѣтей и за всѣхъ, сдѣлавшихъ мнѣ добро или зло. Состояніе моего здоровья доведено горемъ до того, что я должна сдѣлать все, что̀ могу лишь бы по крайней мѣрѣ спасти свою жизнь, и въ этихъ-то видахъ я обращаюсь къ ней съ просьбою разрѣшить мнѣ отравиться на воды и оттуда къ своимъ роднымъ".

Великая княгиня запечатала письмо, отдала графу Шувалову и отправилась таки въ театръ. Императрицы въ театрѣ не было—„думаю, ей помѣшало письмо мое" [1]), прибавляетъ Екатерина. По возвращеніи великой княгини изъ театра, къ ней явился графъ Шуваловъ и объявилъ, что онъ отдалъ императрицѣ письмо и что ея величество, прочтя его, изволила сказать, что „сама будетъ говорить съ великою княгиней".

Долго ждала Екатерина обѣщаннаго „разговора". Враги ея надѣялись найдти матеріалъ для разговора въ бумагахъ или показаніяхъ Бестужева. Если у Апраксина нашлись письма великой княгини, какъ не быть имъ у Бестужева? Въ перехваченномъ письмѣ Бестужева къ великой княгинѣ онъ совѣтуетъ ей „поступать смѣло и бодро, съ твердостію", присовокупляя, что „подозреніями ничего доказать не можно"—было, значитъ, что-то, но уничтожены его слѣды и остались одни подозрѣнія. Шесть недѣль великаго поста ушли на розыски и допросы. Всѣ вопросные пункты Бестужеву упоминаютъ такъ или иначе о великой княгинѣ; большинство же касается ея переписки. Вопросы составлялись секретаремъ конференціи умнымъ Волковымъ; но Бестужевъ оказался умнѣе Волкова. Зная объ отношеніяхъ великой княгини къ графу Понятовскому, Волковъ, на допросѣ 30-го марта, ставилъ Бестужеву такой вопросъ: „Теперь ея императорскому величеству нечаянно но вдругъ и точно извѣстно стало, что Понятовской не для дѣлъ короля Польскаго и не по ея величества благоизобретению, но единственно твоимъ происком здѣсь по отзыве уже паки оставленъ, и потому имѣешь ты объявить для чего ты искалъ его здесь удержать". Бестужевъ взялъ вину на себя, но не выдалъ Екатерины, и отвѣчалъ: „Подлинно после получения графомъ Понятовскимъ его отзыва старался онъ чрезъ саксонскаго совѣтника посольства Прасса остановить его, Понятовскаго, здесь, но ни къ графу Брилю, ни къ князю Волконскому о томъ не писалъ, а сие искание производилъ только для того, что видя на себя гонение

[1]) Mémoires, 323—327.

пословъ графа Эстергазия и маркиза Лопиталя желалъ по меньшей мере одного благопріятнаго имѣть себѣ министра, а толь больше графа Понятовскаго, что оный увѣдомлялъ его обовсемъ что услышитъ отъ графа Эстергазия и маркиза Лопиталя. А что онъ искалъ Понятовскаго здесь удержать, по полученіи уже его отзыва и зная, что Ея императорскому величеству присудствие его здѣсь неугодно, въ томъ просить монаршаго помилования, а именно что собственную свою пользу предпочелъ всевысочайшему имянному Ея императорскаго величества соизволению, а больше того отнюдь никакихъ иныхъ видовъ во удержаніи его здѣсь не имелъ“ [1]). Не привели ни къ чему и розыски. Екатерина была на столько осторожна, что сожгла всѣ свои „бумаги и счеты“ [2]). Когда, на третьей недѣли поста, арестовали любимую камеръ-фрау великой княгини, Владиславову, Екатерина съ увѣренностію сказала графу Шувалову, что „отъ Владиславовой рѣшительно ничего нельзя вывѣдать“ и, желая прекратить дальнѣйшіе аресты приближенныхъ къ ней лицъ, прибавила, что „не довѣрялась ни ей, ни кому-либо другому“. 7-го апрѣля разобрали и „остальныя письма бывшаго канцлера“ — въ нихъ ни строчки отъ великой княгини. Такъ и не нашли новыхъ уликъ противъ Екатерины, кромѣ давно уже извѣстныхъ писемъ ея къ Апраксину.

Между тѣмъ великая княгиня настоятельно требовала свиданія съ императрицей; медлить было уже безполезно, и „разговоръ“ состоялся 13-го апрѣля, въ понедѣльникъ, на страстной [3]). Это свиданіе имѣло рѣшительное значеніе для Екатерины. Оно происходило ночью, въ кабинетѣ императрицы, въ присутствіи лицъ наиболѣе близкихъ, и тѣмъ не менѣе подробности этого свиданія вскорѣ стали общеиз-

---

[1]) Прилож. VII.

[2]) Mémoires, 322.

[3]) Въ Запискахъ Екатерины II, вообще не отличающихся хронологическою точностію, не указано время свиданія. Оно опредѣляется довольно точно по указанію англійскаго посланника Кейта. Въ депешѣ отъ *28-го апрѣля* 1758 г. Кейтъ сообщаетъ: „арестованіе любимой камерфрау великой княгини (*Владиславовой*) дало поводъ къ состоявшемуся *четыре дня назадъ* свиданію великой княгини съ императрицею“ (*Raumer*, II, 458). Четыря дня назадъ, то-есть, 24-го апрѣля. Кейтъ, какъ и всѣ иностранные министры, помѣчалъ свои депеши новымъ стилемъ и его 24-го апрѣля составитъ 13-го апрѣля стараго стиля. Въ 1758 г. свѣтлое воскресенье было 19-го апрѣля; слѣдовательно, 13-е апрѣля приходилось на понедѣльникъ страстной. Въ *Сборникѣ Русскаго Историческаго Общества* день свиданія ошибочно показанъ 23-го апрѣля (VII, 74).

вѣстны [1]). Эти подробности произвели на Екатерину сильное впечатлѣніе и она живо представляла ихъ себѣ даже много лѣтъ спустя:

„Въ исходѣ десятаго часа, вечеромъ, я одѣлась, прилегла на кушетку и вздремнула. Около половины второго ночи, графъ Шуваловъ вошелъ въ мою комнату и сказалъ, что императрица желаетъ меня видѣть. Я встала и пошла за нимъ. Въ переднихъ комнатахъ не было ни души. Подходя къ двери, ведущей въ галлерею, я увидѣла, какъ изъ противоположной двери показался великій князь и направился, какъ и я, къ ея императорскому величеству. Придя въ комнату императрицы, я застала уже тамъ великаго князя. Едва увидавъ императрицу, я упала передъ нею на колѣни и сквозь слезы настоятельно просила ее отослать меня къ роднымъ. Императрица хотѣла поднять меня, но я осталась у ея ногъ. Она показалась мнѣ болѣе опечаленною, чѣмъ разгнѣванною.

„Какъ же мнѣ отпустить тебя", сказала она со слезами на глазахъ;—„вспомни, что у тебя есть дѣти".

„Дѣти мои у васъ въ рукахъ и имъ нигдѣ лучше быть не можетъ. Я надѣюсь, что вы ихъ не покинете".

„Но что же я скажу обществу? Какая причина этого удаленія?"

„Ваше величество объявите, если найдете это приличнымъ, причины, по которымъ я навлекла на себя вашу немилость и ненависть великаго князя".

„Чѣмъ же ты будешь жить у своихъ родныхъ?"

„Тѣмъ же, чѣмъ жила прежде, до того какъ вы оказали мнѣ честь взять меня".

„Твоя мать въ бѣгахъ. Она вынуждена была удалиться изъ своего дома и отправилась въ Парижъ".

„Я знаю это. Ее считаютъ слишкомъ преданною русскимъ интересамъ и король Прусскій преслѣдуетъ ее за это".

„Императрица вторично приказала мнѣ встать; я повиновалась. Она задумалась и отошла отъ меня. Мы находились въ длинной комнатѣ о трехъ окнахъ; въ простѣнкахъ стояли столы съ золотыми туалетами императрицы. Въ комнатѣ были только: она, великій князь, графъ А. Шуваловъ и я. Насупротивъ императрицы стояли широкія ширмы, передъ ними кушетка. Я сперва подозрѣвала, что за шир-

---

[1]) *Raumer*, II, 457—459. Депешею Кейта отъ 28-го апрѣля подтверждается достовѣрность разказа объ этомъ свиданіи въ Запискахъ Екатерины. Ср. депешу Прассе отъ того же числа, *Herrmann*, V, 227.

мами навѣрное Иванъ Шуваловъ, а быть можетъ и двоюродный его братъ, графъ Петръ. Послѣ я узнала, что отгадала ровно на половину—за ширмами былъ Иванъ Шуваловъ. Я отошла къ туалетному столу, ближайшему къ дверямъ, въ которыя мы вошли, и замѣтила въ вазѣ свернутыя письма. Императрица снова подошла ко мнѣ и сказала: „Богъ мнѣ свидѣтель, сколько я плакала, когда ты была при смерти больна вскорѣ по пріѣздѣ въ Россію; еслибъ я не любила тебя, то не оставила бы у себя“. Это, по моему, значило оправдываться, что я у нее не въ немилости. Въ отвѣтъ на это я поблагодарила ея величество за всѣ милости и благодѣянія, которыя она оказывала мнѣ тогда и послѣ, прибавивъ, что воспоминаніе о нихъ никогда не изгладится изъ моей памяти и что я всегда буду считать величайшимъ несчастіемъ моей жизни то, что навлекла ея немилость. Затѣмъ императрица еще ближе подошла ко мнѣ.

„Ты чрезмѣрно горда“, сказала она;—„вспомни, какъ однажды, въ лѣтнемъ дворцѣ, я подошла къ тебѣ и спросила, не болитъ ли у тебя шея, потому что ты едва поклонилась мнѣ. Только изъ гордости ты кланяешься мнѣ едва кивнувъ головой“.

„Боже мой, какъ ваше величество могли думать, что я захочу гордиться предъ вами! Клянусь, что никогда не подозрѣвала даже, что вопросъ, сдѣланный вами четыре года назадъ, могъ имѣть подобное значеніе“.

„Ты воображаешь, что нѣтъ на свѣтѣ человѣка умнѣе тебя!“

„Еслибъ я такъ думала о себѣ, то мое настоящее положеніе и самый этотъ разговоръ лучше всего способны вывесть меня изъ заблужденія: я до сихъ поръ, по глупости своей, не понимала того, что вамъ угодно было сказать мнѣ четыре года назадъ“.

„Пока императрица говорила со мною, великій князь шептался съ графомъ Шуваловымъ. Она замѣтила это и подошла къ нимъ. Они стояли почти на серединѣ комнаты; я не могла ясно слышать, о чемъ они говорили — они говорили не громко, а комната была большая. Наконецъ, я услышала, какъ великій князь сказалъ, возвысивъ голосъ: „Она ужасно зла и страшно упряма“. Я поняла, что дѣло идетъ обо мнѣ и, обращаясь къ великому князю, сказала ему: „Если вы говорите обо мнѣ, то я рада случаю сказать вамъ, въ присутствіи ея величества, что я, дѣйствительно, зла на тѣхъ, которые совѣтуютъ вамъ дѣлать несправедливости, и что я стала упряма, видя, что моя угодливость навлекла на меня только вашу непріязнь“. Онъ сказалъ императрицѣ: „Ваше величество сами теперь видите, какъ она

зла, по тому, что она говоритъ". Но на императрицу, которая была гораздо умнѣе великаго князя, мои слова произвели совершенно иное впечатлѣніе. Я видѣла ясно, что, хотя ей присовѣтовали или она сама рѣшилась быть со мною строгою, она смягчалась все болѣе и болѣе по мѣрѣ того, какъ шелъ разговоръ. Затѣмъ императрица перешла къ сношеніямъ Штамбке съ графомъ Бестужевымъ; такъ какъ мое имя не было при этомъ упомянуто, то я молчала. Потомъ императрица подошла ко мнѣ и сказала:

„Ты мѣшаешься во многія дѣла, которыя тебя вовсе не касаются, я не смѣла сдѣлать этого при императрицѣ Аннѣ. Какъ, напримѣръ, осмѣлилась ты посылать приказанія фельдмаршалу Апраксину?"

„Я! Никогда мнѣ и въ голову не приходило посылать ему приказанія!"

„Какъ ты можешь отрицать, что писала ему? Твои письма, тамъ, въ вазѣ (и она пальцемъ указала ихъ). Тебѣ запрещено, вѣдь, писать".

„Правда, я нарушила это запрещеніе, и прошу въ томъ извиненія; но такъ какъ мои письма здѣсь, то эти три письма могутъ доказать Вашему величеству, что я никогда не посылала ему приказаній; въ одномъ письмѣ, я сообщала ему, что говорятъ о его поступкахъ".

„Зачѣмъ же ты писала ему объ этомъ?"

„За тѣмъ, что принимала въ немъ участіе и любила его. Я просила его исполнять ваши приказанія. Въ двухъ остальныхъ письмахъ, я поздравляла его, въ одномъ — съ рожденіемъ сына, въ другомъ—съ новымъ годомъ".

„Бестужевъ говоритъ, что было много другихъ писемъ".

„Если Бестужевъ говоритъ это, онъ лжетъ".

„Хорошо же: такъ какъ онъ лжетъ на тебя, я велю пытать его".

„Она думала этимъ напугать меня. Я отвѣчала ей, что она властна дѣлать все, что найдетъ нужнымъ, но что я все-таки писала Апраксину только эти три письма. Она замолчала и стала что-то соображать".

„Я передаю только наиболѣе выдающіяся черты этого разговора, оставшіяся въ моей памяти; не возможно вспомнить все, что говорилось въ продолженіи полутора часа. Императрица ходила взадъ и впередъ по комнатѣ, обращаясь то ко мнѣ, то къ своему племяннику, чаще же всего къ графу А. Шувалову. Я сказала уже, что замѣтила

въ императрицѣ меньше гнѣва, чѣмъ заботы; великій же князь, въ своихъ замѣчаніяхъ во время этого разговора, проявлялъ много желчи, непріязни и даже ненависти ко мнѣ. Онъ всѣми силами старался раздражить ея величество противъ меня, но такъ какъ всѣ его старанія были крайне тупы и онъ выказывалъ больше горячности, чѣмъ здраваго сужденія, то онъ не достигъ цѣли: императрица, по своему уму и проницательности, брала мою сторону. Съ особеннымъ вниманіемъ и даже съ нѣкоторымъ невольнымъ одобреніемъ выслушивала она мои твердые и спокойные отвѣты на нелѣпыя вспышки моего супруга. Онъ довелъ дѣло до того, что императрица подошла ко мнѣ и сказала въ полголоса: „Мнѣ хотѣлось бы многое еще сказать тебѣ, но я не могу говорить теперь — я вовсе не желаю, чтобъ вы еще болѣе разсорились". Глазами и головой она дала мнѣ понять, что не желаетъ говорить въ присутствіи другихъ. Я отвѣчала ей почти шопотомъ: „Я тоже не могу говорить, хотя мнѣ чрезвычайно хочется открыть вамъ мою душу и мое сердце". Слова эти произвели на нее благопріятное для меня впечатлѣніе. У нея показались даже слезы на глазахъ и чтобъ скрыть, что она была разстрогана, она простилась съ нами, сказавъ, что очень поздно. Въ самомъ дѣлѣ, было около трехъ часовъ ночи. Я ушла къ себѣ и уже раздѣвалась, чтобъ лечь спать, когда вошелъ графъ Шуваловъ и объявилъ, что императрица поручила ему передать мнѣ ея поклонъ и сказать, чтобъ я не огорчалась и что она будетъ имѣть второй разговоръ съ одною мною. Я просила графа Шувалова передать ея величеству мое глубочайшее почтеніе, поблагодарить за ея милости, которыя возвращаютъ мнѣ жизнь, и сказать, что я съ живѣйшимъ нетерпѣніемъ буду ожидать второго разговора съ ея величествомъ" [1]).

Первое свиданіе не внесло успокоенія въ комнаты великой княгини. Екатерина сознавала, что одержала ночную побѣду надъ великимъ княземъ, что императрица приняла ея сторону, но не могла обманывать себя на счетъ результатовъ этой побѣды. Елизавета Петровна давно уже утеряла всякую самостоятельность и находилась подъ посторонними вліяніями; ея волею руководили другіе. Она могла быть вполнѣ искренна, когда говорила, что въ знаменитую ночь 13-го апрѣля убѣдилась, что „великая княгиня очень умна, а великій князь дуракъ", но это убѣжденіе могло не имѣть практическихъ послѣдствій. Прошло лишь нѣсколько дней послѣ ночнаго свиданія и,

[1]) Mémoires, 336—345.

на святой же недѣлѣ, двѣ камерфрау великой княгини были арестованы [1]); оберкамергеръ Брокдорфъ, называвшій Екатерину змѣею и внушавшій великому князю необходимость „роздавить змѣю", опять въ чести, и всесильный теперь вице-канцлеръ графъ Воронцовъ хлопочетъ о пожалованіи ему ордена Бѣлаго Орла [2]); великій князь ждетъ не дождется, когда вышлютъ его супругу за границу, думая жениться на Елизаветѣ Романовнѣ Воронцовой, которая ходитъ уже въ его комнаты и разыгрываетъ тамъ роль хозяйки [3]). Въ допросахъ Бестужеву ставится уже вопросъ о „плапахъ какъ на нынѣшнее, такъ и на будущее время" [4]), о которыхъ бывшій канцлеръ совѣщался съ Штамбке и гр. Понятовскимъ, друзьями великой княгини; Бестужева спрашиваютъ „для чего предпочтительно искалъ милости у великой княгини" и т. п. Очевидно, слѣдователи слышали о проектѣ престолонаслѣдія и силились открыть дѣйствительно государственное преступленіе. Проектъ, правда, сожженъ, но не осталось ли какой-нибудь копіи, какого-нибудь чернового лоскутка бумаги? Тяжело положеніе Екатерины, но она не падаетъ духомъ. „Хотя я въ крайней горести нынѣ", пишетъ она сосланному уже другу своему Елагину,— „но еще надежду имѣю" [5]). На что? Единственно на свою твердость. Увѣренная, что важныя бумаги сожжены, что отъ преступныхъ писаній осталось только „подозрѣніе", Екатерина продолжаетъ разыгрывать роль обиженной, оскорбленной, настоятельно проситъ отпустить ее къ роднымъ, чтобъ въ объятіяхъ матери найдти успокоеніе. Она знаетъ, что ее не отпустятъ, что на такой рѣшительный шагъ неспособны ни императрица, ни ея ближайшіе совѣтники, менѣе же всего всемогущій Иванъ Ивановичъ Шуваловъ. Не даромъ же фаворитъ Шуваловъ увѣрялъ ее, что „все будетъ по ея желанію"; не напрасно же вице-канцлеръ Воронцовъ явился къ ней и отъ имени императрицы просилъ отказаться отъ намѣренія покинуть Россію, которое огорчаетъ „всѣхъ честныхъ людей" [6]).

29-го мая Екатерина написала императрицѣ письмо, прося втораго свиданія. Мотивомъ письма послужилъ опять-таки отъѣздъ изъ Россіи: великая княгиня не можетъ „отселѣ отдалиться не припа-

---

[1]) Депеша Прассе отъ 2-го мая 1758.
[2]) Депеша Прассе отъ 9-го мая 1758.
[3]) Mémoires, 346.
[4]) Прилож. I.
[5]) *Сборникъ Русск. Истор. Общества*, VII, 77.
[6]) *Raumer*, II, 457.

давше къ стопамъ“ ея величества; она была бы счастлива, „еслибъ словесно могла донести до отъѣзда“ свою благодарность императрицѣ [1]). Въ началѣ іюня состоялось это второе свиданіе.

„Я застала императрицу совершенно одну. На этотъ разъ въ комнатѣ не было никакихъ ширмъ, слѣдовательно, мы могли говорить совершенно свободно. Я начала благодарностію за это свиданіе, сказавъ, что одно милостивое обѣщаніе его возвратило меня къ жизни. На это она мнѣ сказала: „Я требую, чтобъ ты сказала мнѣ всю правду, о чемъ я буду тебя спрашивать“. Я отвѣчала ей увѣреніемъ, что она услышитъ отъ меня только сущую правду и что я желаю открыть ей всю мою душу, безъ малѣйшей утайки. Тогда она опять спросила меня, дѣйствительно ли я писала Апраксину только три письма. Я поклялась, что только три, какъ оно въ дѣйствительности и было. Затѣмъ императрица начала разспрашивать подробности объ образѣ жизни великаго князя...“ [2]).

„Свиданія“ (entrevue) великой княгини съ императрицею были, въ сущности, „допросами“, въ которыхъ на первомъ планѣ ставился вопросный пунктъ о перепискѣ Екатерины съ Апраксинымъ. Два раза императрица допрашивала великую княгиню и два раза Екатерина показала, что писала Апраксину только три письма, между тѣмъ какъ изъ допросовъ Апраксина Елизаветѣ Петровнѣ было уже извѣстно, что писемъ было болѣе: Апраксинъ показалъ, что „всѣхъ писемъ отъ великой княгини получилъ шесть“ [3]). Понятно, что императрица была недовольна неискренностью великой княгини; понятно, что ей, женщинѣ больной, надоѣли эти допросы, оставлявшіе въ ней смутное впечатлѣніе не въ пользу молодаго двора, были въ тягость взаимныя пререканія наиболѣе близкихъ ей лицъ, и очень вѣролтно, что она приказала имъ, ради „собственнаго спокойствія“, переѣхать въ Ораніенбаумъ [4]).

Тамъ, въ Ораніенбаумѣ, услышала Екатерина о страшной кончинѣ Апраксина: 6-го августа, во время допроса, въ Четырехъ Рукахъ [5]),

---

[1]) *Сборникъ Русск. Истор. Общества*, VII. 74.

[2]) Этими словами обрываются Записки Екатерины.

[3]) Прилож. XVII.

[4]) Депеша Прассе отъ 13-го іюня 1758 года.

[5]) Вслѣдствіе дней Страстной и Святой недѣли „коммиссія не могла съѣздить къ четыремъ рукамъ“, гдѣ содержался Апраксинъ (Прилож. XII). Въ Запискахъ Нащокина сказано, что Апраксинъ содержался въ путевомъ дворцѣ между Петербургомъ и Царскимъ Селомъ, который назывался Три-Руки (стр. 172).

Апраксинъ палъ мертвый [1]). Въ началѣ 1759 года было закончено слѣдствіе о первыхъ политическихъ письмахъ великой княгини приговоромъ надъ „бывшимъ канцлеромъ“ Бестужевымъ: 5 апрѣля былъ обнародованъ манифестъ о лишеніи всѣхъ чиновъ и достоинствъ канцлера Бестужева-Рюмина и о ссылкѣ его въ собственныя его деревни на житье тамъ подъ карауломъ [2]).

Обвинительный актъ противъ „состарѣвшагося въ мерзкихъ ухищреніяхъ старика“ крайне слабъ и вовсе неубѣдителенъ. Чтеніе манифеста, составленнаго въ общихъ и неясныхъ выраженіяхъ, должно было, конечно, произвесть довольно сильное впечатлѣніе на всѣхъ русскихъ людей, кромѣ одного только лица въ Петербургѣ, кромѣ Екатерины. Она хорошо понимала, что судьи Бестужева обвиняли его въ властолюбіи для того только, чтобъ захватить власть въ свои руки; она хорошо знала нелѣпость обвиненія его въ томъ, что онъ „злостнѣйшими внушеніями старался умалить въ ихъ высочествахъ должную къ намъ любовь и почитаніе“; но Екатерина не могла читать безъ улыбки слѣдующія строки манифеста: „между взятыми его письмами найдены проекты, писанные собственною его рукою и содержащіе въ себѣ такіе дальновидные замыслы и расположенія, которыми онъ явно показываетъ свое недоброхотство къ нашей особѣ и къ нашему здоровью“.

Для всѣхъ современниковъ, кромѣ Екатерины, какъ и для потомковъ эти строки сами по себѣ были и остаются непонятными [3]). Чтобъ уразумѣть смыслъ этого обвиненія, необходимо обратить вниманіе какъ и при какихъ условіяхъ составлялся манифестъ, нужно познакомиться съ исторіей самаго текста.

Слѣдствіе о письмахъ великой княгини затянулось. Елизаветѣ Петровнѣ надоѣли даже допросы Апраксина, длившіеся около девяти мѣсяцевъ, Бестужевъ же находился подъ арестомъ уже болѣе года, около 14-ти мѣсяцевъ. Допросы не дали матеріала для серьезнаго

---

[1]) Нащокинъ сообщаетъ, что Апраксинъ умеръ „параличною болѣзнью“; Д. П. Языковъ, издатель Записокъ Нащокина, приводитъ по этому поводу слухъ, будто Апраксина поразилъ ударъ, вслѣдствіе не дослушанной имъ до конца фразы слѣдователя: „затѣмъ намъ ничего болѣе не остается, какъ....“, тутъ Апраксинъ упалъ, боясь услышать „пытать тебя“, между тѣмъ какъ фраза должна была кончаться словами: „освободить васъ“ (стр. 336). Этотъ разказъ не заслуживаетъ довѣрія; мы видѣли, что Елизавета Петровна угрожала пыткой даже Бестужеву.

[2]) П. С. З., № 10940.

[3]) Приведя эти строки, Костомаровъ прибавилъ: „Мы не понимаемъ, о чемъ собственно здѣсь говорится“. *Вѣстникъ Европы*, 1887, февраль, стр. 541.

обвиненія; перерыли бумаги Бестужева — ничего не нашли; пересмотрѣли еще разъ—нашли письмо княгини Елизаветы Цербстской [1]), матери Екатерины, но совершенно невинное. Послѣ долгаго перерыва, уже 2-го января 1759 года, вновь позвали Бестужева къ допросу, спросили о золотой табакеркѣ съ портретомъ великой княгини; Бестужевъ отвѣчалъ, что „ту табакирку пожаловала ему до аресту ево за нѣсколько мѣсяцевъ во дворце на куртаге великая княгиня“ [2]). И этотъ допросъ окончился ничѣмъ. Больше уже не о чемъ и спрашивать. Главное, конечно, сдѣлано: Бестужевъ свергнутъ, Бестужевъ подъ судомъ. Но пора же такъ или иначе кончить; пора объявить, за что онъ свергнутъ, за что подъ судомъ. Необходимо составить манифестъ съ объявленіемъ всѣхъ „винъ“ Бестужева. Начали писать проектъ манифеста. По счастію, въ бумагахъ государственнаго архива сохранился черновой проектъ манифеста [3]); онъ долженъ дать намъ разъясненіе непонятныхъ строкъ о собственноручныхъ проектахъ Бестужева, свидѣтельствующихъ о его „недоброхотствѣ къ особѣ и здоровью“ императрицы.

Вскорѣ послѣ арестованія Бестужева, 17-го апрѣля 1758 года, графъ А. Шуваловъ объявилъ слѣдственной коммиссіи, что „ея императорское величество указала подать ея величеству какъ наискоряе сентенцию комисіи по найденнымъ до нынѣ винамъ бывшаго канцлера Бестужева“. Коммиссія представила всеподданнѣйшій докладъ. Этотъ-то докладъ и былъ положенъ въ основу проекта манифеста; составитель манифеста строго придержался доклада, поданнаго годъ назадъ, такъ какъ послѣ составленія доклада не было открыто никакихъ новыхъ обвиненій. Докладъ составляли враги Бестужева, члены слѣдственной коммиссіи, и, тѣмъ не менѣе, онъ начинается чрезвычайно важнымъ въ данномъ случаѣ заявленіемъ: „Нижеподписавшіеся старались всегда сколько можно различать и уважать пунктъ касающійся до вседражайшаго здравія и благополучнаго государствованія вашего императорскаго величества, отъ пункта всѣхъ прочихъ его преступленій. Что до перваго принадлежитъ, то нижеподписавшіяся по ихъ должности, присягѣ и рабской вѣрности дерзаютъ удостовѣрить ваше императорское величество, что никакихъ признаковъ нетъ, дабы онъ умышлялъ что-либо противу вседражайшаго здравія или благополуч-

---

[1]) Прилож. X.
[2]) Прилож. XVIII.
[3]) Прилож. XIX.

наго государствованія вашего императорскаго величества“ [1]). Въ виду такого рѣшительнаго заявленія, въ первоначальномъ проектѣ манифеста вовсе не было вышеприведенныхъ „непонятныхъ“ строкъ. Проектъ перечислялъ „вины“ Бестужева, упомянутыя въ докладѣ — властолюбіе, присвоеніе монаршескихъ регалій, неисполненіе высочайшихъ повелѣній, соправительство и обношеніе малаго двора — и оканчивался словами: „Протчія весма тяжкія его преступленія подробно изображать, было бы и весма пространно и тѣмъ паче излишно, что мы гнѣвъ нашъ и достойное ему наказаніе размѣряемъ не по онымъ, но по нашему великодушію и милосердію“.

При окончательной редакціи манифеста, въ этомъ проектѣ было сдѣлано существенное измѣненіе: пунктъ о монаршескихъ регаліяхъ [2]) былъ вычеркнутъ—„постороннихъ лицъ“ не было уже въ Петербургѣ, они высланы за границу, и признавалось неудобнымъ даже намекать на графа Понятовскаго. Безъ этого пункта, „вины“ Бестужева оказывались слишкомъ ужъ слабыми; требовалось усилить обвиненіе. Чѣмъ же? По слухамъ, судьи знали, что Бестужевъ занимался какими то проектами; догадывались, что эти проекты были въ связи съ состояніемъ здоровья императрицы и, не имѣя никакихъ положительныхъ указаній, рѣшились привести „недоброхотство къ здравію“, но въ выраженіяхъ общихъ, осторожныхъ на столько, что вторично упомянутое слово проекты было въ окончательной редакціи замѣнено выраженіемъ вредительные умыслы. И на эту редакцію рѣшились не сразу: передъ „недоброхотствомъ къ здравію“ въ проектѣ зачеркнута строка, въ которой „дальновидныя замыслы и расположенія“ отнесены не къ здравію императрицы, а къ „вѣрнымъ подданнымъ“. Только такимъ, совершенно произвольнымъ обвиненіемъ, вовсе не основаннымъ на какомъ-либо фактѣ, объясняется и самый приговоръ: не смотря на „собственноручные проекты“, явствующіе его „недоброхотство къ нашей особѣ и нашему здоровью“, Бестужевъ высылался только на житье въ свои деревни. Такая несообразная слабость приговора относительно тяжести обвиненія бросалась въ глаза, и составитель манифеста, желая ослабить рѣзкость впечатлѣнія, проектировалъ такое окончаніе: „однимъ словомъ сколь безпри-

[1]) Прилож. XV.

[2]) Бестужевъ изобличенъ „что къ отправленію такихъ дѣлъ, которыя составляютъ существительную часть монаршескихъ регалій употреблялъ людей совсѣмъ постороннихъ и такихъ, кои ни къ какимъ другимъ дѣламъ допущены быть не имѣли“.

мѣрно его злодѣяніе, столь рѣдко и подобное сему великодушіе", которое не вошло, однако, въ окончательную редакцію. Для лицъ, не посвященныхъ въ пріемы составленія манифеста, фраза о собственноручныхъ проектахъ, вставленная вопреки категорическому заявленію самихъ судей, единственно съ цѣлью объяснить, если не оправдать опалу, которой подвергся Бестужевъ, была и остается непонятною. Это была фраза, и ничего болѣе. Не только въ Петербургѣ, во всей Россіи одна Екатерина знала цѣну этой фразы и могла только улыбаться, читая въ этихъ строкахъ безсильную злобу враговъ Бестужева.

Манифестъ подѣйствовалъ на Екатерину успокоительнымъ образомъ: этимъ манифестомъ 5-го апрѣля 1759 г. заканчивалось такъ или иначе дѣло о ея первыхъ политическихъ письмахъ. Эти письма принесли ей много непріятностей и огорченій; изъ-за этихъ писемъ она пережила много тревожныхъ минутъ въ послѣдніе полтора года. Изъ всѣхъ лицъ, прикосновенныхъ къ дѣлу объ этихъ письмахъ, одна только Екатерина осталась въ Петербургѣ: Апраксинъ умеръ, остальные высланы: Бестужевъ—въ Горетово, Бернарди—въ Казань, Штамбке и графъ Поплтовскій—за границу, Елагинъ—въ Казанскую деревню, Ададуровъ—въ Оренбургъ. Только Веймарнъ и Измайловъ ушли безъ ущерба отъ допросовъ. Судьба Владиславовой и двухъ другихъ камеръ-фрау Екатерины не извѣстна.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Вопросы бывшему канцлеру Бестужеву, учиненные 27-го февраля 1758 года.

Ея императорское величество твоими вчерась учиненными ответами и малою въ нихъ искренностію такъ недовольна, что повелѣваетъ еще да и впослѣдніи спросить о слѣдующемъ, съ такимъ точнымъ и знаемымъ объявленіемъ, что ежели малейшая скрытность, а не прямое совѣсти и долгу очищеніе окажется, то тотчасъ повелитъ въ крепость взять и поступать какъ съ крайнимъ злодѣемъ.

1-е во вчерашнемъ ответе на первое твое собственноручное письмо показалъ ты что оное писано было къ великой княгинѣ, и товарищемъ разумѣешь ты великаго князя, внушеніи же дѣлать отъ нихъ или ихъ именемъ совѣтовалъ или разумѣлъ конференцъ-секретарю Волкову, но какъ ты въ то же время клятвою утверждалъ, что не вѣдаешь дабы помянутой Волковъ имѣлъ у ихъ высочествъ какой доступъ или канексію да и сверхъ того нескладно, чтобъ ихъ высочества употреблены были тобою къ такимъ подлымъ внушеніямъ, то Ея императорское величество никакой вѣры сему объявленію подавать не можетъ, но повелеваетъ, чтобъ ты объявилъ о семъ пункте сущую и прямую истинну.

2-е никакъ статся не можетъ, чтобъ ты наугадъ авертировалъ Бернардія остерегъ, дабы онъ въ переноске писемъ повинился, ибо сверхъ того что въ письме твоемъ точно написано, а что онъ заперся то учинилъ отъ страху, по меньшей мѣрѣ видно, что ты вѣдалъ о его аресте, и потому имѣешь точно объявить, откуда и кемъ ты о томъ увѣдомленъ былъ.

3-е въ томъ же первомъ твоемъ письме совѣтуешь ты великой княгинѣ поступать смѣло и бодро съ твердостію, присовокупляя, что подозреніями ничего доказать не можно. Нельзя тебѣ не признаться, что сіи послѣдніи слова особливо весма много значатъ и великой важности суть, и такъ чистосердечное оныхъ объясненіе паче всего потребно.

4-е что ты второе письмо показалъ, якобы не знаешь чрезъ кого отъ Апраксина ответъ съ поздравленіемъ былъ, то обличаетъ самое содержаніе помянутаго письма, ибо ежели бы ты о томъ не вѣдалъ, не было бы нужды великую княгиню и авертировать какимъ образомъ ты о томъ на прежде учиненной тебѣ вопросъ ответствовалъ, великая княгиня знала бы и сама, что

ты о всемъ томъ ничего не знаешь, и потому всѣ обстоятельства сего отвѣта конечно ты объявить долженъ.

5-е о частыхъ и необычайныхъ конференціяхъ съ Штамбкеномъ и Попятовскимъ.

6-е для чего предпочтительно искалъ милости у великой княгини, а не такъ много у великаго князя и скрылъ отъ ея імператорскаго величества такую кореспонденцію, о которой по должности и вѣрности донести надлежало.

7-е сверхъ того что извѣстнымъ образомъ Штамбкенъ и Понятовской были въ непрестанныхъ и необычайныхъ конференціяхъ, всемерно надобно, чтобъ и больше въ томъ участниковъ и конфидентовъ было, и потому имѣешъ безъ утайки объявить всѣхъ оныхъ, а притомъ и то не скрыть, что понеже все сіе безъ всякаго намеренія дѣлано быть не могло, то спрашивается, не было ли соглашаемо и постановлено какого плана, какъ на нынѣшнее, такъ и будущее время.

8-е всѣ-ли целы письма прошлыхъ 1746 и 1747 годовъ, которыя Пуговишниковымъ изъ комнаты Ея імператорскаго величества забираемы были.

9-е Ея імператорскому величеству точно извѣстно, что когда случалось Ея величеству разговаривать съ послами, то онъ всегда великаго князя ободрялъ или научалъ туда же подходить, дабы такимъ разговоромъ мешать или остановлять оныя. І потому желаетъ Ея імператорское величество точно о томъ вѣдать, какое онъ имѣлъ въ томъ намереніе или побужденіе.

II.

1758 году февраля 27-го дня бывшей канцлеръ Бестужевъ на учиненныя вопросныя пункты отвѣствовалъ:

На 1-й подтвердилъ, что подлинно онъ въ письме своемъ къ великой княгинѣ разумѣлъ такъ, дабы имянемъ ихъ высочествъ внушено было чрезъ третьяго Волкову, дабы онъ ему помогалъ, такъ какъ онъ канцлеръ ему Волкову въ нещастіи его помогалъ, а сіе присовѣтованіе здѣлалъ для того, что Волковъ будучи при конференціи (и докладывая по дѣламъ) онъ думалъ, что можетъ что либо въ пользу представить.

2-е что о Бернардіи онъ не знаетъ и ни отъ кого не слыхалъ дабы онъ арестованъ былъ или въ переноске писемъ запирался, но объявя самъ графу Александру Ивановичу въ первомъ допросе, что Бернардій письма кому переносилъ, натурально думать могъ, что Бернардія спрашивать будутъ, и потому остерегалъ дабы онъ не запирался, а буде то и здѣлалъ, то однакожь бы сказалъ, что то отъ страху.

3-е великой княгинѣ поступать смѣло и бодро съ твердостію совѣтовалъ только для того, что письма ея къ фельдмаршалу Апраксину ничего предосудительнаго въ себѣ не содержали.

4-е неотменно въ томъ утверждается, что не знаетъ чрезъ кого отвѣтъ съ поздравленіемъ присланъ былъ и что оной въ себѣ содержалъ, а можетъ о томъ луче показать фельдмаршалъ Апраксинъ (и такъ не сопзволено ли будетъ его о томъ спросить).

5-е частыхъ, необычайныхъ и нощныхъ конференцій ни съ Штамбкеномъ ни съ Понятовскимъ никогда не імѣлъ, и не только съ ними двумя вмѣсте но и ни съ однимъ изъ нихъ запершись не сиживалъ, а хотя они часто у него и бывали, но свидѣтельствуется, подвергаясь напятчайшему наказанію и изтязанію, что съ ними двумя ни въ кабинете и ни въ какой дома своего каморѣ и ниже въ иномъ мѣсте самъ третей никогда не сиживалъ, да и сверхъ того буде кто изъ нихъ когда и бывали порознь, то никогда позже восьми часовъ не сиживали и то разве замешкавшись за игрою или інако. Впротчемъ окроме обыкновенныхъ дѣлъ ни о чемъ не разговаривали, кроме того, что онъ будучи отъ графа Бриля остереженъ, что маркизъ Лопиталь секретную інструкцію имѣетъ трудиться о его низверженіи, старался чрезъ Понятовскаго

и саксонской дворъ подать лутчія о себѣ мнѣніи венскому и французскому дворамъ и темъ отъ ихъ гоненій избавиться.

6-е у великой княгини онъ милости напредъ сего не искалъ паче старался съ веденія Ея императорскаго величества открывать Ея письма и переписки, ибо тогда великая княгиня была совсемъ предана королю прускому, Швеціи и Франціи по тогдашней системѣ. Но какъ съ годъ тому времяни или полтора переменила Ея высочество совсемъ свои мнѣніи и возненавидела короля прускаго и шведовъ, кроме токмо что короля дядю своего весьма любитъ, то канцлеръ старался не токмо утвердить въ томъ Ея высочество, но и побуждать, дабы она великаго князя на такія же съ Ея императорскимъ величествомъ согласныя мнѣніи привела, ибо хотя великая княгиня отъ преданности своей королю прускому и отстала, однакожь великой князь непременно ему преданъ остался, о чемъ великая княгиня и трудилася, но только ему сказывала, что труды Ея разрушаются, присовокупляя этому немецкую пословицу: was ich baue, das reissen die andere nieder—что я строю, то другія разламываютъ, и упоминая, что то дѣлаютъ наипаче полковникъ Броунъ природной прусакъ, оберъ-камергеръ Брокдорфъ и другія около великаго князя находящіяся офицеры, о чемъ онъ канцлеръ и Ея императорскому величеству доносилъ въ то время, но токмо о томъ не упоминалъ, что онъ всѣ сіи обстоятельства отъ самой великой княгини вѣдаетъ.

7-е что ни съ Штамбкеномъ ниже съ Понятовскимъ и ни другими какими конфидентами, коихъ у него и небыло, несоглашалъ и недумывалъ ни о какомъ плане ни на нынѣшнее время ниже будущее, да и возможно-ли о томъ думать, ибо наслѣдство уже присягами всего государства утверждено, а ежели бы де помышлять о принцахъ Бевернскихъ, но напротиву того онъ дѣйствительно помышлялъ и уже началъ было своею рукою сочинять планъ, дабы ихъ изъ государства такимъ образомъ выслать, что они во омерзеніи и крайней ненависти у онаго будутъ, и сей проектъ найдется въ письмахъ его кабинета.

8-е сколько забираемыхъ Шуповниковымъ изъ комнаты Ея императорскаго величества писемъ есть, тѣ всѣ частію въ запечатанномъ шкафу, частію же внизу въ канцеляріи лежатъ.

9-е чтобъ онъ великаго князя научалъ мешать или препятствовать разговорамъ Ея императорскаго величества съ послами, то онъ Богомъ свидѣтельствуется, что онъ того никогда не думывалъ, а паіменьше какое злое намереніе въ томъ имѣлъ, но статься можетъ, чего однако же онъ не памятуетъ, что какъ іногда великой князь удалялся, то онъ ему показывалъ, что такое удаленіе неприлично, а особливо, что великой князь вступая иногда темъ временемъ въ разговоры съ малыми людьми, оными совсемъ заслонивался.

III.

Переводъ.

Пункты	Отвѣты
на которыя тайной совѣтникъ и кавалеръ баронъ Штамбке допрашивается и на которыя онъ сходно съ істинною наикратчайшіе и такъ отвѣтствовать имѣетъ, какъ бы о томъ имъ особливая присяга учинена была.	
1-е. Не дана-ли ему барону Штамбке равно какъ и протчимъ іностраннымъ министрамъ записка объ арестованіи бывшаго канцлера Бестужева-Рюмина?	На 1-е—дана.
2-е. Неусмотрелъ-ли онъ изъ той записки, что бывшей канцлеръ Бестужевъ-Рюминъ обвиненъ, что поступками его величество оскорблено?	На 2-е—всемерно усмотрелъ.
3-е. Не извѣсто-ли ему что по аресте такого бывшаго министра не позволено и весьма наказанія достойно имѣть съ нимъ какую переписку или сношеніе?	На 3-е. Ежели сія переписка или сношеніе не содержитъ въ себѣ никакого умысла противу государства и не имѣетъ никакого общества съ объявленнымъ преступленіемъ, то онъ думаетъ, что за безгрешное почитаема быть можетъ.
4-е. По аресте бывшаго канцлера Бестужева-Рюмина имѣлъ-ли онъ съ нимъ какую переписку?	На 4-е—имѣлъ.
5-е. Послѣ того ареста, писалъ-ли онъ къ нему и получилъ-ли отвѣтъ?	На 5-е—и то и другое.
6-е. Гдѣ сей отвѣтъ?	На 6-е—созженъ.
7-е. Послѣ ареста не посылалъ-ли къ нему чужихъ писемъ подъ своимъ ковертомъ?	На 7-е—непосылалъ.

8-е. Сколько оныхъ было?

На 8-е—выше уже показано, что не было.

9-е. Не отъ іностраннаго-ли министра тѣ письма ему доставляемы были для пересылки къ бывшему канцлеру подъ его кувертомъ?

На 9-е—нетъ, подъ его кувертомъ никакихъ писемъ не было.

10-е. Кто таковъ сей министръ?

На 10-е—на сіе отвѣтствовать не можетъ, ибо никакихъ писемъ подъ своимъ кувертомъ туда не посылывалъ.

11-е. Не получалъ-ли на то къ нему и отвѣта?

На 11-е и 12-е—можетъ быть его служитель оныя получалъ и доставлялъ далее.

12-е. Отвѣты на чужія письма были-ли отъ него доставляемы далее?

13-е. Къ кому сіи отвѣты писаны были?

На 13-е—не знаетъ.

14-е. Неизвѣстно-ли ему содержаніе тѣхъ отвѣтовъ?

На 14-е — нетъ, ибо онъ совсѣмъ ничего о томъ не знаетъ.

15-е. Въ чемъ оное состояло?

На 15-е—подтверждаетъ сказанное.

16-е. Кого онъ къ переноскѣ писемъ употреблялъ?

На 16-е—того своего служителя, который арестованъ.

17-е. Не больше-ли какъ одного онъ къ тому употреблялъ?

На 17-е—нетъ.

18-е. Какъ того служителя зовутъ?

На 18-е—о томъ уже выше показалъ.

19-е. Не имѣетъ-ли онъ въ своихъ рукахъ писемъ бывшаго канцлера?

На 19-е—не имѣетъ.

20-е. Не знаетъ-ли что у кого изъ іностранныхъ министровъ оныя есть?

На 20-е—не знаетъ и ни малѣйшаго ему о томъ неизвѣстно.

21-е. Не имѣлъ-ли хотя предъ симъ отъ него писемъ въ сохраненіи?

На 21-е—нетъ.

22-е. Можетъ-ли онъ въ потребномъ случае присягою утвердить, что никакихъ писемъ въ рукахъ не имѣлъ, ниже истребилъ оныя, и ниже вѣдаетъ гдѣ бы оныя найтиться могли, или у кого въ сохраненіи были?

На 22-е—конечно присягою утвердить можетъ, что ни какихъ у себя въ рукахъ не имѣетъ, но въ томъ признавается, что предъ симъ отъ канцлера нѣсколько билетовъ получилъ, кои зжегъ.

Какъ Его імператорское высочество великой князь всероссійской и владеющей герцогъ шлезвигъ голштинской соизволилъ самъ въ присудствіи своего оберъкамергера генералъ маіора и кавалера Брокдорфа тайнаго совѣтника барона Штамбкена на вышеписанныя пункты въ своемъ кабинете допросить и оныя съ учиненными на нихъ отвѣтами еще прочитать велеть, и помянутой тайной совѣтникъ оныя повтореніемъ подтвердилъ; а притомъ въ сохраненіи секрета присягою обязался; то ему домовой арестъ объявленъ и тѣмъ допросъ окончанъ.

Учинено въ С.-Петербурге февраля 28 дня 1758 году.

Петръ
великой князь.

І. І. Цейсъ.

IV.

Допросы бывшему канцлеру Бестужеву.

При послѣднихъ а имянно въ 27 день минувшаго февраля тебѣ учиненныхъ вопросахъ уже объявлено было, что Ея императорское величество твоими наканунѣ того учиненными отвѣтами и малою въ нихъ искренностію такъ недовольна, что повелеваетъ еще, да и въ послѣднія спросить съ такимъ точнымъ и знаемымъ объявленіемъ, что ежели малейшая скрытность а не прямое совѣсти и долгу очищеніе окажется, то тотчасъ повелитъ въ крепость взять и поступать какъ съ крайнимъ злодѣемъ, но какъ и на то твои отвѣты подвигли токмо Ея императорское величество къ новому гнѣву, то повелела Ея величество вышеписанное тебѣ вновь повторить, а затемъ спрашивать [1]).

1-е. Въ третьемъ пункте твоего отвѣта показалъ ты, якобы великой княгинѣ поступать смело и бодро—съ твердостію совѣтовалъ только для того, что письма ея къ фельдмаршалу Апраксину ничего предосудительнаго въ себѣ не содержали. Но понеже къ тому присовокупилъ точныя слова, что подозреніями ничего доказать не можно, то изъ сего ясно, что ты надежду свою только въ томъ полагаешь, якобы прямыхъ доказательствъ не будетъ, а впротчемъ уже признаваешся, что къ подозреніямъ много притчины подано, и такъ імѣешь ты точно объявить, чего подозреніями доказать не можно, такоже и то противу кого совѣтуешь ты поступать смело и бодро съ твердостію?

2 е. Не имѣешь ты нужды ссылаться, что фельдмаршалъ Апраксинъ можетъ самъ показать, чрезъ кого посланъ былъ отвѣтъ съ поздравленіемъ и каково содержаніе онаго. То извѣстно и безъ тебя; но какъ письмо твое къ великой княгинѣ явно обличаетъ, что ты о содержаніи онаго вѣдалъ и для того только великую княгиню остерегалъ, дабы она не промолвилась и тебя не изобличила, что ты напрасно таишъ, то молчаніе твое уже непримется инако какъ за умышленное упорство и потому всѣ подробности сего отвѣта объявить имѣешъ.

---

[1]) На полѣ позднѣйшая приписка графа А. П. Бестужева-Рюмина: „Своеручно писанные и сочиненные допросы Дмитріемъ Волковымъ тогдашнимъ секретаремъ конференціи. Прилагается для двухъ въ немъ допросовъ съ примечаніемъ притомъ“.

3-е. Клятва твоя въ пятомъ пункте отвѣтовъ, якобы ни съ Штамбкеномъ ни съ Понятовскимъ неимѣлъ ты никакихъ въ необыкновенное и нощное время конференцій возбуждаетъ паче всего праведной гнѣвъ Ея императорскаго величества, обличаетъ твое упорство и наказанія достойную надѣжду, хитростію коварствомъ и интригами загладить тѣ преступленія, въ коихъ ты уже страдаешь. Ея императорское величество такъ точно и подлинно знаетъ, что Понятовскій и Штамбкенъ были у тебя почти ежедневно и во всякое сутокъ время и сиживали очень долго, что о томъ и не спрашиваетъ, но хощетъ только дабы ты не обинуяся и не пща околичностей до прямаго дѣла не принадлежащихъ прямо объявилъ, въ чемъ сіи конференціи состояли, ибо объ нихъ Ея императорскому величеству такими записками доносимо не было, какъ ты доносилъ всегда о бытности у тебя другихъ министровъ?

4-е. Чрезъ кого ты свѣдалъ, что великая княгиня вдругъ свои мысли перемѣнила и возненавидя короля пруского и шведовъ, любитъ токмо весьма короля своего дядю и что за притчина была такой скоропостижной премѣнѣ?

5-е. Какимъ образомъ открылась тебѣ великая княгиня толь много, что именовала тебѣ всѣхъ тѣхъ, кои развращаютъ великаго князя, когда ты говоришь, что милости Ея никогда не искалъ?

6-е. Что ты началъ сочинять планъ о высылкѣ принцовъ Бевернскихъ, то хотя и предъявляешь ты поводомъ къ тому открытіе шпіона, который будто въ Берлине объ нихъ спрашиванъ былъ, однакоже когда разсматривается, что подобныхъ изъ Берлина вѣдомостей и напредъ сего Ея императорскому величеству много чрезъ тебя приносимо бывало, а ты однакоже о подобномъ плане никогда не помышлялъ, то всемерно надобно, чтобъ теперь совсѣмъ другія побудительныя причины ты къ тому имѣлъ, а особливо что ты началъ сей планъ составлять въ такое время, когда явно усматривалъ недовѣренность къ себѣ и неудовольствіе отъ Ея императорскаго величества, а напротиву того вступилъ въ толь темное соединеніе и согласіе съ великою княгинею. І потому имѣешь показать, чрезъ кого ты къ сему побуждаемъ былъ.

7-е. Что принадлежитъ до конференцъ секретаря Волкова, якобы ты его разумелъ въ письме твоемъ къ великой княгинѣ, то хотя и подлинно онъ продерзостію молодости могъ бы за того почтенъ быть, которому ты помогалъ въ его нещастіи, однакоже чтобъ ты его разумелъ симъ письмомъ, тому Ея императорское величество никакъ поверить не можетъ, ибо вопервыхъ великой княгинѣ того выразуметь нельзя, а другое для тебя же самаго весьма наказанія достойно, чтобъ ты великую княгиню научалъ употребить себя и имя великаго князя къ (толь подлымъ) такимъ внушеніямъ и потому прямо имѣешь показать кого ты симъ письмомъ разумѣлъ?

8-е. Точно извѣстно Ея императорскому величеству, что много куріеровъ отправлено было отсюда тобою къ гетману въ Украину [1]); и потому точно же объявить імѣешь кто были тѣ курперы? сколько ихъ всѣхъ было? съ чемъ и когда посланы?

---

[1]) „Для примечания и извѣстия, что о семъ секрете никому извѣстно быть не могло, кроме Теплова; онъ единственно злася на Елагина і Бестужева тайнымъ доносителемъ былъ“.

9-е. Что кавалерію Бѣлаго орла для Штамбкена выпросилъ ты у короля польскаго о томъ Ея імператорскому величеству точно извѣстно, и такъ спрашивается только по чьему отсюда прошенію ты то дѣлалъ и (чрезъ кого о томъ въ Варшавѣ домогался) для чего?

10-е. Сверхъ тѣхъ писемъ, о которыхъ ты уже винился, что получалъ отъ великой княгини чрезъ Бернардіа, извѣстно Ея імператорскому величеству что еще гораздо больше таковыхъ какъ отъ Ея высочества къ тебѣ, такъ и отъ тебя къ ея высочеству чрезъ того же Бернардія переносимо было. И потому надлежитъ тебѣ показать, въ чемъ точно состояла сія переписка? гдѣ теперь всѣ сіи письма? для чего пересыланы были они не прямымъ каналомъ, но толь непозволительнымъ образомъ? и отъ чего не доносилъ ты о томъ никогда Ея імператорскому величеству? Буде сжегъ, то для чего?

11-е. Его высочеству великому князю говорилъ ты, что ежели его высочество непрестанетъ таковъ быть, каковъ онъ есть, то ты другія мѣры противъ него возмешъ. Потому имѣешь ты явственно изъяснить, какой ты хотѣлъ въ великомъ князе перемены, и какія другія мѣры принимать думалъ?

V.

1758 году марта 4 дня между другими бывшему канцлеру Бестужеву учиненными допросами спрашиванъ онъ былъ: въ чемъ состояли особливо конференціи его съ саксонскими министрами?

На сіе онъ отвѣтствовалъ: что сверхъ того какъ прежде показалъ, а имянно что будучи графомъ Брилемъ остереженъ о данной маркизу Лопиталю секретной інструкціи стараться здѣсь о его низверженіи, искалъ чрезъ польской дворъ подать о себѣ лутчія мнѣніи французскому и венскому дворамъ и чрезъ то избавиться отъ ихъ гоненій, припамятовалъ онъ еще къ большему того объясненію слѣдующее:

Посолъ графъ Эстергази открылся дацкому здѣсь умершему министру Малцану и бывшему здѣсь шведскому полковнику графу Горну, а они оба ему:

1-е, что онъ своимъ кредитомъ и представленіями то здѣлалъ, что соизволила Ея імператорское величество учредить при дворе своемъ канференцію, дабы канцлеръ неімѣлъ больше въ дѣлахъ такой силы, какъ прежде.

2-е, что будто Ея імператорское величество непринимаетъ никакой важной резолюціи, непосовѣтовавъ прежде съ нимъ, посломъ, и

3-е, что онъ представлялъ Ея імператорскому величеству въ день свадьбы покойный Маріи Симоновны, дабы при будущихъ съ Франціею негоціаціяхъ, канцлеръ совсемъ изъ оныхъ изключенъ былъ, ибо де на него полагаться нельзя, паче же опасаться надобно, что онъ всякія препоны дѣлать будетъ, по своей преданности къ Англіи.

Сверхъ того дацкой посланникъ Остенъ нашелъ все то въ депешахъ ко двору своего предецессора Малцана и увѣдомилъ о томъ Понятовскаго, который послу графу Эстергази и выговаривалъ, для чего онъ такъ канцлера гонитъ; но Эстергази Понятовскому во всемъ заперся, а сказывалъ напротиву того, что будто Ея імператорское величество къ нему открылася, что хочетъ канцлера изключить изъ будущихъ съ Франціею негоціацій, а онъ Эстергази будто напротиву того Ея імператорскому величеству представлялъ, что конечно надобно дабы канцлеръ былъ еще при совершеніи всехъ тѣхъ негоціацей, кои къ твердому установленію нынѣшней системы потребны будутъ, или де разве уже лутче его отъ всѣхъ дѣлъ отставить.

Что все сіе и стараніе его разведывать о подвигахъ графа Эстергазіа и остерегаться отъ оныхъ причинялп дружбу его и соединеніе съ графомъ Понятовскимъ.

VI.

По сему допрашиванъ марта 7-го дня 1758 году.

Допросы бывшему канцлеру Бестужеву (Рюмину).

1-е. Въ отвѣте твоемъ на учиненныя тебѣ въ 4-е же сего мѣсяца вопросы ты показалъ, якобы только одинъ пакетъ присланный къ тебѣ изъ гетманского дому переслалъ ты къ нему въ Украину съ почтиліономъ и то изъ Москвы.

Но какъ Ея імператорскому величеству точно извѣстно, что больше отъ тебя къ нему отправленей было, и буде ненарочныхъ почтильоновъ, то эстафетъ, а притомъ ты уже признался, что вѣдалъ о прилагаемомъ великою княгинею стараніи Апраксина съ гетманомъ примирить [1]), то конечно ты объявить долженъ, сколько всѣхъ отправленей отъ тебя къ гетману было? въ чемъ оныя состояли? откуда къ тебѣ пакеты для того приношены и чрезъ кого, такожъ съ какимъ для отправленія ихъ прошеніемъ?

2-е. Весьма разгнѣвана Ея імператорское величество, что ты продолжаешь запираться и въ такихъ дѣлахъ, конхъ признаніе неподвержено никакому слѣдствію и о конхъ Ея імператорское величество наилутче извѣстна. Ты показалъ якобы ни тебя никто не просилъ, ни ты въ Варшавѣ не домогался о присылкѣ кавалеріи Бѣлаго орла Штамбкену. Ея імператорскому величеству и то извѣстно, что по твоему наученію составленъ здѣсь и тотъ рескриптъ, на которой ты ссылаешься и которой здѣсь Понятовскимъ о сей кавалеріи предъявленъ. І такъ изъ единаго милосердія хочетъ токмо хотя въ одномъ пункте видеть чистое твое признаніе.

3-е. Повелеваетъ Ея імператорское величество дабы ты обстоятельно объявилъ, какимъ образомъ Апраксинъ вошолъ въ такой кредитъ у великой княгини, и кто его въ оной ввелъ.

(4-е. Извѣстно тебѣ что 8-го числа сентября минувшаго года въ Царскомъ

---

[1]) „Тоже примечания достойно, что о семъ кроме Теплова никому извѣстно не было, ежели онъ подобно тому въ новомъ тайномъ совѣте (о чемъ еще примечателю неизвѣстно) поступать будетъ і всехъ пересоривать, то не нахальствомъ но скромностию, чистою совѣстию і искуствомъ Ададуровъ превосходить будетъ“.

Селе имѣла Ея імператорское величество нѣкоторой припадокъ болезни. А напротиву того памятно тебѣ, что Апраксинъ стоя подъ Тильзитомъ имѣлъ намереніе сіе мѣсто укрепить и гарнизономъ снабдить, такъ что принятое потомъ вдругъ 14 и 15-го числа въ ночь намереніе все бросая съ поспѣшеніемъ назадъ идти, справедливую притчину подаетъ не только подозревать, но и несумненно вѣрить, что конечно онъ о помянутомъ припадкѣ увѣдомленъ былъ. И потому имѣешь ты показать, не ты-ли его о семъ увѣдомилъ, или хотя не вѣдаешь-ли ты, что кто либо другой то здѣлалъ?).

VII.

1758 году марта 30 числа бывшей канцлеръ Бестужевъ въ комисіи допрашиванъ:

1.

Теперь Ея императорскому величеству нечаянно но вдругъ и точно извѣстно стало, что Понятовской не для дѣлъ короля польскаго и не по его величества благоизобретению, но единственно твоимъ проискомъ здѣсь по отзыве уже паки оставленъ, и потому имѣешь ты объявить для чего ы искалъ его здесь одержать.

1758 году марта 30 числа бывшей канцлеръ Бестужевъ на учиненные ему роспросы отвѣтствовалъ:

на 1-й.

Признавается, что подлинно после получения графомъ Понятовскимъ его отзыва старался онъ чрезъ саксонскаго совѣтника посольства Прасса остановить его Понятовскаго здесь, но ни къ графу Брилю, ни къ князю Волконскому о томъ не писалъ, а сие искание производилъ только для того, что видя на себя гонение пословъ графа Эстергазия и маркиза Лопиталя желалъ по меньшей мере одного благопріятнаго иметь себѣ министра, а толь больше графа Понятовскаго, что оной увѣдомлялъ его обовсемъ что услышитъ отъ графа Эстергазия и Лопиталя, какъ о томъ уже и прежде показалъ.

А что онъ искалъ Понятовскаго здесь удержать, по полученіи уже его отзыва и зная, что Ея императорскому величеству присудствие его здесь неугодно, въ томъ просить монаршаго помилованія, а имянно что собственную свою пользу предпочелъ всевысочайшему имянному Ея императорскаго величества соизволению, а больше того отнюдь никакихъ иныхъ видовъ во удержаніи его здесь неимелъ.

2.

Посланнику Салтыкову при отправленіи его въ Гамбургъ говорилъ ты чтобы онъ оставилъ у тебя все свои алмазныя вѣщи ибо де онъ на дороге арестованъ и всѣ у него обобрано будетъ, почему онъ помянутые вещи у тебя всѣ и оставилъ. Ты имѣешь теперь объявить, почему ты думалъ, что Салтыкова арестуютъ и для чего ты его авертировалъ.

на 2-й.

Посланника Салтыкова какъ при отправленіи его въ Гамбургъ, такъ и при посылке сперва въ Швецию отнюдь не остерегалъ что его въ дороге арестуютъ и никакихъ вещей отъ него не принимывалъ и отнюдь ничего подобнаго тому не говорилъ.

3.

При отправленіи его же Салтыкова въ Гамбургъ купилъ ты у него ево дворъ, но съ такими обстоятельствами, что конечно надобно притомъ съ одной или другой стороны какому ни есть похлебству ілн сокровенному намеренію быть, і потому сущую о сей покупке правду объявить имѣешь.

на 3-й.

Дворъ у него Салтыкова купилъ за двенатцать тысячь рублевъ ни для какого скрытнаго намеренія, но единственно для того что оной по близости былъ ему нуженъ для помещенія своихъ домашнихъ, а что онъ договорился сию сумму выплатить ему въ десять летъ, а между тѣмъ платить ему по шести процентовъ за все то сколько уплачено не будетъ, то съ одной стороны показываетъ его недостатокъ, а съ другой докажется оригинальными росписками камеръ гера Рамана Ларіоновича Воронцова, что онъ тѣ проценты дѣйствительно платилъ.

На сие имѣешь ты объявить сущую правду такъ тебе предъ всемогущимъ на страшномъ и праведномъ его суде стать и приобщиться страшнаго таинства тѣла его и крови.

Во всемъ томъ показалъ онъ сущую правду и ничего не утаплъ въ чемъ утверждаетъ присягою и страшнымъ таинствомъ тѣла и крови христовой, въ противномъ же случае ежели инако изобличенъ будетъ подвергаетъ себя праведному и жесточайшему наказанію.

VIII.

1758 году апреля 7-го дня при разборе остальныхъ бывшаго канцлера Бестужева писемъ нашелся пакетъ надписанной собственною его рукою: отъ барона Пехлина для собственнаго и единственнаго его извѣстія. Въ оном пакете найдено:

1-е. Оригинальной поскрипт къ нему отъ принцессы Ангальтъ Цербстской которымъ рекомендуетъ она графиню Бентинкову къ подкрепленію противу гоненій прускаго и французскаго дворовъ, и копія съ сего поскрипта, списанная рукою тайнаго совѣтника Пехлина, которая тѣмъ примечательна, что вмѣсто прускаго и французскаго дворовъ, написанъ одинъ Брусельской, а для другаго мѣсто оставлено, хотя впротчемъ никакихъ противу оригинала погрѣшностей нетъ.

2-е. Копія списанная имъ же Пехлинымъ съ письма принцессы Цербстской къ Ея высочеству великой княгинѣ изъ Цербста отъ 21 февраля н. ш. прошлаго 1756-го году, слѣдующаго содержанія:

Невозможно чувствовать большей радости и большаго признанія, какъ чувствовала я, получа дражайшее вашего імператорскаго высочества писаніе, которое вы для меня господину Салтыкову ввѣрить изволили. И подлинно что можетъ сравниться съ радостію видеть такого человѣка, который виделъ васъ въ нынѣшнемъ вашемъ состояніи, или что пріятнее быть можетъ какъ слышать отъ него о вашемъ дражайшемъ здравіи, и что целая нація возсылаетъ объ васъ къ Богу молитвы. Старайтеся сохранить ея въ сихъ склонностяхъ, то есть продолжайте слѣдовать (сентиментамъ) добродѣтели, премудрости и человѣколюбія, а Богъ устроитъ все протчее, и исполнитъ надъ вами всѣ мои благословенія, которыхъ усердіе усугубляется, по мѣрѣ того какъ вы къ разрѣшенію отъ своего бремени приспѣваете, и отъ которыхъ я всякаго благополучія ожидаю по всѣмъ тѣмъ предвозчувствованіямъ, кои я въ первой разъ имѣла. Господинъ Салтыковъ немедленно отъѣзжаетъ въ Гамбургъ. Я его просила, чтобъ онъ склонилъ брата своего чрезъ здѣшнее мѣсто ѣхать, когда онъ возвращаться будетъ. Я снедаюсь желаніемъ его видеть. Ежели бы можно было изходатайствовать ему указъ, чтобъ онъ ѣхалъ ближайшею изъ Гамбурга дорогою, то натурально надлежало бы ему проѣхать чрезъ здѣшнее мѣсто.

Потомъ жалуясь, что после герцогини голштинской ей ничего въ наслѣдство неоставлено, присовокупляетъ, что она симъ ударомъ была бы поражена, ежели бы еще отказано ей было и въ тѣхъ знакахъ милости и благоволенія, кои она проситъ Ея імператорское высочество ей изходатайствовать, или [го-

ворить она] ежели бы я тщетную имѣла на тѣхъ надѣжду, кои для себя тысячу способовъ имѣютъ, и кои могутъ такъ сказать подвигать небо и землю и сильныхъ союзниковъ. Я же для себя ни одной ихъ сихъ выгодностей не имѣю. Не имѣю я более какъ только дражайшее ваше сердце и дружбу его сіятельства господина великаго канцлера. Въ томъ одномъ состоятъ всѣ мои высокія права и преимущества. Удостойте только употребить оныя въ дѣйство, они одни достаточны будутъ рѣшить дѣло въ мою пользу.

3-е. Копія Пехлиновой руки съ письма ея же принцесы цербстской къ бывшему канцлеру изъ Цербста отъ 21-го февраля 1756-го слѣдующаго содержанія:

После последняго моего письма не мешкала бы я около двухъ мѣсяцевъ ваше сіятельство просить, дабы по дружбѣ и одолженіямъ вашимъ увѣдомили меня о состояніи государыни великой княгини, и о собственномъ вашемъ здравіи, ежели бы справедливо не воздерживалася, зная какъ непрестанно упражнены вы трудами славными вашему достоинству, и толь благополучными, коль отъ всѣхъ удивляемыми въ настоящихъ европейскихъ обстоятельствахъ. Весь свѣтъ о томъ вопіетъ, мой государь, а я радуюсь, что увѣдомляя васъ о томъ могу способствовать въ дѣланіи вашихъ трофей. Теперь исполняю я сію должности съ толь большею радостію, ибо долженствую вамъ мое удовольствіе видеть здѣсь молодого господина Салтыкова. Позвольте, чтобъ я васъ за то благодарила и притомъ увѣдомила, что поданныя мнѣ отъ него увѣдомленія о вашемъ здоровье много смутили мое о томъ удовольствіе, впротчемъ я такъ у него о томъ навѣдывалась, якобы никакого въ томъ участія непмѣла, и будто по одной только учтивости къ знакомому мнѣ первому министру. Я теперь желаю, чтобъ сіе письмо застало ваше сіятельство въ добромъ на долгія времена здравіи. Ревность моихъ желаней разпространяется теперь паче на нашу дражайшую великую княгиню. Ваше Сіятельство изволитель и ныпѣ также обо мне припамятовать какъ и прежде. Я признаваюсь, что курперъ вами избранной и съ которымъ бы я откровенно говорить могла, причинилъ бы мне весьма чувствительное удовольствіе. Съ старшимъ господиномъ Салтыковымъ я еще не говорила, ибо по кончинѣ матеря моей не имѣю больше претекста въ Гамбургъ ѣхать, а какъ сказываютъ онъ отозванъ, то не можете ли ваше сіятельство прислать къ нему повеленіе, дабы онъ чрезъ здѣшнее мѣсто или хотя только ближайшею дорогою ѣхалъ въ Дрезденъ, ибо тогда онъ необходимо и безприменно здѣсь былъ бы. Я не сумнѣваюсь, чтобъ не получили ваше сіятельство во свое время моихъ двухъ пакетовъ отъ 26-го декабря, одинъ чрезъ тайной каналъ, которымъ и сіе письмо отправляется, а другой чрезъ господина Гроса въ Дрездене. Могу-ли я мой господинъ повторительно вамъ рекомендовать содержаніе послѣдняго важнаго, а мое признаніе ни съ чемъ не сравнится. Я не сумнѣваюсь, чтобъ я неімѣла соревнителей можетъ быть опасныхъ своими факціями; но благосклонности вашего сіятельства, ваша дружба и ваше усердіе и преданность къ великой княгинѣ суть единственными моими оружіями. Впротчемъ ссылается на приложенное притомъ письмо къ великой-княгинѣ, которое выше прописано.

Въ окончаніи:

Вашего сіятельства
покорнѣйшая, одолженная и преданная пріятельница и услужница
Елисаветъ.

IX.

Madame,

Il est impossible de recevoir avec une joie plus vive et plus de reconnoissance la charmante lettre de Votre Altesse Imperiale a confié pour moi à Monsieur de Soltikoff. J'en sens tout le prix, et j'y suis sensible à pleine mesure. Quelle joie pour moi, Madame, de voir une personne, qui Vous avoit vuë dans l'etat ou Vous etes? et quelle douceur pour moi, que ce qu'il m'a dit sur Votre chere santé, et les voeux de toute une nation pour Vous. Continuez à maintenir ses dispositions: c'est à dire, continuez à suivre les sentiers de la vertu, de la belle, juste et judicieuse prudence et de l'humanité, Dieu fera le reste, et Vous laissera jouir de toutes mes benedictions, dont la ferveur redoublée vers le terme heureux, dont Vous aprochez et dont je ne me promet avec toutes les precedentes présentimens de la premiere fois que du bonheur. Monsieur de Soltikoff part incessament pour Hambourg. Je l'ai prié d'engager Monsieur Son Frere à prendre son retour par ici. Je grille de le voir. S'il y avoit mojen de lui procurer un ordre exprez, ou la permission de prendre le chemin le plus court d'Hambourg, il arriveroit naturellement à passer par ici.

Le Testament de ma respectable mere est ouvert et communiqué. Elle laisse argent contant 485908 ecus d'Allemagne. Une partie est traduit en fidicommis en faveur de mes Freres cadets, il y a du reste de gros legs pour mes soeurs, outre les bijoux, nipes, porcelaines, le cabinet, avec ce qu'il enferme de pieces pretieuses, et l'argenterie, que l'on nomme communement le necessaire, et qui est fort belle, toilette etc. Mon Frere en Suede aura la vaiselle de Table et les meubles de la maison à Hamburg. Il y a encore de bons legs pour les Domestiques, surtout Mr. Eyben et Madame Finckenstein; cette derniere devoit meme participer aux bijoux. Pour moi, Madame, devinez ce qu'on m'a donne? rien du tout, pas la valeur d'un epingle. On tire en ligne de compte une partie de ma legitime, et on ne la remplit pas seulement, quoique j'aie eté precisement celle des filles, qui n'ait jamais rien coutée. Votre Altesse Imperiale sçait, qui c'est, à qui je dois le peu, que j'ai euë, qui sont presque tous brulés a Dornbourg. J'avoue que le point m'eut été sensible, si je pouvois penser, qu'il partit du coeur de ma mere: mais sans conter une bonne conscience, ne l'aiant jamais que respectée et cherie, je connoissois de longes mains la haine des Eyben, et de la race des Finckenstein contre moi, ainsi il m'est aisé de sentir d'ou, avec toutes les petites jalousies de personnes de mon Sang

contre moi, part le coup. Je sçais assez me respecter et la memoire d'une mere, pour ne pas m'emanciper sur ce sujet, ni en vouloir du mal aux gens, qui ont ainsi profité contre moi de la douceur de son caractere.

Cependant je serois aprez ce coup trop à plaindre, si j'avois encore le malheur d'etre refusée au sujet des gratieuses marques de bontés et bienveuillances, que j'ai a suplier Votre Altesse Imperiale de me donner et de m'aider à me procurer; ou si j'en etois frustrée par d'autres, qui ont mille voix pour eux, et qui pourront, pour reussir, remuer, ainsi dire, Ciel et terre, faire marcher des puissances alliees. Pour moi je n'ai aucun de ces avantages. Je n'ai pour moi, que Votre cher aimable coeur, Madame, ainsi que l'amitié de Son Excellence de Monsieur le Grand Chancellier. Voila mes illustres droits, voila mes prérogatives; daignez faire agir ces ressorts, elle seule sont propres à decider en ma faveur le gain de la cause. Je m'en repose sur eux.

Je n'ai encore jamais eue le moment de detromper Votre Altesse Imperiale, et ce sage Ministre sur l'article d'une de mes lettres il y a environ dix huit mois, regardant la Comtesse de Bentinck, que la calomnie m'avoit noirsie alors. J'ai aprofondis depuis, que c'a eté un coup d'intrigue. La Comtesse a du merite et beaucoup d'esprit. Elle a des ennemis par consequent, les connoit, ne les menages peut etre pas assez; cela suffit pour etre persecutée. Revenue de ma fatale erreur à Son egard, je me crois obligée en conscience de retracter ce que trompée par l'illusion j'avois avancée de la meilleure fois du monde. Je fais plus, il me semble que je le dois reparer. Elle est presentement à Vienne. Je sçait que l'Imperatrice Reine la distingue, et que cette grande princesse seroit obligée personnellement, s'il etoit possible de faire dire un mot en faveur de la Comtesse et de ses affaires aux maitres et aux Ministres par l'ambassadeur de Russie. J'en prie Monsieur le Grand Chancellier, et je Vous en dois avertir.

Mon fils Vous presente ses tres humbles devoirs. Il vient d'avoir eu le plus heureusement du monde la rougeole. Il ne l'a pas sçu et ne le sçaura pas sitot.

J'ai enfin attrapé un peintre. J'ai donc fait tirer nos trois portraits sur un meme tableau. Toute la famille y est jusqu' à mon petit chien. Cette piece sera achevée incessament, et partira avec les premiers vaisseaux. J'ai fait plus. J'ai fait tirer de cinq de ces portraits, que j'ai de Votre Altesse Imperiale, cette femme, qui s'en souvient, et parfaitement attrapée sa phisionomie. Monsieur de Soltikoff trouve les yeux admirables, c'est l'essentiel. Le morceau est unique, c'est pour ma chambre de lit, dont je ne sors presque pas, ou il n'y aura de portrait, que celui là. Les figures sont in lebens Grösse. Votre Altesse Imperiale est assise. Monseigneur le Grand Duc à coté d'Elle. Un fort joli tout petit page, que j'ai lui presente à Elle à genoux le plus beau petit chien (simbole de fidelité) barbet noir d'Angleterre, qui soit dans le monde. Voila presentement mon amusement. Ce portrait cheri fera ma felicité.

Je reitere mes ardens souhaits, et suis du plus tendre respect,

Madame

de Votre Altesse Imperiale la tres humble, obeissante, fidelle mere et servante

Elisabeth.

Zerbst. 24 fevrier n. st. 1756.

X.

Monsieur,

Je n'aurois pas tardée pres de deux mois depuis ma derniere, à demander à l'amitié et aux soins obligeant de Votre Excellence des nouvelles de l'etat de Madame la Grande Duchesse, et de Sa propre santé: si une juste discretion n'avoit imposé frein à mon empressement. Occupé, comme je sçais sant cesse de ces travaux glorieux à Son merite si heureux et admirés dans les conjonctures presentes de l'Europe. C'est un cris general, Monsieur, sur lequel je suis bien aise, en Vous l'aprenant du coin du tout d'aider a ouvrier vos Trophées. Je m'acquitte aujourdhui de tous ces devoirs avec d'autant plus de joie, que je sens Lui devoir le plaisir, dont je jouis de voir ici Monsieur de Soltikoff le Cadet. Souffrez, Monsieur, que je Vous en remercie, et que j'y ajoute, que les nouvelles, qu'il m'a données de Votre santé (et que j'en ai tirées sans autres aparances d'interets, qu'une simple civilité pour un premier ministre, que je connois) ont beaucoup troublée ma satisfaction à cet egard. Mes voeux sont que presente puisse trouver Votre Excellence retablie pour longtems. La ferveur de mes souhaits embrasse aussi presentement surtout notre chere Grande Duchesse. Votre Excellence voudrat Elle bien se souvenir de moi, comme la premiere fois le terme echu? J'avoue qu'un courier choisi de Sa main, auquel je puisse parler à coeur ouvert, me feroit un bien sensible plaisir. Je n'ai pas encore parlé à l'ainé Monsieur Soltikoff. La mort de ma Mere me coupe la pretexte de me rendre à Hambourg: comme on le dit rappellé, peut etre Votre Excellence auroit Elle jour à lui faire donner un ordre de passer par ici, ou bien, de prendre le chemin le plus court pour Dressen, a lors il y tomberoit naturellement.

Je ne doute pas, que Votre Excelence n'ait reçue en leur temps mes deux paquets du 26-me Decembre. L'un par la voie secrette, par laquelle celle-ci part aussi, l'autre par Monsieur de Gross à Dressen. Devois-je, Monsieur, Vous en recommander reiterement le contenu du dernier interessent et ma reconnoissance ne l'egalera point. Je ne doute pas que je n'aie des concurrents peut etre redoutables par leurs factions. Les bontés de Votre Exellence, Son amitié, Son attachemens pour la Grande Duchesse sont mes seules armes. Elle verra pas la lettre, que je Lui joint ici pour cette chere et auguste fille, que les gens d'affaires et mes ennemis auprés de feu ma Mere, ont si bien scu pro-

fiter de la douceur de Son caractere, qu'elle leur donne beaucoup, et tout le reste à mes freres cadets, et à mes soeurs. Les deux premiers tirent de la masse 485908 ecus l'Allemagne argent content, sans les bijoux, nipes, vaiselle, meubles, qui restent aux derniers, excepté ma legitime, que l'on reduit à cinq mil ecus. Je suis toute exclue et entierement deheritée. Ce coup qu'une bonne conscience me rend suportable, et que je respecte de la main cherie, dont-il me part, m'absorbe en ce qu'il m'enleve ma derniere resource. Je me flatte que Votre Excellence m'accordera celle qui me reste, et persuadée du merite que j'y attache vu ma situation, le sera de la consideration dont je suis,

Monsieur,

de Votre Excellence

la tres humble acquise et devouée amie et servante

Elisabeth.

Zerbst, 24, fevrier 1756.

P. S.

Je ne dois pas laisser ignorer à Votre Excellence, que revenue entierement de la mauvaise opinion, que je Lui ai temoignée au sujet de la Comtesse Bentingk, je trouve que c'est une personne de merite, sur la quelle des intrigues dont elle s'est entierement purgée envers moi, simplement malheureuse et fort à plaindre, de façon que ce seroit un ouvrage de dignité, que de vouloir bien s'interesser pour Elle. Elle est presentement à Vienne pour le cruel procés, par equel les cours de Brussel et de... ont voulu lui enlever tout son bien. L'imperatrice Reine la distingue. Cette Grande Princesse seroit ravie d'etre poussée par quelque protection à lui en accorder. Votre Excelence permet. Elle que la Comtesse en fasse la requisition, confie ses lettres à Monsieur le Comte de Kayserling. Ce que j'en propose est sous bons auspices; peut-etre ne veut on pas paroitre pour se procurer un moien d'obliger. Je prie Votre Excellence de me repondre à cet article par un P. S.

Elle se souviendra d'un nombre de Princes, dont je lui ai parle, qui desiroit etre admis aux armées. Il y a un de la maison d'Anhalt de la branche de Schaumbourg, qui me fait à cet egard une vraie persecution. Il m'a deja desesperée, et eté au point, qu'afin que Votre Excellence fut prevenuë. Je le mandai à Monsieur de Gross à Dressen, sans l'instruire, qu'Elle le fut deja. Presentement ce prince eternel m'envoit un gros paquet; etant sous Votre adresse, Monsieur, je n'ai pu le retenir, et je le fais partir tout de suite à Monsieur de Gross. Si toutefois Vous pourriez faire quelque chose pour Lui, je le recommande en faveur du nom. J'ose egalement Vous recommander le cordon bleu du Comte je crois d'Espach. Je suis parfaitement etc.

XI.

Какъ по найденнымъ въ переписке Апраксина съ Бестужевымъ важнымъ пассажамъ, Ея императорскому величеству третьягодня то есть 7 числа сего мѣсяца всеннжайше поднесеннымъ, комисія взяла и допрашивала генерала квартирмейстера Веймарна, то паче ожиданія оказалось много новаго и весьма важнаго.

І такъ изъ того и изъ учиненныхъ въ то же время Бестужеву допросовъ, не меньшежъ и по присланному отъ Апраксина писму къ графу Александру Ивановичу Шувалову, родился вновь многія важныя пункты, по которымъ Апраксина и Измайлова допрашивать надлежитъ.

Комисія всеннжайше подносить оныя при семъ, и притомъ изпрашиваетъ, не будетъ-ли угодно и когда словесно ея выслушать, ибо приложенное сочинено весьма кратко, а дѣло связано съ такими многими обстоятельствами, что и пространнымъ описаніемъ всего изобразить невозможно.

Краткое содержаніе пунктовъ, по которымъ фельдмаршала Апраксина и камерюнкера Измайлова допросить надлежитъ.

1-е.

Онъ показалъ, что всѣхъ писемъ отъ великой княгини получилъ шесть, а напротивъ того, бывшей канцлеръ неотменно утверждаетъ, что не пересылалъ къ нему более, какъ только три а много что четыре письма, и потому показать надлежитъ, чрезъ кого прочія получены и пересылаемы были.

2-е.

Неотменно же бывшей канцлеръ утверждаетъ, что никакихъ на то отвѣтовъ неполучалъ, и потому показать надлежитъ, чрезъ кого оныя отправляемы были.

NB. Апраксинъ показывалъ, якобы свои отвѣты непосылалъ инако какъ чрезъ канцлера.

3-е.

NB. Веймарнъ самъ признался, что Бестужевъ отправлялъ съ нимъ письмо великой княгини къ Апраксину.

Генералъ-квартирмейстеръ Веймарнъ въ допросе показалъ, что когда онъ пріѣхавъ въ Ригу отдалъ фельдмаршалу свои письма и притомъ ему то пересказалъ, что ему отъ канцлера поручено было, то фельдмаршалъ, прочитавъ письмо великой княгини, оному неувѣрился, но осердился и сказалъ: я знаю канцлеровы финты, а потомъ вынувъ изъ шкатулки другое письмо сличалъ съ онымъ руку и нашодчи, что сходна, сказалъ, ну хорошо, и все то заперъ въ ту же шкатулку.

И какъ съ нимъ Веймарномъ отправлено было письмо побудительное, и по видимому первое такого содержанія, то надлежитъ фельдмаршалу очистить, съ какимъ письмомъ сличалъ руку, сколько техъ предъидущихъ писемъ было, чрезъ (что) кого ихъ получалъ и какого они содержанія, а особливо не было-ли въ нихъ вмѣсто побужденія къ походу отсовѣтованія отъ онаго.

4-е.

NB. Канцлеръ противу всего того спрашиванъ, но показываетъ, что и тогда совсемъ неразумелъ, что Апраксинъ ему сими словами сказать хотелъ. Причемъ справедливо кажется, что и подлинно лутче Апраксину то объяснить, что онъ самъ писалъ.

Ему же надлежитъ изъяснить, что разумелъ въ письме своемъ отъ 17-го февраля сими словами: „Токмо крайне сожалею, что иногда безвинно, не зная вашего сіятельства нынѣ пребывающихъ сентиментовъ, которыя иногда по обстоятельствамъ не преминулись-ли, столь откровенно и дерзновенно писавъ, не прогнѣвляю-ли васъ, милостиваго государя, а поелику въ бытность мою въ Петербурге сентименты вашего сіятельства мнѣ были извѣстны, и по всѣмъ тогда бывшимъ разговорамъ согласованіе ваше со мною было и я отнюдь нимало не отступилъ.

5-е.

NB. На сіе Бестужевъ отвѣтствовалъ, что онъ не помнитъ, что тогда посылалъ къ Апраксину, но сей по-

Такъ же показать ему надлежитъ, о какихъ въ письме своемъ отъ 12-го іюля упоминаетъ весьма важныхъ двухъ

следней можетъ быть и въ рукахъ имѣетъ тѣ примечанія, кои канцлеръ къ нему присылалъ, и кои онъ толь важными называетъ.

NB. Бестужевъ по улике въ томъ точно признался.

NB. Апраксинъ допрашиванъ былъ 4-го числа сего мѣсяца и утверждался, что писемъ своихъ ни чрезъ кого непересылалъ, какъ чрезъ Бестужева и невспамятовалъ о томъ инако ни 5-го, ни 6-го, ни 7-го числа; а какъ Веймарнъ 7-го числа пополудни взятъ, то справедливо дознаваться надлежитъ, что невспамятовалъ бы о томъ и далее, ежелибы не свѣдалъ, что Веймарнъ взятъ, ибо сіе Апраксина письмо писано на другой день по взятье Веймарна, а имянно 8-го числа сего мѣсяца.

примечаніяхъ, присланныхъ къ нему отъ бывшаго канцлера.

6-е.

Веймарнъ же въ допросе своемъ показалъ, что какъ Бестужевъ отправлялъ съ нимъ письмо великой княгини къ Апраксину, то наказывалъ ему фельдмаршалу словесно сказать, дабы онъ отложилъ всякое сумнѣніе, сими словами: „такъ увѣрь его что сіе письмо великой княгини, и ея рукою писано, и скажи ему, чтобъ не сумнѣвался ничего“.

Сіи слова довольно показуютъ, что они внутреннія другъ у друга мнѣнія весьма хорошо разумели, и потому Апраксину вѣрно показать надлежитъ, для чего присланному къ нему побудительному письму княгини неувѣрялся и для чего назвалъ оное канцлерскою финтою, ибо сіе недовѣреніе показуетъ, что онъ о мнѣніяхъ великой княгини инако увѣренъ былъ.

7-е.

Апраксинъ прислалъ письмо къ графу Александру Ивановичу Шувалову отъ 8-го числа сего мѣсяца, якобы после того, какъ комписію спрашиванъ былъ, вспомнилъ онъ, что онъ одно письмо къ великой княгинѣ послалъ чрезъ Ізмайлова.

А какъ канцлеръ твердо стоитъ, что совсѣмъ никакого отвѣта отъ Апраксина на письма великой княгини не получалъ и въ томъ готовъ претерпевать нажесточайшее истязаніе, да теперь уже открылось, что были и другія каналы; то всемерно надобно, чтобъ Апраксинъ показалъ, чрезъ кого свои отвѣты присылалъ, и сколько ихъ всѣхъ было, ибо нечаятельно, чтобъ онъ такъ рѣдко отвѣтствовалъ. Великая княгиня приняла бы то конечно

за пренебреженіе и вѣрно не стала бы писать поздравительнаго письма.

Такимъ же образомъ нужно кажется допросить и Измайлова, дабы скоряе добиться, сколько всѣхъ писемъ было, и чрезъ кого пересылались, и какой матеріи, ибо когда канцлеръ допускалъ къ себѣ въ конфиденцію Веймарна то всемерно чаять надобно, то и Ізмаймовъ не вступился бы въ переноску писемъ ежели, бы о содержаніи ихъ не вѣдалъ и ежели бы прежде того въ крайней дружбѣ и конфиденціи съ Апраксинымъ небылъ.

XII.

Для всевысочайшаго Ея императорскаго величества извѣстія и благонзобрѣтенія.

Всеподданнѣйше донесено было вашему императорскому величеству краткою выпискою изъ переписокъ фельдмаршала Апраксина съ Бестужевымъ о тѣхъ пунктахъ, по которымъ за нужно признавалося допросить какъ одного такъ и другаго.

Ваше императорское величество тогда же и повелели комисіи ихъ по тому допрашивать, но какъ застигла въ то время страстная недѣля, а потомъ торжественныя дни, то комисія не могла съѣздить къ четыремъ рукамъ, а теперь по прошествіи сего времяни за должно почитаетъ предварительно вновь испросить всевысочайшаго повеленія прежде нежели туда ѣхать, и толь паче, что нашлись въ ихъ же переписке вновь нѣкоторыя важныя пункты.

XIII.

Генерала фельдмаршала Апраксина слѣдуетъ допросить:

(*первые семь пунктовъ см. подъ № XI*).

8.

Фельдмаршалъ Апраксинъ въ письме своемъ отъ 4-го марта 1757 года изъ Риги въ ответъ на то при которомъ Бестужевъ отправилъ къ нему съ Веймарномъ первое письмо великой княгини изъясняется слѣдующимъ образомъ:

„Почтеннѣйшее Вашего сиятельства писание чрезъ генерала квартермейстера Веймарна я исправно получить честь имелъ, на которое впредъ обстоятельно ответомъ служить буду, а теперь за учиненное мне какъ онымъ, такъ и словесными отзывами обнадеживанье о продолженіи вашей ко мнѣ милости и дружбы нижайше благодарю, которые я за наидрагоценнейшее сокровище себѣ всегда почитая взаимно ваше сиятельство удостовѣрить могу, что съ моей стороны дружба къ преданности къ вамъ до гроба непарушима будетъ".

Трудно чаять, что одни увереніи о дружбѣ Бестужева были ему толь драгоценнымъ сокровищемъ; і потому показать надлежитъ прямое сей дружбы основание.

9.

Наконецъ обещанной выше въ восьмомъ пункте ответъ на то, что съ Веймарномъ отправлено и писано было воспоследовалъ изъ Риги отъ 9-го марта 1757 года и писанъ на немецкомъ языке рукою помянутого Веймарна.

Оной весьма пространенъ и содержитъ въ себе многія весьма важныя и примѣчания достойныя пассажи, но какъ оныя не токмо одинъ съ другимъ связаны, но и часто могутъ иметь другое знаменование, когда экстрактомъ или вкратце выбираемы были бъ, то переводъ съ сего ответа при семъ подносится.

Наибольшаго примечания во ономъ то достойно, что допынѣ думано, что Бестужевъ первой началъ переписку между великою княгинею и Апраксинымъ и что съ Веймарномъ отправлено было отсюда первое къ нему побудительное письмо, а теперь въ самомъ начале сего ответа усматривается, что Веймарнъ затемъ сюда и присланъ былъ, дабы ближайшія объясненіи полу-

чить, ибо Апраксинъ пишетъ: „вы сами изволили ему Веймарну мнения свои сообщить съ такою же откровенностию съ каковою дерзнулъ я его къ вашему снятельству отправить“.

По сему пункту кажется надлежитъ не токмо допрашивать Веймарна, но и едвали безъ очныхъ ставокъ обойтиться можно будетъ.

Потомъ пишетъ онъ же Апраксинъ къ нему Бестужеву: „Естьли осмелился я въ письме моемъ упомянуть объ отмене сентиментовъ вашихъ, то тѣмъ ни мало не разумелъ я собственной вашего снятельства дружбы ко мнѣ, которую я за непоколебимую почитаю, но по однимъ только догаткамъ о какой нибудь перемене мнения въ положенной напредъ сего системе всепокорнейше прошу ваше снятельство принять въ разсуждение по присланнымъ ко мне понудительнымъ указамъ о поспешении похода и начатии вонискихъ дѣйствій; да и еще зимою не надлежало ли мне чаять объ отмененіи мнения вашего снятельства, потому что оныя казались совсемъ противными тѣмъ мерамъ, о конхъ ваше снятельство еще при отъезде моемъ изъ Санктъ Петербурга, а именно, чтобъ въ походъ не выступать до техъ поръ, пока все къ тому приготовлено не будетъ, изъяснится и со мною о томъ согласится изволили“.

А къ тому еще ниже присовокупляетъ:

„I понеже мнения вашего снятельства какъ уже выше сего упомянуто совсемъ противны такимъ предпринятиямъ, при непрестанномъ понужденіи моемъ выступить съ войскомъ, почти иного ничего догадываться мнѣ не оставалось, какъ что ваше снятельство прежния мнения свои конечно отменили; нынѣ же я несказанно успокоенъ и всепокорнейше приношу вашему снятельству благодарение, что изволили меня не токмо дружайшимъ письмомъ вашимъ, но и чрезъ генерала квартермейстера Веймарна увѣдомить, какъ о непременныхъ сентиментахъ вашихъ, такъ и протчихъ обстоятельствахъ“.

10.

По 9-му пункту въ чемъ надлежало Веймарна допрашивать, то онъ и допрашиванъ, но несмотря на все улики и доказательства, на все увѣщанія и угрозы и на самой арестъ, показалъ и утвердился, что отъ Апраксина къ Бестужеву ни съ какими словесными секретными наставленіями присланъ не былъ, какъ разве только словесно поручено ему было тоже самое твердить и толковать, что и въ письмахъ самихъ написано было, а только присовокупляетъ къ тому 1-е, что когда фельдмаршалъ Апраксинъ приказывалъ ему писать о перемене сентиментовъ, где онъ и точные его слова изобразилъ, то конечно Апраксинъ ничего ему во объяснение того не прибавилъ, а говорилъ только: „онъ уже будетъ разуметь, что я пишу; при отъезде у насъ о томъ инако говорено было“, 2-е, что Апраксинъ неоднократно къ нему въ Риге, да и потомъ въ походе отзывался канцлеръ-де подкупленъ венскимъ и саксонскимъ дворомъ и посылаетъ меня на жертву, но я де себя не продамъ.

Посему видится необходимо одного только Апраксина спрашивать, что онъ разумелъ переменою сентиментовъ и системъ, которые такъ часто въ письмахъ своихъ упоминаетъ.

XIV.

1757 году апреля 17-го дня въ учрежденной о бывшемъ канцлере Бестужеве комисіи Его сіятельство генералъ и кавалеръ графъ Александръ Ивановичъ Шуваловъ объявилъ, что Ея императорское величество указала подать Ея величеству какъ наискоряе сентенцію комисіи по найденнымъ до нынѣ винамъ помянутаго бывшаго канцлера Бестужева; и во исполненіе сего помяннаго Ея императорскаго величества высочайшаго повеленія опредѣлено подать Ея императорскому величеству докладъ слѣдующаго содержанія:

(*слѣдуетъ черновой проектъ доклада, см. № XV*).

XV.

Ея императорскому величеству
всеподданнѣйшій докладъ
отъ учрежденной о бывшемъ канцлере Бестужеве-Рюмине комиссіи.

По именному вашего императорскаго величества изустному повеленію вступили нижеподписавшіяся въ изследованіе преступленей и дѣлъ бывшаго канцлера Бестужева-Рюмина. По именному и нынѣ сонзволенію вашего величества пріемлютъ они смелость чрезъ сіе всенижайше представить, сколько ими до нынѣ по тому открыто и какое ихъ о томъ слабѣйшее мнѣніе.

Въ сіе изслѣдованіе хотя и вмешались по необходимости весма разныя матеріи, и оное такъ производимо было, какъ приходили дѣла по малу во откровеніе; нижеподписавшіяся старались однако же всегда сколько можно различать и уважать пунктъ касающейся до вседражайшаго здравія и благополучнаго Государствованія вашего императорскаго величества, отъ пункта всѣхъ прочихъ его преступленей.

Что до перваго принадлежитъ, то нижеподписавшіяся по должности, присягѣ и рабской вѣрности, дерзаютъ удостовѣрить ваше императорское величество, что ни какихъ признаковъ нетъ, дабы онъ умышлялъ что либо противу вседражайшаго здравія или благополучнаго Государствованія вашего императорскаго величества.

Прочія преступленіи его напротивъ того весма тяжки и крайняго наказанія достойны. За неокончаніемъ еще всего слѣдствія не можно описать ихъ всѣхъ съ точностію, однакоже по всему тому, что до нынѣ оказалось, и въ чемъ онъ уличенъ и признался, можно сказать съ чистою предъ Сердцевидцемъ совѣстью и такъ какъ долгъ и присяга того требуетъ, что самолюбіе сего бывшаго министра и суетное желаніе такъ долго быть великимъ, какъ бы онъ общему всѣхъ смертныхъ пределу подверженъ не былъ, только имъ обладали, что упоенъ сею страстію, не разбиралъ онъ путей и способовъ, какими думалъ достигнуть любимое свое желаніе властвовать.

Оттого произошло, какъ изъ самыхъ его доказуется ответовъ и дѣлъ, что присвоя себѣ самопроизвольно бо́льшую власть, нежели надлежало, нестарался однакожь учинить себя и песенію оной достойна, строгимъ наблюденіемъ своей должности, но равно пренебрегая и что ему отъ вашего императорскаго

величества ввѣрено, и что самъ себѣ присвоивалъ, искалъ только гнусными и наказанія достойными інтригами и ухищреніями сохранить себя въ наружной знатности и властвованіи.

Оттого послѣдовало, что труды и время, которыя долженствовалъ онъ посвятить такъ какъ всю жизнь свою къ службѣ вашего імператорскаго величества употребилъ онъ съ крайнею продерзостію на такое дѣло, которое есть частію монаршескихъ регалей, и здѣлалъ себѣ въ томъ участниками такихъ людей, которымъ ниже вѣдать надлежало, что употребляютъ иногда въ дѣйство самодержцы имъ однимъ принадлежащее право, распечатывать партикулярныя письма, о чемъ въ отвѣтѣ его на допросы отъ 20-го числа минувшаго марта пространнѣе явствуетъ.

Сей къ інтригамъ склонности и безразсудному желанію быть безъ дѣла важнымъ и везде надобнымъ надлежитъ приписывать, что онъ разными злыми вымышленіями старался непрестанно и чрезъ нѣсколько лѣтъ обносить вашему імператорскому величеству ихъ высочествъ, и ихъ высочествамъ внушать паки неудовольствіе противу вашего імператорскаго величества, и темъ вкоренять между імператорскою фамиліею несогласіе.

Самолюбіе сего бывшаго министра, и явное предпочтеніе собственной своей пользы и хотѣнія всему тому, что онъ долженствовалъ вашему імператорскому величеству и своей присягѣ, были тому причиною, что точныя и ему извѣстныя Вашего імператорскаго величества соизволенія, старался онъ неисполнять, но и тогда умышленно и тайно имъ противиться, когда оныя сами собою приходили ко исполненію, какъ то показуетъ отвѣтъ его на допросы отъ 30-го марта же, а имянно, что онъ старался графа Понятовскаго и въ то время здѣсь удержать, когда самъ король его отзывалъ, и когда онъ точно вѣдалъ, что пребываніе его здѣсь неугодно Вашему імператорскому величеству.

На томъ же самолюбіи его и алчномъ желаніи распространить кредитъ свой на безконечныя вѣки можно бы и то основывать, что онъ самъ вмешался и извѣстную вашему імператорскому величеству персону вмешалъ въ непозволенную переписку съ Апраксинымъ. Но сей весма важной пунктъ раздѣляется на два. Оной заключаетъ въ себѣ преступленіе противу государства, должности и присяги, и сугубое оскорбленіе величества.

Преступленіе, что когда онъ изъ держанныхъ ему отъ Апраксина еще до отъѣзда въ Ригу разговоровъ, и изъ медлительствъ его по прибытіи въ Ригу, заключалъ или виделъ, что Апраксинъ не имѣетъ охоты оттуда выступать и противъ непріятеля итти, и когда потому же чувствовалъ, что учиненными великими пріуготовленіями истощевается и казна Вашего імператорскаго величества и все государство напрасно, что претерпеваетъ крайнюю нужду безполезно вмѣсте собранная многочисленная армѣя, что страждетъ всевысочайшее Вашего імператорскаго величества достоинство и слава и честь всея імперіи, когда толь торжественныя декларации остаются безъ исполненія, и что на конецъ пренебрегаются точныя монаршіи повеленія; то для чего о томъ ни когда недоносилъ Вашему імператорскому величеству. Во всемъ томъ онъ не запирается и проситъ только помилованія.

Но когда притомъ во облегченіе сего преступленія объявляетъ, что онъ старался то поправить, и Апраксина къ походу и дѣйствіямъ побуждать, тогда дѣлается онъ сугубой оскорбитель величества.

Оскорбитель, что почелъ имянныя Вашего императорскаго величества указы не такъ дѣйствительными и сильными, какъ собственное его или чье постороннее приказаніе.

Сугубой оскорбитель, что какъ бы ни было, нечувствительно раздѣлялъ онъ чрезъ то монаршую Вашего императорскаго величества самодержавную, Вашему величеству отъ Бога, сколько по крови, более того по душевнымъ дарованіямъ и предъ нимъ заслугамъ или паче по его къ Россіи благоутробію, безраздельно ввѣренную власть, что нечувствительнож вводилъ чрезъ то соправителей, и что самъ дѣлался соправителемъ.

И подлинно, что иное изъ того заключать можно, когда онъ монаршія Вашего императорскаго величества повеленія препровождалъ постороннимъ и себя ласкалъ, что оныя могутъ произвести лутчее дѣйство, какъ то въ допросахъ Веймарна и его Бестужева отъ сего мѣсяца пространнѣе усматривается.

Что до Апраксина принадлежитъ, то въ учиненномъ ему допросе онъ не заперься, что можетъ быть говорилъ Бестужеву тѣ слова, о которыхъ Бестужевъ объявляетъ, что оныя побудили заключать, что сей фельдмаршалъ охоты не имѣетъ изъ Риги выти. Но какъ по тому далее неслѣдовало, то комисія не можетъ о томъ болѣе объявить, какъ только, что въ дѣле недозволенной переписки они равно виновны.

И такъ обращаясь къ Бестужеву комисія находитъ, что онъ наполненъ будучи суетными мечтаніями, якобы много или все можетъ собственнымъ своимъ кредитомъ, или паче интригами коварствомъ и происками, неисцелился отъ того и въ то время, когда бывъ арестованъ, имѣлъ чувствовать, что Всемогущій прекратитъ свое долготерпеніе, такъ какъ Ваше императорское величество отъ природнаго великодушія принуждены были обратиться на конецъ къ правосудію. Ибо и въ томъ будучи состояніи, и зная, что Ваше императорское величество по своему человѣколюбію, не ищете какъ только признанія и раскаянія, не хотѣлъ онъ однакожъ спасеніе свое имъ долженствовать, а старался вынудить себѣ оное новыми и большаго предъ прежними наказанія достойными происками.

Сего ради тотчасъ открылъ онъ письменно такія дѣла, о которыхъ по имянному Вашего императорскаго величества повеленію, съ темъ спрашиванъ былъ, дабы подъ смертною казнію не открывать о томъ никому во всю жизнь свою, и чрезъ то сей самой казни здѣлалъ себя достойнымъ, толь паче, что Генеральной Регламентъ въ главе пятьдесятой и за то уже смертную казнь опредѣляетъ, кто только ввѣренное его должности дѣло рановременно или кому ненадлежало умышленно откроетъ, а онъ открылъ такую священную тайну, о которой никто не можетъ помыслить безъ ужаса, какъ то пространнее явствуетъ въ отвѣтахъ его отъ 25 февраля и въ собственноручныхъ его письмахъ.

Темъ недовольствуясь, и не смотря на то, что собственными своими дѣлами явно, а совѣстію внутренно еще больше въ преступленіяхъ своихъ изобличаемъ былъ, отважился во время же своего ареста письменно такихъ людей научать, что имъ отвѣтствовать, ежели они спрашиваны будутъ, о которыхъ только думалъ, что они спрашиваны будутъ, а другихъ таить о такихъ дѣлахъ, въ которыхъ онъ самъ ихъ употреблялъ, и о которыхъ онъ того же

самаго дня страшными клялся клятвами совсемъ ничего не вѣдать. Доказуютъ то отвѣты бывшаго при немъ регистратора Канцлера и его Бестужева отъ 14 числа минувшаго марта.

Въ такомъ окаменѣніи сердца пребылъ онъ и до сего часа. На всякое дѣло о которомъ онъ спрашиванъ былъ, истощены всѣ увѣщанія и угрозы, дабы получить отъ него повинную или объясненіе. И на всякое же дѣло истощилъ онъ всѣ страшныя клятвы, дабы заставить вѣрить, якобы ничего о томъ не знаетъ, о чемъ спрашивается, а сколь скоро неоспоримая предъявляется ему улика, тогда извиняется слабостію памяти. Отговорка еще больше слабая, и ему же во обличеніе служащая, ибо, какъ выше показано, онъ и тогда клялся ничего не вѣдать, когда научалъ письмянно другихъ тайть о томъ, что они къ тому отъ него употреблены были, о чемъ онъ спрашиванъ.

Не одинъ разъ во время многократно повторенныхъ ему допросовъ сіе случилось, но почти при каждомъ пункте, такъ что нижеподписавшіяся уже заключали, что гдѣ нетъ точныхъ и неоспоримыхъ уликъ, признаки, каковы бы велики и справедливы ни были, никогда достаточны не будутъ принудить его къ большему показанію и покаянію; а теперь когда онъ всѣ свои клятвы подтвердилъ самымъ пріобщеніемъ на томъ страшнаго таинства тѣла и крови христовы, то и более и справедливее утверждаются они во мнѣніи, что дальнѣйшее слѣдствіе непринудитъ его къ большему чистосердецію, когда уже къ тому и то не сильно было, что христіане имѣютъ нанесвященнѣйшаго и страшнѣйшаго.

Подлинно могутъ изъ разбираемыхъ его писемъ и другими незапными иногда случаями оказаться такія дѣла, которыя послужили бы къ его обличенію; но какъ на передъ извѣстно, что въ такомъ случае отвѣтствовалъ бы онъ коротко, что утаплъ о томъ отъ забвенія, а не съ умыслу, такъ видится, что все то, что впередъ откроется, не имѣетъ служить, какъ для извѣстія Вашего императорскаго величества. А между темъ ничто не препятствуетъ, паче же требуетъ видиться правосудіе, и собственное Вашего императорскаго величества человѣколюбіе, дѣлать скорое решеніе по сему дѣлу.

Преступленія хотя и вкратце вышеприписанныя, дабы не утрудить Ваше императорское величество пространнымъ чтеніемъ мерзостныхъ и гнусныхъ непорочной Вашего величества душѣ дѣла, однакожъ такъ ясны и доказательны, и наказаніе оскорбителямъ величества, преступникамъ монаршихъ повеленій и измѣнникамъ священной коронованныхъ главъ тайны, такъ всенародными правами генерально и здѣшними законами точно определено, а именно смертная казнь, что нижеподписавшіяся ничего отъ себя къ тому присовокупить не смѣютъ и не могутъ; но съ глубочайшимъ благоговеніемъ предаютъ все то въ монаршее Вашего императорскаго величества соизволеніе и милосердіе.

(*Собственноручныя подписи*) кн. Н. Трубецкой.
А. Бутурлинъ.
гр. А. Шуваловъ.

XVI.

ВИНЫ

Бывшаго канцлера Бестужева.

NB. вины его пространее изображены въ изготовленномъ мнѣніи отъ комисіи, а здѣсь только вкратце главнѣшія означиваются.

1-е. Что клеветалъ Ея императорскому величеству на ихъ высочествъ, а въ то же время старался преогорчить и ихъ высочествъ противу Ея императорскаго величества.

2-е. Что для прихотей своихъ нетолько неисполялъ имянныя Ея императорскаго величества указы, но еще и тайными пропсками противился исполненію овыхъ.

3-е. Государственной и противу присяги преступникъ и оскорбитель величества.

Преступникъ, что знавъ или видевъ, что Апраксинъ не имѣетъ охоты изъ Риги выступить и противъ непріятеля итти, и что казна и государство напрасно истощевается, а монаршая Ея императорскаго величества слава страждетъ, недоносилъ о томъ Ея императорскому величеству.

Оскорбитель величества, что вмѣсто должнаго о томъ донесенія Ея императорскому величеству презрелъ и силу указовъ Ея, а вздумалъ, что можетъ то лутче исправить собфельдмаршала Апраксина.

Апраксинъ въ послѣднемъ допросе показалъ, что можетъ быть имѣлъ и Бестужеву оказалъ свое запинаніе къ начатію войны противъ короля пруского, зная, что ихъ высочества весма были склонны къ королю прускому.

Изъ послѣдняго допросу Апраксина и изъ всѣхъ его къ Бестужеву писемъ столько оказуется, что какъ Бестужевъ втянулъ великую княгиню въ сію переписку, такъ Апраксинъ подалъ ему

ственно собою, и вплетеніемъ въ непозволенную переписку такой персоны, которой въ дѣлахъ никакого участія имѣть не надлежало, а чрезъ то нечувствительно въ самодержавное Государство вводилъ соправителей и самъ соправителемъ дѣлался.

4-е. Бестужевъ будучи въ аресте открылъ письменно такія тайны, о которыхъ ему и говорить подъ смертною казнію запрещено было.

5-е. Въ аресте же будучи не только умышленно предпріялъ обо всемъ тапть, но еще и другихъ тому же научалъ.

6-е. Во время же ареста многократно былъ и присяги и страшныхъ клятвъ преступникъ.

Впротчемъ другихъ мерзостныхъ интригъ столь много, что всѣхъ и описать невозможно.

поводъ завести сію переписку, ибо всѣми своими письмами твердя и жалуясь, для чего получаетъ указы противныя тому, что при отъѣзде говорено, соглашено и постановлено было, всемъ темъ не разумелъ инаго, какъ несклонность великой княгини къ войнѣ, такъ что Бестужевъ почелъ за нужно увѣрить его собственнымъ великой княгини письмомъ, что на конецъ согласуется и она къ начатію оной. За что Апраксинъ благодаря Бестужева называетъ полученное отъ великой княгини письмо драгоцѣннымъ для него сокровищемъ и присовокупляетъ, что такимъ образомъ будучи о сентиментахъ увѣдомленъ, онъ уже совершенно спокоенъ.

XVII.

1758-го года майя 6-го дня генералъ фельдмаршалъ на нижеслѣдующія пункты отвѣтствовалъ:

на 1-е. Что хотя памятуется ему, что онъ всѣхъ писемъ отъ великой княгини получилъ шесть, однакоже конечно того не помнитъ, чтобъ получилъ ихъ чрезъ кого іначе какъ чрезъ бывшаго канцлера, въ доказательство чему присовокупилъ, что когда послалъ онъ одно письмо отъ себя чрезъ Ізмайлова, то великая княгиня тотчасъ ему выговаривала, для чего сталъ онъ употреблять другія каналы. Сожалеетъ только онъ что сіе письмо между другими изодрано, о чемъ и прежде доносилъ, что онаго и другаго не нашлося.

на 2-е. Тоже памятуется ему, что и всѣхъ писемъ писалъ великой княгинѣ только два, изъ которыхъ послалъ одно чрезъ Ізмайлова, а другое конечно чрезъ бывшаго канцлера. А по меньшей мѣрѣ такъ ему памятуется, а ежели бы и чрезъ другаго кого посылалъ, то конечно не памятуетъ, іначе же всемерно о томъ не утаилъ бы, ибо не почиталъ, ихъ важностію и въ томъ утверждается съ клятвою.

на 3-е. Признаваетъ или памятуется ему, что Веймарнъ привезъ къ нему въ Ригу письмо великой княгини, и станется, что назвалъ оное канцлерскою финтою, какою онъ дѣйствительно то и признаваетъ, ибо какъ ни есть складъ въ письме не великой княгини но конечно канцлерской. Съ чемъ же его сличалъ того точно не помнитъ, и думаетъ что было прежде того у него одно письмо великой княгини о примиреніи съ гетманомъ, и такъ чаятельно съ онымъ сличалъ. А впротчемъ конечно прежде такихъ писемъ неімѣлъ, которыми бы онъ отъ походу воздерживанъ былъ.

на 4-е. Отмену канцлерскихъ сентиментовъ почитаетъ въ томъ что опой прежде соглашался дабы изъ Риги зимою нейти и къ тому не побуждать, а потомъ сіи понужденіи были чинены непрестанно.

на 5-е. За какія важныя примечанія въ письме своемъ отъ 12 іюля благодаритъ бывшаго канцлера того не памятуетъ.

на 6-е. Признаваетъ, какъ и прежде показывалъ, что можетъ быть имѣлъ и оказалъ бывшему канцлеру свое запинаніе къ начатію войны противу короля прускаго, зная, что ихъ высочества склонны были весьма къ королю прускому, какъ то при отъѣздѣ его изъ Петербурга и не тайно было; почему

конечно не скоро повѣрилъ и удивился, какъ возмогъ такъ скоро бывшей канцлеръ привести Ея высочество великую княгиню на другия мысли. Только же несмотря на то онъ хотѣлъ въ теплое время, а не зимою въ походъ итти, усматривая, что то для арміи весьма разорительно было бы.

на 7-е. Ссылается на отвѣтъ свой въ первомъ и второмъ пункте.

на 8-е. Что канцлерскія о дружбѣ увѣренія называетъ драгоценнѣйшимъ для себя сокровищемъ, то подлинно разумелъ тѣмъ присланное ему при оныхъ письмо отъ великой княгини.

на 9-е. Во первыхъ не памятуетъ, съ какими бы партикулярными наставленіями Веймарна къ канцлеру изъ Риги отправлялъ, а притомъ что до перемены сентиментовъ надлежитъ, то вопервыхъ онъ выговариваетъ тѣмъ канцлеру, для чего согласившись сперва здѣсь на мѣсте зимою ничего не начинать, сталъ вдругъ толь великія къ тому понужденія дѣлать, а потомъ что до того времени онъ и дѣйствительно невѣдалъ, что великая княгиня переменила столько свои мнѣнія.

на 10-е. Подлинно все то Веймарну говорилъ, что оной объявляетъ, а имянно, что канцлеръ будетъ уже меня разуметь, что я пишу, при отъѣзде у насъ имянно о томъ говорено было, по что тѣмъ всегда неразумелъ более какъ только что канцлеръ соглашался самъ зимою ничего не начинать.

Правда же и то, что говорилъ о канцлере, что онъ подкупленъ венскимъ и саксонскимъ дворами, да и теперь то думаетъ, однакоже по одному только мнѣнію, а впротчемъ конечно ничего не знаетъ, а ежелибы зналъ, то конечно не ожидалъ бы нынѣшняго времени о томъ Ея императорскому величеству по рабской должности донести.

Впротчемъ клянется какъ предъ самимъ Богомъ, такъ и предъ Ея императорскимъ величествомъ, что сколько въ слабой его памяти состояло, и что онъ по слабости своей припамятовать могъ, то конечно все ничего не скрывая объявилъ, ибо ему никогда и въ мысль не приходило оправданіи приносить, а единственно просить только о матернемъ милосердіи и помиловаціи.

(*Собственноручная подпись*) **Степанъ Апраксинъ.**

XVIII.

1759 г. генваря 2 числа предъ комиссиею въ собраніи бывшей канцлеръ Бестужевъ призванъ и показана ему была золотая табакирка; при показаніи же спрашиванъ онъ, что откуда онъ ту табакирку получилъ, чей въ ней партретъ и знала ли о томъ жена и сынъ его и кто оную табакирку делалъ.

На что онъ ответствовалъ, что ту табакирку пожаловала ему до аресту ево за несколько месяцевъ во дворце на куртаге великая княгиня,

жена же ево и сынъ какъ онъ помнитъ о той табакирке отъ кого оная ему пожалована и что въ ней партретъ великой княгини, не знали; хотя онъ ее и не мало носилъ, такъ что за несколько дней забывшись оставилъ ее у жены на уборномъ столике; кто же ее делалъ того онъ не знаетъ. И въ томъ показалъ сущую правду.

XIX.

Проектъ манифеста [1]).

Божіею милостію мы Елисаветъ первая імператрица и самодержица всероссійская, и прочая и прочая и прочая.

Обьявляемъ во всенародное извѣстіе

Недавно публикованнымъ манифестомъ нашимъ объявлено, что бывшей канцлеръ Бестужевъ-рюминъ арестованъ, и лишенъ всѣхъ чиновъ и достоинствъ неменше какъ за оскорбленіе величества, и что поведеніе его повелели мы изслѣдовать чрезъ нарочно учрежденную при дворе нашемъ комисію.

Главныя пункты его преступленей, будучи гораздо прежде извѣстны и доказаны, нежели поступили мы на сію природному нашему великодушію и милосердію весма противную строгость, мы симъ изслѣдованіемъ нетолько искали открыть его безбожныя само собою открывшіяся уже дѣла, какъ паче привести его въ раскаяніе, и получа чистосердечное его во всемъ признаніе, получить средство къ его помилованію, непренебрегая должнаго правосудія.

Нескрыто было отъ него, что мы не ищемъ какъ только сего признанія. Весма умягченная строгость ареста, содержаніе его въ собственномъ его доме вмѣсто обыкновеннаго преступникамъ мѣста, позволеніе ползоваться всемъ его имѣніемъ, и наконецъ среди самаго гнѣва оставленныя ему многія знаки прежней нашей милости, довольно ему то показывали.

Однимъ словомъ комисія назначена была, выслушивать болше добровольныя его показанія и признаніе, нежели обыкновенною строгостію, которой съ нимъ ни мало употреблено небыло, вынудить оныя.

Но какъ не по заслугамъ показанныя ему отъ насъ милости и благодѣянія воздалъ онъ неблагодарностію и нарушеніемъ присяги и вѣрности, такъ употребленную въ аресте его умѣренность заплатилъ безпримернымъ упорствомъ и жестокосердіемъ, и избавленіе свое отъ праведнаго наказанія хотѣлъ долженствовать не нашему великодушію и своему раскаянію, но тѣмъ же мерзостнымъ дѣламъ и происканъ, которыми праведной нашъ гнѣвъ на себя подвигнулъ.

---

[1]) Съ нѣкоторыми, довольно существенными, впрочемъ, измѣненіями, манифестъ отъ 5-го апрѣля 1759 г. напечатанъ въ П. С. З. подъ № 10940.

Когда въ первой разъ допрашиванъ онъ былъ, а въ тоже время смертною казнію запрещено ему неоткрывать о томъ ничего и никому во всю жизнь свою, то нашелъ онъ способъ тогдаже нетокмо открыть о томъ письменно, но и подавать неоднократно всѣмъ тѣмъ наставленіе, что имъ отвѣтствовать, ежели спрашиваны будутъ, о которыхъ толко думать могъ, что ихъ спрашивать будутъ.

О всемъ протчемъ съ такимъ упорствомъ предпріялъ таить, что въ то время, когда клялся всѣми ужасными клятвами, и самимъ таинствомъ тѣла и крови спасителя нашего, ничего невѣдать, нашлись его письма, которыми онъ другихъ научалъ, дабы они таили, ежели спрашиваны будутъ, что онъ употреблялъ ихъ въ тѣхъ дѣлахъ орудіями, о которыхъ былъ спрашиванъ, и въ которыхъ заперся съ клятвою.

Но собственной его руки доказателства и другіе свидетелства, противу которыхъ не могъ онъ более, какъ толко просить о нашемъ помиловании награждали то, чего отъ упорства его никакими увещаваніями получить не можно было.

Сими неоспоримыми доказательствами (уличенъ) изобличенъ онъ: 1-е, что противно соизволенію нашему присвоилъ себѣ многія ему непринадлежащія дѣла, и всякими непозволенными образами искалъ разпространить власть свою, не для того, чтобъ забравъ на себя больше по мѣрѣ того умножить свою ревность и усердіе къ службѣ нашей, но къ крайнему оной предосужденію толко для того, дабы наружно удоволствовать безмѣрное свое тщеславіе и властолюбіе; 2-е, (что по отправленію такихъ дѣлъ, которыя составляютъ существителную часть монаршескихъ регалей употреблялъ людей совсемъ постороннихъ и такихъ, кои ни къ какимъ другимъ дѣламъ допущены быть не имѣли) имянныя наши ему точно даванныя повеленіи, когда оныя несогласовались съ пристрастными и самолюбивыми его хотѣніями, нетокмо неисполнялъ съ надлежащимъ усердіемъ, но дѣйствително и тогда исполненіе оныхъ тайными происками препятствовалъ, когда оныя сами собою приходили ко исполненію; 3-е, гдѣ усматривалъ великой и существителной ущербъ нашимъ інтересамъ и всей імперіи, о томъ нетокмо по должности и присягѣ намъ недоносилъ, и умышленно для своихъ пристрастей и видовъ таилъ; но на конецъ 4-е, къ крайнему оскорбленію величества вздумалъ собственныя свои приказанія признавать важнѣйшими и дѣйствительнѣйшими нашихъ повеленей, и такъ разсылая свои безъ нашего вѣдома, и часто въ противность нашимъ соизволеніямъ дѣлалъ себя чрезъ то соправителемъ; 5-е, не можемъ мы безъ внутренняго прискорбія упомянуть, что сей невѣрной и единственно о тщеславіи своемъ пекущейся министръ, послѣдуя безразсудному и слепому своему желанію, быть и безъ дѣла важнымъ и вездѣ надобнымъ не устрашился обносить намъ разными злостными своими вымышленіями ихъ імператорскихъ высочествъ нашего любезнѣйшаго племянника и наслѣдника великаго князя, и нашу любезнѣйшую племянницу великую княгиню, а въ тоже время злостнѣйшими еще внушеніями старался умалять въ ихъ высочествахъ должную къ намъ любовь и почитаніе, и несмотря на то, что ухищренія его непредъуспѣвали, непресталъ однакоже продолжать оныя, до того времяни, пока истощилъ наше терпеніе.

(Протчія весма тяжкія его преступленіи подробно изображать, было бы и весма пространно и тѣмъ паче излишно, что мы гнѣвъ нашъ и достойное ему наказаніе размеряемъ не по онымъ, но по нашему великодушію и милосердію).

Въ протчемъ между взятыми его писмами найдены проекты писанныя собственною его рукою, и содержащія въ себѣ такія дальновидныя замыслы и расположеніи (которыми онъ лстя себя и приуготовляя (на многихъ) вѣрнымъ и усерднымъ намъ подданнымъ), которыми онъ явно показываетъ свое недобро(желательство) хотство къ нашей особѣ и къ нашему здоровью; но о томъ и другихъ его тяжкихъ преступленіяхъ и найденныхъ вредительныхъ (проектахъ) умыслахъ пространно изображать было бы темъ паче излишно, что мы гнѣвъ нашъ и достойное ему наказаніе размѣряемъ не по онымъ, но по нашему великодушію и милосердію, ибо вмѣсто заслуженной и по слѣдствію приговоренной смертной казни, повелели мы (по безпримерному милосердію) сослать его токмо въ собственныя его деревни, дабы другихъ охранить отъ уловленія мерзскими ухищреніями сего въ томъ состарѣвшагося злодѣя.

Имѣніе его все, какъ собственное, такъ и отъ нашихъ щедротъ полученное, надлежало бы всемѣрно конфисковать, когда онъ милости наши и благодѣянія воздалъ толикою неблагодарностію; однакоже и то, по взысканіи съ него должныхъ имъ въ казну нашу знатныхъ денежныхъ суммъ, ему оставляемъ, такъ какъ и женѣ его и сыну на волю предали, съ нимъ-ли ѣхать и жить, или другое мѣсто для житья своего избрать (такъ что однимъ словомъ сколь безпримерное его злодѣяніе толь редко и подобное ему великодушіе).

2007111503